

АКТЕРСКАЯ КНИГА

САВЕЛИЙ КРАМАРОВ

СЫН

ВРАГА НАРОДА

A

АКТЕРСКАЯ КНИГА

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

ВКП ВЛАДИМИР

ВАРЛЕН СТРОНГИН

САВЕЛИЙ КРАМАРОВ

СЫН

ВРАГА НАРОДА

ZEBRA

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

ВКЛ **ВЛАДИМИР**

УДК 929+791.43

ББК 85.374(2)

С86

Оформление Григория Калугина

Подписано в печать 19.06.08. Формат 60х90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 25,0. Тираж 5 000 экз. Заказ № 709и.

Стронгин, Варлен Львович

С86 Савелий Крамаров: сын врага народа / Варлен Стронгин. – М.: АСТ: Зебра Е; Владимир: ВКТ, 2008. – 397, [3] с.– (Актерская книга).

ISBN 978-5-17-055581-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-94663-670-4 (ООО «Издательство Зебра Е»)

ISBN 978-5-226-00957-0 (ВКТ)

У артиста Савелия Крамарова была нелегкая судьба. На родине его охотно утверждали на роли, пока он не стал всенародным любимцем. Тогда завистники, порывшись в его личном деле, обнаружили, что его отец был «врагом народа». И началась травля... Недоброжелатели стали утверждать, что своими ролями он оглушает образ советского человека и вообще в советском кино не место артисту с такой вздорной внешностью. Крамарову пришлось эмигрировать в Америку. И здесь его актерская карьера не заладилась...

Враг народа

(необходимое предисловие)

Начало эпохи повальной секретности в России следует отнести к середине двадцатых годов прошлого века, после Октябрьского переворота, когда возникла цензура и, как считали власти, образовалось невиданное прежде вражеское окружение, внешнее и внутреннее.

До революции главными врагами царской власти были большевики. Царская охранка располагала обширными данными об их деятельности, включая материалы о числе и составе партийных ячеек, и всячески препятствовала объединению большевиков с меньшевиками, чьи политические платформы во многом совпадали. Февральская революция и лично первый министр юстиции Временного правительства Александр Федорович Керенский разогнали жандармские отделения, запылали кострами полицейские архивы, и лишь часть из них удалось спасти и переправить в Америку, где они до сих пор хранятся в

библиотеке Стенфордского университета. И когда Керенский решил покончить с большевиками, нужных ему архивов под руками не оказалось. Объявленная им амнистия всем без исключения политическим заключенным позволила многим бандитам и другим уголовникам выдать себя за большевиков и очутиться на воле. Один из них — головурез и убийца Соколов — принимал участие в расстреле царской семьи и потом разъезжал по стране с чтением лекции «Как я убил царя».

Истинная суть многих вождей, пришедших к власти, оказалась неизвестной или вымышленной. Не исключено, что кое-кто из них прежде работал на царскую охранку. И только недавно выяснилось, что родоначальник советской спецслужбы Феликс Дзержинский не всегда был столь железным, каким себя представлял и теперь выглядит в умах своих последователей. А происходил из старинного шляхетского рода, далеко не бедного. Семья владела 92-мя десятинами земли, которые Дзержинские сдавали в аренду. Феликсу было семь лет, когда после ссоры на охоте кто-то из братьев — Феликс или Станислав — нажал на курок ружья, лишив жизни сестру Ванду. Мать сделала все для того, чтобы это осталось тайной. Летом 1917 года Станислава убили бандиты, и единственным хранителем страшной тайны остался Феликс, который эту историю никогда не вспоминал. Из-за того, что считался политическим преступником, брату Казимиру высшее образование пришлось получать за границей. Он уехал в Германию. А в 1935 году вместе с женой Люцией вернулся в Белоруссию. Во время войны жена работала на немец переводчицей, но была связана с партизанами и

спасла свыше 700 человеческих жизней, за что сама, как и муж, поплатилась жизнью. Самый младший из Дзержинских, Владислав, стал профессором по нервным болезням, отказался сотрудничать с немцами и тоже был ими расстрелян. Одна семья — и такие разные судьбы ее членов. Одни братья спасали от смерти людей, другой многим тысячам подписывал смертные приговоры. Прожив в родовом поместье до десяти лет, Феликс поступил в Первую мужскую Виленскую гимназию, в которой проучился лишь до восьмого класса. В Дзержинове, родовом поместье Дзержинских, до сих пор существует фотоэкспозиция семьи. На одном из фотоснимков представлен щеголь с кокетливо закрученными усами, в модном костюме, с длинной сигарой в зубах. Это и есть Феликс Эдмундович. Под фотографией его цитата: «Аскетизм, который выпал на мою долю, так мне чужд». Можно поверить. На другой фотографии он — господин в мягкой фетровой шляпе и изящном костюме, вполне доволен своей жизнью в буржуазном мире. И лишь на своем последнем фото Дзержинский до странности похож на создателя Красной армии Льва Давыдовича Троцкого. Своеобразная игра природы. Неужели это невинное сходство и послужило причиной загадочной смерти «железного рыцаря» революции? Даже случайная похожесть бородок могла раздражать Сталина, и весьма сильно.

Как и Дзержинский, Иосиф Джугашвили (Сталин) не получил полностью образования. В Туруханске, находясь на поселении, он соблазнил четырнадцатилетнюю девочку, у которой от него родился ребенок. И другая женщина была от него в положении. Поэтому его побег из Туруханска вряд ли можно объяснить

одним неодолимым желанием побыстрее совершить революцию в России. Он прикладывает все силы для того, чтобы сначала добиться расположения Ленина, а затем освободиться от него и занять вакантное место вождя. Когда Сталин впервые увидел Троцкого, то издал дикий гортанный звук, чему были свидетели, видные партийные работники. Звук более походил на крик, но не человеческий, а звериный, в котором сквозило изумление от увиденного, понимание того, что он тут же не может уничтожить этого интеллигентного вождя, глубины ума которого он никогда не достигнет, ни при каких усилиях, и остается только одно для того, чтобы занять его место, — это постепенно дискредитировать Троцкого, ждать его промахов, а лучше — придумывать их, чтобы было легче и удобнее в конце концов избавиться от него и массы его сподвижников.

Сталин не боялся Ленина. Тот был многословен, много писал непонятного и спорного и слабо разбирался в людях своего окружения, в отличие от Троцкого, знающего цену каждому революционеру и способному дать характеристику даже писателю, даже в газете «Правда», где защищал от нападок Бухарина декадента Сергея Есенина. «Придется и мне покорпеть над книгами, — подумал Сталин, путающий Гоголя с Гегелем, — писатели умеют влиять на умы людей».

Он долго размышлял над тем, как и чем отличаться от Троцкого — военного главковерха и признанного оратора. И решил до поры до времени отмалчиваться, а если придется говорить, то резко и требовательно, приводя в пример бога революции — Ленина. Кто осмелится спорить с Лениным — Сталиным, когда

их портреты начнут рядом колыхаться на знаменах? Ленина тогда уже не будет. Он слабоват здоровьем, некоторые недуги его неизлечимы. В крайнем случае через кого-нибудь можно будет припомнить Ленину его грешки, припугнуть его. Он запретил членам партии проводить экспроприации, то есть ограбления банков, но для нужд партии не хватало средств. Поэтому, с ведома Ленина, на время ограбления большевики выходили из партии, а потом их принимали обратно, вместе с деньгами. Впрочем, об этом лучше забыть. И о том, что Ленин не позволил адвокатам-большевикам защищать в Думе членов партии, которые высказывались за поражение в войне с Германией. Хитрец Ленин — хотел заполучить мучеников. Организовать вокруг них политическую спекуляцию. Но его планы сорвал Керенский, спас от смертной казни думцев-большевиков. Нет, об этом лучше забыть. Наоборот, после смерти Ленина нужно будет поклясться на его могиле свято продолжать дело почившего Вождя и построить ему сотни памятников. Почему сотни? Тысячи! Российский люд привык к монархии, Богу, и Сталин дает ему его. В памятниках — Ленина, в реальности — себя. Но пока... Пока... Как бороться с военной славой Троцкого? Подвергать сомнению те или иные его поступки? Но еще свежи в памяти многих людей факты революции. Придется действовать постепенно, внушать людям, что сейчас именно Сталин истинно военный руководитель. Как это сделать? Для начала... «Придумал! — обрадовался Сталин. — Надо всегда появляться перед народом в военном обличье — в кителе, конечно без погон, во френче, галифе поверх сапог. Даже для лета, для жары пошить такой же костюм,

но белого цвета. А на голову необходимо нацепить военную фуражку». Ленин, чтобы выглядеть ближе к массам, носил кепку и закладывал руки в карманы, отодвигая фалды пиджака. Дешевый приемчик. Военный костюм куда солиднее, авторитетнее и со временем выбьет у толпы знание того том, кто был на самом деле главковерхом революции. А для непохожести на многих начал пользоваться курительной трубкой. Он не христианский Бог, ему нужны другие Божественные атрибуты вместо нимбов и ангелов. Он будет попухивать трубкой, сверкать до блеска начищенной звездочкой на фуражке... Чем не новый бог? Троцкий с ним воевать не станет, но свою точку зрения будет отстаивать с пеной у рта, а Сталин в ответ начнет глубокомысленно попухивать трубкой и вынимать ее изо рта лишь для того, чтобы вымолвить: «Это — контрреволюция!» Но одним этим вряд ли победить врага, у которого множество сторонников. И пока еще весьма сильных. Сталину донесли, что с Троцким дружит и беспрестанно ходит за ним крупный партийный работник-коминтерновец Карл Радек. Друг Сталина — Ворошилов — назвал его хвостом Троцкого, на что Радек немедленно отозвался стихами: «Голова у Ворошилова мусором завалена. Лучше быть хвостом у Троцкого, чем задницей у Сталина». Возмущенный Сталин при встрече с Радеком зло заметил ему: «Говорят, что вы придумываете про меня анекдоты». — «Ничего подобного, — отозвался Радек, — по крайней мере, последний анекдот о том, что вы вождь мирового пролетариата, придумал не я». У Сталина от возмущения перехватило дыхание. Слова застряли в горле. Раздражали и другие «оппоненты». Театральный режиссер Всеволод Мейерхольд

свой спектакль «Земля дыбом» посвятил Троцкому, поэт Маяковский в поэме «Хорошо» посвятил Троцкому несколько хвалебных строк...

Сталин решил покончить с Троцким и его последователями. 3 января 1928 года ГПУ вызвало Троцкого по повестке, но он не явился. Отказался выехать в Астрахань, считая, что его здоровье, подорванное малярией, не выдержит влажного Каспия. Тогда Сталин на 16 января 1929 года назначил высылку Троцкого в Алма-Ату в соответствии с 58-й статьей, за контрреволюционную деятельность. Но депортацию пришлось отложить. Тысячи людей окружили поезд, на котором Троцкий должен был следовать в Среднюю Азию, многие легли на рельсы перед ним. Тогда было решено тайком отправить Троцкого на другой вокзал в иное время, чем было объявлено. Перед этим он закрылся в своем кабинете. Офицер, взломавший дверь кабинета, оказался его бывшим охранником в военном поезде времен Гражданской войны и, увидев легендарного начальника, забормотал: «Застрелите меня, товарищ Троцкий, застрелите!»

Но Троцкий успокоил офицера и даже убедил его выполнить приказ. На маленькой станции, в пятидесяти верстах от Москвы, вагон с Троцким и его семьей прицепили к поезду, направлявшемуся в Алма-Ату. Легче было расправиться с его друзьями, объявленными троцкистами и выброшенными из большевистской партии.

Однажды, на сочинском пляже, Сталину доставили первую книжку Троцкого, изданную за рубежом. Сталин впился в ее строчки, не замечая ни палящего солнца, ни принесенного ему обеда, забыв о брошенной на песок трубке. Он закончил чтение уже

при лучах заходящего солнца и с перекошенным от злости лицом бросил книжку в море: «Пропади ты пропадом!» И он понял, что пока живет на свете этот человек, не знать его душе покоя. Он не успокоился даже тогда, когда ледоруб Меркадера врезался в затылок Троцкого, даже когда увидел кинокадры о похоронах своего врага № 1. А сколько врагов еще осталось на свободе? Несчитаное количество! Разбираться с каждым из них — не хватит жизни. «Придумал! — обрадовался Сталин. — А не назвать ли их “врагами народа”»? Врагами не только лично его, Сталина, но и всего советского народа? Хотя «враг народа» — слишком обтекаемое определение... Ну и что? Может быть, именно поэтому самое подходящее. Враг, и точка, и нечего разбираться. И если враг не сдается, то его уничтожают. Даже если сдается, признается, что он есть враг, все равно не будет ему пощады. Смерть врагам народа! Кого к стенке, кого на каторжные работы. Дешевой рабсилой можно будет обеспечить самые тяжелые стройки и производства страны в самых труднодоступных районах, на Севере, Колыме, Камчатке... Надо разослать по районам всей страны разнарядку на поставку врагов народа. «Никакой пощады троцкистам, меньшевикам, эсерам, всем подозреваемым в шпионаже на вражеские разведки — недобитой буржуазии, кулакам, вредителям производства, церковникам, всякого рода оппортунистам, независимо от звания и профессии — ученым, врачам, работникам искусства, сочувствующим вражеским элементам, тем, кто любит распускать языки! Всем умникам! Всем, кто уклоняется от генеральной линии партии или даже способен на это! Очистим страну от бешеных псов империализма!»

До позднего вечера, а зачастую и ночью, горел свет в рабочем кабинете Сталина, подписывающего расстрельные и другие карательные списки.

Неустанно трудились расстрельные команды Феликса Эдмундовича, а позднее — Ягоды, Ежова, Берии. Поток крови залил Россию. На одной Колыме погибли 700 тысяч заключенных, а корабли с рабсилой шли и шли в Ванинский порт. «Будь проклята та Колыма, что названа славной планетой! Сойдешь поневоле с ума, отсюда возврата уж нету...»

Изо всех сил старались угодить Вождю те, кто был ничем, а при нем стал всем. Смерть оборвала злодеяния тирана, и родились стихи: «Морозное и вьюжное прошло. Но падал снег. Не жизни — смерти нужный скончался человек. Наивные, как дети, ушли народы в плач. Впервые на планете оплакан был палач!»

Не вернуть погубленные жизни, не исправить искалеченные жизни, но правду о них рассказать необходимо. Статистика, насколько смогла, подсчитала количество узников ГУЛАГа, в число которых вошел отец героя этой книги Виктор Савельевич Крамаров. Во много раз большим было число членов семей так называемых «врагов народа», своего рода неучтенный семейный ГУЛАГ, где оказался известный артист и мой друг Савелий Викторович Крамаров.

В 1994 году, во время последнего приезда Савелия в Москву, я рассказал ему о том, что в приемной КГБ на Кузнецком Мосту он может ознакомиться с делом своего отца. Лицо Савелия посуровело, холодным блеском загорелись глаза:

— Я обязательно это сделаю.

— За месяц до приезда напиши заявление. Розыск дела занимает немалое время.

— Спасибо. Все сделаю как надо, — заключил Савелий, и я заметил набежавшую на его ресницу слезу. Я знал, что Савелий страшно переживал горестную судьбу отца и узнать что-либо о его жизни было заветной мечтой. Но жизнь Савелия оборвалась раньше, чем он смог воплотить эту мечту. Оставались вдова, дочь, и я решил ради них, ради светлой памяти о своем друге найти дело его отца и рассказать о нем родным, живущим в Америке, и двоюродному брату Виктору — москвичу. Вдова Савелия Наталья Крамарова-Сирадзе прислала мне из Сан-Франциско нотариально заверенную доверенность на ознакомление с делом отца мужа.

Я сижу в приемной КГБ у кабинета работника, которому подавал заявление. Он заметил меня, но прошел мимо в кабинет и закрыл за собою дверь. Прошел час, но дверь не открывалась. Наконец за пятнадцать минут до конца работы приемной работник жестом приглашает меня зайти в кабинет.

— Что у вас?

— Я подавал заявление о розыске дела Виктора Савельевича Крамарова, — говорю я и протягиваю работнику доверенность.

— Помню, — хмуро говорит он, — но что вы принесли?

— Доверенность от жены Савелия Крамарова.

— Ему она жена, а кем приходится его отцу? — возмущенно произносит он. — Всего-навсего невесткой!

— Да, — соглашаюсь я, — но других, более близких родственников у Савелия Крамарова нет. К тому же именно вы в этом кабинете просили меня принести

доверенность именно от его жены. Я сделал то, что вы просили.

Работник смущается.

— Ладно, — снисходительно произносит он, — если дело личное, то покажем полностью. Если групповое — частично, те места, что связаны с подсудимым.

— Он реабилитирован полностью, — замечаю я.

— Не придирайтесь. Я оговорился, — бросает мне работник. — Ждите, вам позвонят, когда дело будет готово к показу.

И вот через пару недель я сижу в уже знакомой мне небольшой комнатке приемной КГБ за обыкновенной ученической партией с поднимающейся крышкой. Здесь я знакомился с делом своего отца, Стронгина Льва Израилевича, бывшего директора Государственного издательства еврейской литературы, осужденного по 58-й статье, пункт 10, якобы за издание националистической литературы. Сейчас я здесь нахожусь один, а в 1956-м году, когда начался процесс реабилитации невинно осужденных, за партами не было свободных мест. Сидели родные осужденных, читали их дела, и многим становилось плохо, кое-кому даже вызывали «скорую». Читать дикие признания родных, выбитые зверскими пытками, — на это не у всех хватало сил. В комнатке пахло валидолом и валерьянкой. Раздавались вздохи и даже стоны. Печальная и незабываемая картина. Я подумал, что в какой-то мере хорошо, что Савелий не увидел дело своего отца, избежал нервного стресса. На его долю и без того выпало немало переживаний как на сына врага народа. Об этом рассказывает книга. А сейчас передо мной лежат документы, которых Савелий не видел.

Основное обвинение, предъявленное отцу: «Использовал трибуну советского суда для антисоветской агитации, вызывая недовольство существующим строем у окружающих».

Адвокат по профессии, с отличием окончивший юридический факультет Киевского университета, проходил практику в Верховном суде СССР, что на Поварской улице, после окончания аспирантуры был принят на работу в Московскую коллегия адвокатов. В 1937 году участвовал как защитник в инсценированных НКВД процессах против «врагов народа», пытался найти смягчающие обстоятельства в действиях подзащитных и находил, включал их подвиги в годы Гражданской войны, ударный и оцененный правительственными наградами труд в послевоенном строительстве, что и послужило поводом для обвинений против него самого. Особым совещанием при НКВД было решено: «Савелия Викторовича Крамарова за контрреволюционную деятельность заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет, считая срок с 14 марта 1938 года». Подпись: «Ответственный секретарь Особого совещания И. Шапиро. Верно: Старший оперуполномоченный 4-го отделения 5-го отдела УМГБ по АК лейтенант Мазалов».

Через полгода мне удастся выбить, в буквальном смысле этого слова, после многочисленных звонков и запросов две фотокарточки отца Крамарова (обе в профиль), кстати, не приклеенных к делу, а прикрепленных к нему тесемками, след от которых виден на фото. На первой фотографии отец Крамарова выглядит сравнительно добрым, крепким, моложавым. Он — юрист и понимает, что никаким вредительством

не занимался, и надеется на скорое освобождение. Фотография сделана сразу после ареста. На второй фотографии, после допроса и пыток, кажется, что присутствует совсем другой человек — осунувшийся, поблекший, с глубокой морщиной, возникшей между глаз, но не потерявший уверенность в своей невиновности, с прищуренным, но волевым взглядом. Увы, надеждам его на досрочное освобождение или на то, что сфабрикованное дело будет признано ошибочным и отменено, не суждено было сбыться. Полностью отбыв срок заключения в Усвитлаге, он был освобожден из-под стражи 13 марта 1946 года. Жил в городе Бийске. Работал юрисконсультom в конторе «Заготзерно». В деле находится справка об обнаружении при обыске имущества Виктора Савельевича Крамарова: профсоюзный билет, расческа и семейная фотография. Жил один, снимал комнату у местной жительницы. Пребывать на свободе ему оставалось немногим более трех лет.

1 марта 1950 года он был снова арестован по ордеру № 24 на основании «Постановления об избрании меры пресечения». За что? Оказалось, за те же «грехи», что в 1938 году, за что уже отбыл полный срок заключения. И уже 6 марта 1950 года его допрашивает в городе Барнауле старший лейтенант Киселев.

Вопрос: За что вы были арестованы в 1938 году?

Ответ: В 1938 году я был арестован и обвинялся в том, что якобы состоял в контрреволюционной организации, существовавшей среди коллегии защитников г. Москвы.

Вопрос: В чем конкретно выразалась ваша антисоветская деятельность?

Ответ: Никакой антисоветской деятельностью я не занимался, так как ни в какой контрреволюционной организации не состоял. Более того, я ничего не знал об ее существовании.

Вопрос: В процессе следствия 1938 года вы давали подтверждающие показания по вопросу вашей причастности к контрреволюционной организации. Почему вы отрицаете это сейчас?

Ответ: Действительно, тогда я признавал, что занимаюсь антисоветской деятельностью. Сейчас я это категорически отрицаю, потому что этого ничего не было.

Следователь Киселев задумался. Он знал, что по делу, по которому привлекался Крамаров, были разрешены спецмеры, то есть пытки. След от них и сейчас виден — шрам на носу. Следовательно, предстояло повторить прежний приговор, а чтобы отличиться, нужно найти новые факты контрреволюционной деятельности Крамарова, уже после освобождения, в Бийске. Поэтому 2 марта 1950 года следователь Асямов допрашивает четырех свидетелей — сотрудников бийской конторы «Заготзерно», где юрисконсультom работал Крамаров. Всем им следователь задает один и тот же вопрос: «Что вам известно об антисоветской деятельности Крамарова»? И от всех получает одинаковый ответ: «О фактах антисоветской деятельности Крамарова ничего не знаем и никогда не слышали от него антисоветских высказываний».

Следователь задерживает директора конторы Никиту Павловича Ревякина, орденоносца, дважды раненного на войне, бывшего замполита роты.

Вопрос: Никита Павлович, вы и ваши сотрудники ответили на мой вопрос, словно под копирку, не сговорились ли вы выгородить Крамарова?

Ответ: А чего его выгораживать? У кого ни спросите, каждый скажет, что он грамотнейший работник, свое дело знает досконально.

Вопрос: Не высказывал ли он недовольство чем-либо?

Ответ: Было дело. Шумел, и не раз.

Вопрос: Уточните, по какому поводу.

Ответ: Бланки для отчетности не завозили, а как отчитываться без бланков? На чем? Вот он и поворчит насчет этого, а потом линейку в руки, карандаш — и сам эти бланки рисует. Аккуратнейший человек.

Вопрос: Вы его даже хвалите. А ведь он отсидел восемь лет. Не накопилось ли у него недовольство нашей властью? Не говорил ли он чего-либо анти-советского?

Ответ: Я уже показывал. Не говорил.

Вопрос: А под хмельком? Неужели не развязывал язык?

Ответ: Да не пил он, еврей. У меня в роте были евреи. Тоже непьющие.

Вопрос: Может, с хозяйкой своею делился разными мыслями? У вас зерно не горело?

Ответ: Бог миловал. Не горело. Каждый год план по заготовкам выполняем. Вы нам Крамарова оставьте. Лучшего юриста во всей округе не сыщешь!

Вопрос: Никита Павлович, можно, я эту вашу отсебятину выброшу из протокола? Она к делу не относится. Ладно?

Ответ: Не надо. Пусть остается. Нам этот работник нужен!

После допросов Виктор Савельевич Крамаров проходит медицинское обследование. Как и после первого суда. Перед высылкой. Заключение: «Обнаружена миокардиострофия, к физическому труду годен ограниченно».

16 марта 1950 года выносится заключение и. о. начальника УМГБ по Алтайскому краю полковника т. Черемисова и прокурора, старшего советника юстиции т. Верещагина: «В отношении обвиняемого Крамарова Виктора Савельевича, 1900 года рождения, считаем необходимым применить меру наказания — ссылку на поселение».

7 июня особое совещание при министре государственной безопасности Союза ССР постановляет: «Крамарова Виктора Савельевича за участие в меньшевистской эсеровской организации сослать на поселение в Красноярский край. Выдан наряд для этапирования в ссылку 18 июля 1950 года».

Поражает вопиющая политическая безграмотность членов особого совещания, не знающих, что эсеровская организация меньшевистской быть не может. Это — две различные партии. Постановление подписывает начальник секретариата особого совещания. «Верно» — подписывает секретарь Крюкова. Для них юридическая правильность осуждения — мелочь. Они делали главное: поставляли властям «врагов народа» — рабсилу.

15 августа 1950 года Виктор Савельевич Крамаров этапировается в Туруханский район Красноярского края. В боковом кармане арестантской робы лежит его фотография с малышом на руках — сыном Савелием. Они больше не увидятся, и отец не узнает, кем

станет его сын, как на его жизни — сына «врага народа» — отразится судьба отца.

О чем думает заключенный? О том, как выжить, как утолить постоянный голод, как заставить себя не съесть сразу всю пайку, чтобы знать, что у тебя еще есть еда и поможет тебе, когда закружится голова. И ты можешь упасть и не подняться, уснуть на морозе, и тогда конец. Часто посещают думы о семье. Сын подросток, уже ходит в школу. Он сделал для него все, что мог. Для него и для жены. Следователь хотел припаять ему изменную статью. А это значит для подсудимого расстрел, для жены — высылка в лагерь, для сына — детдом и потом, как правило, беспризорничество. Следователь попался зверюга. С семиклассным образованием. Но в чине полковника. Выслужился благодаря своему зверству. Бил нещадно. Старался попасть по голове, говорил, что если вернешься из лагеря, то чокнутый. Во время допросов даже помочиться не разрешал, и видно было, что с нетерпением ждет, когда у ног заключенного образуется лужица, после чего захохочет от радости, от того, что унижил мужчину с высшим образованием. Затем повалит на пол, ткнет лицом в лужицу и сунет под нос протокол, мол, подписывай, что выполнял задания вражеской разведки, дискредитировал советскую власть, все равно отсюда живым и здоровым не выберешься. Савелий Викторович терпел пытки до потери сознания, лишь однажды не выдержал и подписал протокол с обвинением, по которому грозило не более десяти лет. Выбрал из худшего самое благоприятное: жена работает, сын учится. Жаль, весточки от них редко приходят. И больше не придут. Развелась с ним дорогая Бася. Когда он получил из Мосгорсуда бумагу о разводе, то

глазам не поверил, чуть с ума не сошел. А потом проплакал всю ночь. А утром подумал, что не могла она сама пойти на развод с ним. Ее заставили. Наверное, грозили уволить с работы, если она не разведется с мужем — врагом народа. А как жить без работы? Да еще с сыном-школьником. Савушка, бедный. Он, видимо, об этом не знает и пусть не узнает никогда. Спасибо ему за теплые письма. Виктор Савельевич понял жену и простил ее, но душу его с той поры охватила невероятная тоска. За что так искалечили его жизнь? Зачем учили наукам? Дали в Москве жилье, работу. Зачем? Чтобы уничтожить?

Как юрист он понимал, что его, дважды осужденного по одному и тому же делу, не выпустят на свободу. Слишком много знает. Он так горевал и отчаивался, что силы буквально с каждым днем заметно покидали его. Он перестал выработать норму, и теперь лес стал для него непреодолимой стеной на пути домой. Виктор Савельевич Крамаров не вернулся из Туруханска. Дело спецпоселенца Крамарова находится в архиве Красноярского УВД.

СЫН
ВРАГА НАРОДА

О том, чего не знал Сава

Он любил солнце, даже зимой, когда небесное светило грело не столько тело, сколько душу, вселяя надежду, что оно скоро наберет энергию и разольет повсюду свое тепло, оживляя природу и согревая людей. Он любил тепло, тянулся к нему, наверное потому, что ему не хватало его в жизни. На первый взгляд это кому-то может показаться странным, и небезосновательно. Савелий Крамаров был одним из самых популярных и любимых народом артистов кино. На его творческих вечерах иные зрители, за отсутствием мест в зале, буквально висели на люстрах. Увидеть своего кумира было для них истинным удовольствием. И когда на телевидении редактор Борис Пургалин и режиссер Евгений Гинзбург задумали сериал, состоящий из шоу известных артистов, вернее – их бенефисов, то для первого бенефиса, который должен был привлечь особый интерес зрителей, выбрали Савелия Крамарова и не ошиблись в своем решении. После показа передачи она была объявлена цикловой, и далее сни-

мались бенефисы Мартинсона, Гурченко, Голубкиной. По замыслу редактора и режиссера героем бенефиса выбирался синтетический артист, то есть способный показать себя разносторонне и даже в различных жанрах искусства. Киноартист Савелий Крамаров выступил в своем бенефисе не только с отрывками из кинофильмов, но и в роли конферансье, гостеприимного, доброжелательного хозяина передачи, пригласившего на вечер своих коллег, незаурядных артистов, не боясь, что они «перебьют» его успех, а будучи уверен, что они, безусловно талантливые люди, упрочат его, что и произошло. Помимо интересных рассказов о своей киножизни, Савелий спел удачную песенку и даже танцевал. Я был автором сценария этого бенефиса, и после него у меня с Савелием возникла крепкая творческая и человеческая дружба. Савелий Крамаров был одним из редких людей, который ни разу не обманул и не предал меня, даже в мелочах, и однажды сказал: «Ты мне в жизни делал только хорошее». Те же слова я могу произнести в его адрес. И теперь, по прошествии многих лет с того времени, я думаю об одном важном свойстве его таланта, послужившем причиной выбора Савелия Крамарова для первого телебенефиса, его неизменного киноуспеха у зрителей. Само появление артиста в фильмах, даже не совсем удачных, приносило радость людям, потому что в его таланте присутствовала народность, несшая черты многих людей, понятная и близкая им.

Признанный ныне неверным — увы, пока теоретически — лозунг «Искусство принадлежит народу», то есть должно быть понятным ему, нанес немалый урон некоторым выдающимся творцам, воплощавшим лозунг в жизнь, и самому народу. В своей книге

мемуаров Федор Шаляпин вспоминает о двух благотворительных концертах, данных им для народа в 1912 году в Киевском цирке, вмещающем две тысячи зрителей. Переполненный рабочими зал подпевал ему «Дубинушку» и даже оперные арии (!). А после революции, на юбилейных торжествах в Витебске, солдаты протыкали штыками панно художника Марка Шагала, как непонятные, а значит, вредные и чуждые им. Послереволюционное искусство во многих своих проявлениях не возвышало души людей, а снижало их культуру, порою опускаясь до их низменных чувств и потребностей. К сожалению, немало примеров тому и в настоящее время. Не обошел этот злосчастный лозунг и творчество Савелия Крамарова. С годами он понял это и выделял из массы сыгранных им фильмов в России только шесть. Умоперемена (термин великого русского историка и религиозного философа Льва Петровича Карсавина) пришла к Савелию Крамарову в немолодые годы, и он, как и его великие коллеги по искусству: Федор Шаляпин, Марк Шагал, Михаил Чехов, Игорь Стравинский, — не видя путей развития своего творчества на родине, покинул ее. Тем не менее, лучшие роли Савелия Крамарова, согретые его обаянием, искрящимся юмором и отражающие правду жизни, вошли в историю комедийного искусства. Его творческий путь, по сути человека с улицы, пришедшего в кино без всякой протекции, весьма интересен и заслуживает всяческого уважения.

Он шел к успеху, надеясь только на себя, без чьей-либо поддержки и меценатства. Правильно заметил один умный человек о том, что таланту нужно помогать, а посредственность пробьется сама. И я знаю, что многие коллеги Савелия Крамарова по жанру

юмора пробились на телеэкран, пользуясь покровительством сильных нашего недавнего времени. Один артист развлекал семью бывшего министра культуры Демичева, другой — самого Брежнева и его внуков, третий — министра МВД Щелокова... Даже в Большой театр некоторые певцы попадали по протекции членов ЦК и его Политбюро. За спиной Савелия Крамарова не было никого из сильных мира сего. Были и творили актеры, таланту которых он поклонялся, у которых учился. Мастерами высочайшего уровня были для него блестящий артист театра и кино Игорь Ильинский, истинно народный артист кино Петр Алейников и, конечно, Аркадий Райкин, современник Савелия, увидев которого первый раз на сцене, он долго не мог прийти в себя от восторга. Многие юмористы, попав под влияние действительно блестящего, высококультурного и остросовременного сатирика, старались подражать ему, и не случайно слишком зло, но в чем-то правильно каждого из них называли в эстрадном мире «Райкиным для бедных» или «Райкиным для нищих».

Савелию удалось отрешиться, найти мужество, чтобы уйти от пути подражания кому-либо из великих артистов, но, конечно, он взял на вооружение их опыт, те черты творчества, что могли помочь ему в становлении личности. Он учился не только у коллег по жанру, но и у лучших драматических артистов, которых буквально боготворил.

Я забежал вперед в своем повествовании о Савелии Крамарове намеренно, чтобы показать не только уникальность его таланта, но и удивительное восхождение к успеху артиста, которого начальство не поддерживало и нисколько не было заинтересовано

в этом. Одаренного певца Вадима Козина заточили в Магадан, и первую же его попытку приблизиться с гастролями к Москве госбезопасность остановила в городе Горьком. В противоположность ему оригинальнейший и славный певец Александр Вертинский, после прибытия из-за границы, спокойно разъезжал с концертами по всей стране. Но многие русские люди из Харбина и Шанхая, а точнее — десять тысяч человек, не решились после революции вернуться на родину, бежали из Китая, опасаясь расправы с ними работников ГПУ, очутились на Филиппинах, где гибли от голода и тропических болезней. Их спас глава Русской церкви в Сан-Франциско архиепископ Иоанн, добившись замены в их паспортах принадлежности к Китаю, чьим представителям ограничивался въезд в США. Он отправил за ними корабли, привезшие русских беженцев в Сан-Франциско. Среди них было немало отличных специалистов в технике, а также талантливых людей искусства. Недавно умерла прекрасная актриса Роза Туманова, сыгравшая в голливудском фильме роль легенды русского балета Анны Павловой. Провожал Розу Туманову в последний путь и русский американец Савелий Крамаров, переживая ее уход из жизни и понимая, насколько печальна участь человека, погибшего на чужбине. И, наверное, он вспомнил свою юность и то, что даже после XX съезда партии, разоблачившего культ личности Сталина, когда потянулись домой из лагерей сотни тысяч оставшихся в живых невинно осужденных людей, многие рядовые чекисты не покинули прежние места службы или растворились в других организациях. Отношение их к бывшим врагам народа мало изменилось. Несомненно, что кое-кто из таких людей засел

в администрации киноискусства и без энтузиазма, если вообще не отрицательно, встретил появление в фильмах сына «врага народа», хотя и реабилитированного, но в их сознании врага, молодого артиста Савелия Крамарова. Откроем пленку его жизни еще назад, чтобы понять рождение в нем юмористического таланта, и вспомним, что юмор является обратной стороной трагедии. Виктор Савельевич Крамаров, отец Савелия, еще молодой, но уже видный член Московской коллегии адвокатов, красивый человек с одухотворенным лицом, добрыми глазами, одержимый желанием помочь людям, тайком изучивший речи знаменитого дореволюционного адвоката Плевако, поразившие его логикой мышления, глубиной проникновения в судьбы подзащитных, милосердием, желанием помочь оклеветанным и даже смягчением приговора виновным. Плевако считал, что излишняя жестокость губит в осужденном человеческое начало, и Виктор Савельевич был в этом и во многом другом с ним мысленно согласен. Мысленно, так как считал, что иные свои размышления не стоит произносить вслух в стране, где врага уничтожают, если он не сдается, — не судят по законам, а уничтожают. Он начал писать научную работу о суде шариата в Чечне, но столкнулся с материалами о том, что большевики обещали дать чеченцам возможность жить и править согласно шариату, потребовав взамен оказывать отчаянное сопротивление Белой армии. И деникинцам пришлось на своем пути к Военно-Грузинской дороге сжигать аулы. Иначе продвинуться к этой дороге они не могли. Чеченцы, ведомые новым Шамилем — старцем Узуном-Хаджи, — боролись с ними бешено. Ведь Антон Иванович Деникин требовал в Чечне соблюде-

ния только царского суда. Многие чеченцы погибли, сражаясь с деникинцами, и заполучили суд шариата, но через год он был отменен и введены советские порядки, а муллы высланы в Соловки и другие лагеря. Виктор Савельевич как юрист понимал стремление большевиков к единству законов, но как человек был ошарашен их обманом и жестокостью. Возмущался, разумеется, мысленно, видя и другие нарушения законности, особенно касающиеся арестов и высылки из страны инакомыслящих людей. Но он верил Ленину, порушившему черту оседлости евреев, давшему им равные права с другими народами. По несколько раз перечитал слова Сталина: «В СССР строжайше преследуется законом антисемитизм как явление глубоко враждебное советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью». Виктор Савельевич интуитивно чувствовал в этих словах фальшивое звучание, не зная таких законов в Конституции, в судебном кодексе, и считал, что смерть — исключительное наказание — может быть применена за убийство, вредительскую измену родине, но не за плохое отношение к тому или иному народу. Здесь более уместна разъяснительная работа, моральное воздействие на националистов, а не расстрел их. Но он уже вступил в партию, иначе его не утвердили бы в коллегии адвокатов. У него была прекрасная жена, маленький ребенок, сын, о котором он мечтал. Мучило только то, что у сына было утолщение века одного из глаз. Виктор Савельевич обращался к врачам, но никто из них не брался исправлять сыну зрение. Один из врачей тихо заметил ему, что нужную операцию могут сделать его сыну только за границей, в Германии или Америке. Виктор Савельевич расстро-

ился, но его успокаивало, что в остальном ребенок развивается нормально. И он верил, что советская медицина со временем достигнет высот не меньших, чем в Америке, и даже перегонит ее.

Виктора Савельевича дважды вызывал к себе председатель коллегии адвокатов Самарин. Он приглашал коллегу присесть на стул, стоящий у огромного полированного письменного стола с резными ножками, за которым, говорят, сидел едва ли не глава царской охраны. Минуту-две председатель молчал, заставляя коллегу смущаться и нервничать. Потом, вздохнув и выпучив глаза, заговорил:

— Вы же умный человек, Виктор Савельевич, — и снова сделал паузу, — вы знаете, что городской суд отменил решение районного суда по делу Тимохина, которого вы защищали чересчур рьяно. И суд смягчил приговор. Зачем вы этого добивались? Ведь Тимохин совершил растрату! И сам в этом признался!

— Да, — согласился Виктор Савельевич, — но явился в милицию с повинной. А причиной растраты была любовь... Безумная любовь!

— Первый раз слышу о подобном, — скорчил недоуменную гримасу председатель.

— И я тоже впервые встретил подобное дело! — оживился Виктор Савельевич. — Тимохин влюбился в молодую интересную женщину, привыкшую к шикарной жизни. А сам кто? По профессии — бухгалтер. Зарплата — кот наплакал. Любовь его оказалась сильнее рассудка. Он взял деньги из кассы своего треста и махнул с любимой на юг, в Гагры. Месяц провел так, как хотелось любимой. На встрече со мною говорил, что о содеянном не жалеет. Готов понести наказание. Зато целый месяц был счастлив с этой женщиной.

А до этого никого по-настоящему не любил. И лицо его при этих словах сияло. Думал, что такой любви не встретит никогда. А вы знаете, что адвокат даже в преступнике должен найти что-то доброе, человеческое, что поможет ему защитить его. А тут любовь... безумная любовь! Поэтому я очень старался, защищая Тимохина!

— М-да, — вздохнул председатель, — вы старались, а городскому суду это не понравилось. Он квалифицировал растрату, сделанную Тимохиным, как умышленный вред, нанесенный государству, как контрреволюцию.

— Что?! — изумился Виктор Савельевич. — Какая здесь контрреволюция?! Обыкновенная растрата денег, если хотите, то хищение, но не более!

— Т-с-с! — прошипел председатель коллегии. — Я вас ценю, Виктор Савельевич, за искренность, но считайте, что я вас предупредил о недовольстве властей вашей защитой. И никому о нашем разговоре — ни слова. Я скажу, что вы признали свою ошибку. И не спорьте со мною. Идите. До свидания, Виктор Савельевич!

В другой раз председатель коллегии адвокатов встретил его еще более хмурым, нервно барабанив пальцами по столу:

— Вы опять перестарались. С делом Зальцмана. Звонили из обкома партии!

— Но Зальцман ни в чем не виновен. Дачу построил на свои кровные. Это доказано. Его оправдал суд.

— Оправдал! — сверкнул ненормальным взглядом председатель. — Но опять благодаря вашей защите!

— Я представил суду все документы. В действиях Зальцмана не было ничего преступного.

— Ну и что?! — стукнул рукой по столу председатель. — Зальцман — бывший бундовец! Разве вы этого не знали?!

— Знал, — признался Виктор Савельевич, — с ваших слов. Но разве это влияет на его дело? Не понимаю...

— Черт возьми вашу наивность, Виктор Савельевич! — вспыхнул председатель. — Вы, еврей-коммунист, рьяно защищали бывшего бундовца. Как еврей еврея. Вы забыли заветы Ленина о недопустимости сепаратизма в пролетарском государстве!

— Я ничего не понимаю, — растерянно произнес Виктор Савельевич. — Есть законы. Я напомнил о них суду. Он со мною согласился. Поэтому Зальцман на свободе.

— Был, — усмехнулся председатель, — а теперь получил десятку, без права переписки, с конфискацией имущества. Он оказался врагом народа!

— Значит, его дачу тоже конфисковали? — поинтересовался Виктор Савельевич.

Председатель заерзал в кресле, потом отодвинулся от стола и коллеги.

— Там уже живет кто-то из начальства ГПУ... Вы понимаете, что происходит? Я вас прощаю. Последний раз. Может случиться так, Виктор Савельевич, что я вам больше не смогу помочь, — неожиданно опустил голову председатель и обхватил ее руками.

Разговор с председателем озадачил и даже испугал Виктора Савельевича. Он медленно шел домой, чтобы успокоиться, зная, что его волнение заметит жена, а он не хотел ее расстраивать. Но овладеть собою полностью ему не удалось.

— Что случилось? — спросила жена, когда он склонился над кроватью сына.

— Ничего не случилось, Басенька, — через силу улыбнулся муж. — Как чувствует себя наш медвежонок?

— Утром распеленался и даже завизжал от радости, — сказала жена.

— Любит свободу, — задумчиво произнес муж. — Ничего особенного не произошло. Мне сделали замечание, что я защищаю людей, которые этого не заслуживают.

— Что это такое? — удивилась жена.

— Не знаю, — вздохнул Виктор Савельевич, — в институте нас учили совсем другому, защищать даже самого закоренелого преступника, даже самого страшного убийцу. Найти обстоятельства его жизни, смягчающие наказание, а тут... Мне кажется, что переворачивается мир, а упреки в мою сторону не поддаются элементарной логике.

— Может, тебе это только кажется, ты устал, много работаешь, — заметила жена.

— Я должен думать, как защитить клиента, от меня в какой-то мере зачастую зависит его жизнь. В какой-то мере. Пусть в небольшой, но зависит. Точнее — зависела. Сейчас...

— Что сейчас? — взволнованно вымолвила жена. — Ты от меня что-то скрываешь, Виктор, очень важное. Прошу тебя только об одном — помни, что у тебя есть жена и маленький ребенок, будь осторожнее.

— Ты права, Бася, — улыбнулся Виктор Савельевич, видя, как Сава пытается освободиться от пеленки, — но я мечтал о громких процессах, которые я выиграю, и иногда мне удавалось спасти подзащитных даже при показаниях против них, сделанных начальственными лицами. Правда торжествовала, и я был счастлив. Об

этих процессах умалчивали «Правда» и даже «Гудок», где собрались отличные журналисты, мне было обидно, но не более, я радовался тому, что сделал все, что мог, и не без пользы. Ты права, Бася, надо быть осторожнее. Но... но зачем тогда я стал адвокатом?! — вдруг вспыхнул Виктор Савельевич. — Зачем?!

Жена ничего не ответила, спазмы в горле мешали ей говорить. Она видела, что муж растерян, взбудоражен случившимся, но не знала, как ему помочь. Она подошла к детской кроватке, скрывая от мужа слезы, и помогла Саве освободиться от сковывающей его движения пеленки. Сава от радости замахал ручками, и так смешно, что она улыбнулась.

Виктор Савельевич понял, что с мечтой о громких процессах придется повременить. Он брал дела о мелких кражах, квартирных склоках. Очередь к нему в юридической консультации поначалу уменьшилась, а потом исчезла совсем. Он болезненно переживал падение к нему интереса клиентов, но успокаивался, вспоминая, что делает это ради любимой жены и крошечного сына, жизнь которого еще впереди; и кто, кроме родителей, поможет ему обрести себя? Надо быть осторожнее. Действительно, мир переворачивался на его глазах, и многие вожди революции вдруг были объявлены троцкистами и шпионами разведок капиталистических стран. Начались громкие процессы, о них сообщала пресса, народ требовал смерти двурушникам и врагам народа. Виктора Савельевича в этих процессах удивляло многое: и отсутствие фактов преступной деятельности обвиняемых, и необъяснимая пассивность адвокатов в их защите, которой, по существу, вовсе не было. Причиной самых суровых приговоров было лишь признание обвиняемыми

своей вины. Его поражало их безволие, даже казалось, что они готовы признаться во всем, даже самом невероятном, в чем обвинит их прокурор. Он сидел в зале на одном из таких показательных процессов и тупо смотрел на сцену, ему показалось, что он присутствует не на судебном разбирательстве, а на заранее отрепетированном трагедийном театральном действе. Он даже обрадовался, что внял советам жены, что ему не придется участвовать в подобной фантазмагории. Но через несколько дней ему позвонили из коллегии адвокатов и попросили срочно явиться к председателю. Стол, за которым сидел председатель, был свободен от обычной кипы бумаг, и его полированная поверхность блестела от солнечного света, проникающего в комнату через открытое окно.

В отличие от прошлых приемов, председатель сразу, без вступительной паузы, перешел к делу:

— Вы — член партии, Виктор Савельевич, и мы доверяем вам очень важную работу... — Тут председатель замаялся, приблизил свое лицо к адвокату и полупотом произнес: — Мы доверяем вам защиту... — И он еще тише назвал имя одного из вождей революции, ныне обвиняемого в троцкизме.

Виктор Савельевич Крамаров, давно отошедший от крупных дел, даже чисто уголовных, обомлел, услышав это предложение.

В душе вспыхнула надежда на удачное продолжение карьеры, и он, забыв обо всем, что думал о волне более чем странных судебных процессов над бывшими революционерами, ныне оказавшимися предателями родины, оживился, и глаза его весело заблестели.

— Но согласился ли подсудимый, чтобы его защищал именно я?

— Его никто не будет спрашивать. Защитников назначают, — таинственно вымолвил председатель, чтобы коллега не противился предложению и не поинтересовался, кто назначит его защищать одного из бывших соратников Ленина.

Виктор Савельевич смутился, но желание вернуться на адвокатский олимп перевесило сомнения.

— Ладно. Я согласен, — вдруг покраснев, неожиданно даже для себя, сказал Виктор Савельевич.

И вышел он из кабинета председателя со смятенной душой, не замечая ничего и никого вокруг, и резкий гудок едва не наехавшей на него машины вернул ему более осмысленное сознание. Он направился в библиотеку и взял подшивку «Правды» за последние два месяца. Отчеты о судах над изменниками родины крупным шрифтом располагались на первой странице газеты.

В протоколе Каменев признавал свои чудовищные действия, в которые трудно было поверить искусственному в судебном производстве человеку. Виктор Савельевич читал признание Каменева, и мысль о самооговоре внедрялась в его сознание, но он внимательно знакомился с отчетами от начала до конца.

«Дважды мою жизнь пощадили, — говорил на суде Каменев, — но есть предел всему. Есть предел великодушию пролетариата, и мы его достигли. Мы сейчас сидим здесь бок о бок с агентами секретной разведки иностранных держав. Наше оружие было тем же. Мы служили фашизму, мы организовали контрреволюцию против социализма. Такова была дорога, нами избранная, и такова пропасть презренного предательства, в которую мы упали».

Ему вторил Зиновьев, третий по значению, после Ленина и Троцкого, вождь революции: «Я ви-

новен в том, что вслед за Троцким был создателем троцкистско-зиновьевского блока, который поставил своей целью убить Сталина, Ворошилова и других вождей... Я признаю себя виновным в том, что был главным организатором в убийстве Кирова. Мой извращенный большевизм превратился в антибольшевизм и через троцкизм пришел к фашизму».

Виктор Савельевич в этих словах уловил момент правды, в словах «извращенный большевизм». Значит, когда-то Зиновьев был настоящим большевиком. А его подзащитный, герой Гражданской войны, тоже, видимо, скажет, что перешел в лагерь троцкизма, но его заслуги в революции неоспоримы. О них можно будет сказать на суде и потребовать смягчения приговора, по крайней мере спасти подзащитному жизнь. Но вспыхнувшая надежда на то, что он сможет выступить на суде, как подобает истинному адвокату, погасла, когда он прочитал слова генерального прокурора Вышинского — кстати, многим известного как меньшевика, примкнувшего к большевикам после Гражданской войны. Вышинский неистово требовал: «Взбесившихся собак я требую расстрелять, всех до одного! Коварного врага щадить нельзя! Весь народ трепещет и негодует! Я присоединяю свой возмущенный голос к гулу миллионов!»

Соседка по коммунальной квартире открыла дверь. Виктор Савельевич прошел по коридору к своей комнате. Жена кормила Саву и не заметила, что муж расстроен, но он не мог не поделиться с нею своими сомнениями по поводу предложенного ему дела.

— Откажись! — не задумываясь, сказала она. — Не ввязывайся в эти страшные события. Я видела портрет Вышинского. Если снять с него очки, то

откроются его совершенно бездушные злые глазки. Я их разглядела. Зачем тебе связываться с этим опаснейшим человеком?

— Поздно, Бася. Я дал согласие. От меня это требовали. Сейчас отказаться от навязанного мне дела не менее опасно, чем вести его. Я могу выступить в суде, как поступали другие адвокаты. Во всем согласиться с прокурором и только в конце своей речи осторожно обратиться с просьбой смягчить наказание подсудимому, если это возможно, если это позволит народ.

— Откажись! — со слезами на глазах, прижимая к себе ребенка, умоляюще произнесла жена.

— Уже нельзя, Басенька. Я буду осторожен, — обещал Виктор Савельевич.

Но когда начался суд и казалось, что кем-то загипнотизированный подсудимый машинально повторяет обвинения прокурора, Виктор Савельевич почувствовал, что в его душе нарастает протест, с которым он не может справиться, и он в своей речи все-таки упомянул о заслугах подсудимого в разгроме Белой гвардии. Глаза Вышинского сверкнули дьявольским блеском, раздался рокот в зале. Подсудимого приговорили к смертной казни. Под аплодисменты зала. Никто не подошел к Виктору Савельевичу, когда он покидал суд. Даже друзья, коллеги-адвокаты. Ему даже показалось, что они сторонятся его, как прокаженного. Они тогда еще не знали, что будут осуждены за создание в коллегии эсеро-меньшевистской группы, пытающейся в судах дискредитировать советские законы и политику партии.

Вокруг детской коляски

Странная ситуация возникла в домике на Второй Мещанской, в квартире, где жила семья Крамаровых. В то время, когда народ требовал казни врагов народа, у соседей по квартире не проявилась ненависть к арестованному Виктору Савельевичу. Они понимали, что он арестован по политическим мотивам, ноы даже не представляли, когда он успевал заниматься враждебной деятельностью. Жена его не работала, сидела с маленьким ребенком, а он утром спешил в юридическую консультацию и на заседания суда, забегая домой пообедать, а иногда и не успевал поесть, когда затягивался процесс, в котором он участвовал, вечером принимал в консультации клиентов и, вернувшись усталый домой, садился за письменный стол, набрасывая тезисы защиты клиента на ближайшее судебное заседание. И вся жизнь семьи Крамаровых проходила на глазах соседей, обыкновенная жизнь людей с весьма средним достатком. Соседи знали в лицо родственников

Баси, даже брата отца и его жену, раз в два-три года приезжавших в Москву из Львова. Соседи приглашались понятыми при обыске в комнату Крамаровых, где еле уместились чекисты, и чтобы открыть шкаф или залезть под кровать, им приходилось тесниться и уступать место друг другу.

— Есть! — вдруг закричал один из них, доставая с полки тисненый золотом дореволюционного издания том с речами известного адвоката Плевако.

Начальник взял книгу в руки, перелистал ее и, наморщив лоб, отложил в сторону.

— Не то.

— А где ваши записки? — обратился он к адвокату.

— Какие? — удивленно спросил Виктор Савельевич.

— Ну, эти, — замялся начальник, — эти, которые вы использовали, выступая в суде.

— Вам нужен мой архив, — догадался Виктор Савельевич и привстал со стула.

— Не вставайте! — грозно заметил ему начальник чекистов. — Мы сами достанем. Где он, ваш этот... архив?

— Под кроваткой ребенка, — грустно ответил Виктор Савельевич.

— Ишь куда запрятал, — ехидно произнес один из участников обыска, сдвинул коляску и разбудил маленького Савелия. Тот замотал головой, разглядывая незнакомых дядей, и, не найдя среди них ни отца, ни сидящую на кровати маму, громко заплакал.

Начальник нахмурился, его раздражала дикая теснота в комнатке, мешавшая работать, и тут еще подействовал на нервы пронзительный плач ребенка.

Чекист, собирающий папки Виктора Савельевича, предложил вывезти коляску в коридор.

— Не положено, — вздохнул начальник.

— Так он еще малец, даже не ходит, — заметил другой чекист.

— Не положено! — повысил голос начальник, хотя и понимал, что маленький ребенок не выберется из коляски, не совершит ничего преступного, ничего не спрячет и не выбросит, но свято следовал инструкции.

— А еще придется делать опись, писать отчет, — вздохнул третий чекист, пересаживая Виктора Савельевича со стула у письменного стола на стул, стоящий у небольшого обеденного столика.

«Слава богу, что комната маленькая и вещей немного», — подумал про себя начальник, которого громкий плач Савелия начал выводить из равновесия.

— Успокойте ребенка! — разрешил он матери. Она взяла Савелия на руки, прижала к себе, и мальчик, по инерции протонав менее минуты, замолчал.

Чекисты облегченно вздохнули. Понятые расписались, где им показали, не читая, под чем ставят подписи, и покинули комнатку.

— Прощайтесь, — заключил начальник, обращаясь к родителям Савелия.

Мальчик последний раз увидел отца, обнимающего мать, почувствовал на своем лице их слезы и, словно осознавая пришедшую в его семью беду, разревелся, и настолько сильно, что чекисты поспешили выйти из комнаты.

— Хватит! — приказал начальник Виктору Савельевичу и жене, схватив мужа за плечо.

— Береги Савелия. Я вернусь! — глотая слезы, успел вымолвить Виктор Савельевич, которого чекисты подтолкнули к двери. Он понимал, что сказал на суде лишнее, сказал правду, чего не делали другие защитники в подобных процессах, не считая, что чем-то нарушил закон, — наверное, не мог поступить иначе. И вот наступила расплата.

Соседи, еле приоткрыв двери, с изумлением наблюдали, как чекисты выводили под руки их соседа, к которому они не раз обращались за советами и который никому из них не отказывал в просьбах, даже составлял их заявления и письма в различные государственные инстанции, письма логичные, юридически обоснованные, и настолько, что на них далеко не всегда приходил отказ, чаще обещания разобраться в том или ином деле. Выходя на общую кухню, соседи боялись встретить его жену, не зная, как реагировать на происшедшее, боясь выразить ей сочувствие, из-за чего можно было пострадать. Они страшились друг друга, подозревая, что кто-нибудь из них может написать донос в НКВД. Даже перестали разговаривать между собой, обходясь общими, ничего не значащими фразами, касающимися кухонных вопросов.

Бася лежала на кровати в шоковом состоянии. Она машинально накормила Савелия, он успокоился после неожиданного вторжения чужих людей. «Я — твоя мама, — прошептала она сыну, — я не дам тебя в обиду, спи, миленький». А теперь она находилась в полузабытьи, путались мысли в голове, страх за судьбу сына мутил сознание, но постепенно она заставила себя думать четче. Вспомнились недавние разговоры с Виктором, ночные доверительные бе-

седы, ведшиеся тихо, чтобы не разбудить Савелия и от боязни того, что и стены имеют уши. В невиновности мужа она не сомневалась, ни на мгновение, ни на йоту. Ни в чем не корила его, хотя и прежде советовала, а потом просила не участвовать в судебном процессе над врагами народа. Муж, далеко не тщеславный человек, но молодой адвокат, жаждущий интересных дел, мог отказаться от защиты известного в стране человека, и, наверное, вся его вина состояла в том, что он нетрафаретно, не как другие коллеги провел защиту. Видимо, в адвокатуре ему сказали или намекнули, как нужно вести себя на процессе, но он не смог перебороть свой честный и принципиальный характер, исполнил долг, не думая о последствиях. После процесса нервничал, на улице опасно оглядывался назад, проверяя, не следит ли кто-нибудь за ним.

— Неужели ты думаешь, что кому-то очень нужен, что сотворил преступление? — однажды, после того как он в очередной раз боязливо огляделся вокруг, заметила ему жена.

— Что я мог сделать, как ты думаешь? Вчера сошел с рельсов трамвай, на шахте в Донецке случился обвал. Неужели это моих рук дело? Но я почти уверен, что скоро будет процесс над вредителями, якобы совершившими обвал. И водителя трамвая могут посадить, даже могут найти людей, подговоривших его нанести урон нашему транспорту.

— Ты шутишь? — сказала жена.

Виктор отрицательно покачал головой и больше не сказал ни слова, показывая жене, что они находятся на улице, и снова обернулся назад. Его страх, наверное, не в такой степени, как у него, передался

жене. Ночью, когда уже уснула квартира, а в этом Бася убедилась, пройдясь по коридору и увидев, что во всех комнатах погас свет, она тихо спросила у мужа:

— Виктор, неужели ты серьезно думаешь, что за тобою следят? И как ты это определяешь?

— Очень серьезно, — шепотом ответил муж, — меня могут посадить даже за анекдот, который я рассказал на дне рождения у своего товарища.

— За какой анекдот? Ты мне его рассказывал?

— Нет, — сказал муж, — даже тебе боялся его рассказать, а в компании выпил, захотелось чем-то развеселить друзей, и я ляпнул, что в центре Москвы к еврею подходит приезжий и спрашивает: «Вы не знаете, где здесь Госстрах?» — «Не знаю, — отвечает еврей, — а Госужас — вот», — и показывает на здание Лубянки.

Бася засмеялась, довольно громко, не могла сдержаться.

— Ты смеялась слишком громко, — прошептал Виктор, — точно так же поступил и я, не мог сдержаться на процессе, даже в компании, где никто не тянул меня за язык. Такой у меня характер. Ничего со мной не поделаешь. А как я узнаю людей, следящих за мною? По их пустым однотипным лицам, даже по трафаретной одежде. Кстати, ты помнишь, как выглядели особисты в «Зойкиной квартире»?

— Нет, — призналась Бася, — я даже удивилась, когда узнала, что спектакль сняли с репертуара.

— Зато я как юрист, а Булгаков как писатель — мы оба, наверное, знали, как одеваются особисты. У них на складе, видимо, не было выбора в одежде. Так вот, особисты, пришедшие арестовывать Зойку, были оде-

ты в одинаковые костюмы и желтые туфли. Других туфель у них в ЧК не было. Я обратил внимание на эту деталь, мне было очень смешно. Давно не видел такую искрометную пьесу.

— За что же ее сняли? — поинтересовалась Бася.

— Не знаю, — шепотом произнес Виктор. — Могли снять просто за то, что пьеса талантливая. Это началось давно... — не договорил задуманное Виктор и замолчал.

— Говори, — попросила жена, — тем более, если начал. Ты же знаешь, какая я любопытная. Говори!

— Только не шути, — сказал Виктор, — я опять не могу сдержаться, хотя знаю, что своим рассказом могу напугать тебя, посеять сомнения в твоей головушке, но ты моя жена, мне не с кем поделиться, кроме тебя, и я не могу сдержаться, — вздохнул Виктор.

Она не увидела в темноте его лицо, но почувствовала, что муж говорит с нею серьезно, очень серьезно, как никогда прежде.

— Ты должна знать, Бася, что это началось давно. Еще при Ленине. Он сам взял билеты в Швейцарию Мартову, чтобы тот уехал из России. Потом выслал на корабле из страны многих философов, ученых, писателей, не согласных с его теорией пролетарской революции. Пролетариат, малограмотный, прямо от станка, не может руководить страной. Кое-кого из специалистов, особенно военных, перешедших на его сторону, Ленин оставил даже на высоких постах. И я думаю, что их сейчас уничтожает Сталин. Я не верю, что подсудимые на моем злосчастном процессе, да и на других, ему подобных, в чем-либо виноваты перед страной, тем более являются аген-

тами буржуазных разведок. Наверное, им обещали жизнь за безропотность и согласие с обвинениями прокурора. Они оговаривали себя. Я — мелкая сошка. Но я хоть очень мало, но помешал власти, защищая героя Гражданской войны, сказав о нем даже толику правды. Надеюсь, что меня не тронут, но все-таки оглядываюсь по сторонам, когда иду по улице. Я боюсь за тебя, за Савелия. Что станет с вами, если меня арестуют? Уже месяц, как со мною перестал здороваться председатель нашей коллегии, при встрече делает вид, что не замечает меня. Плохой признак... А анекдот, что я рассказал сегодня тебе, действительно остроумный. Давай спать, милая!

Бася вспомнила этот разговор с Виктором и то, что в ту ночь они не уснули. Он обнимал и целовал ее так нежно, как будто это была их последняя ночь. А утром она увидела слезу на его реснице. Она не верила в самое страшное, а он понимал больше ее и оглядывался на улице не случайно, не зря. И тут же в ее сердце вспыхнула надежда, что ничего предосудительного Виктор не совершил. И рассказанный им в компании анекдот не более чем анекдот. В этом разберутся и Виктора отпустят. Были такие случаи, что арестованных людей отпускали, не сразу, а через год-два. Но надежда вскоре стала угасать, когда она вспомнила о процессе, где, несмотря на защиту Виктора, подсудимый был приговорен к расстрелу. Снова начали путаться мысли, она устала от переживаний. Бася раньше считала, что жизнь благоволит ей, подарила культурного, верного и заботливого супруга, и неожиданно в памяти возникли его слова, сказанные как бы между прочим, позавчера, за

день до ареста. «Я рад, — сказал Виктор, — что у тебя здесь есть родные братья. У меня один — во Львове, но тоже очень близкий нашей семье человек». Наверное, Виктор надеялся, что в случае беды с ним родные помогут ей.

Неожиданно раздался стук в дверь.

— Бенедикта Соломоновна, вас к телефону, — раздался голос соседки. Новым знакомым и соседям она представлялась как Бенедикта.

Бася вскочила с кровати и, надев тапочки, поспешила к телефону.

— Алло! Алло! Я слушаю вас! — нервно, но с надеждой, что звонят родные, произнесла она. — Алло! Алло! — Но трубка молчала.

Странный звонок расстроил ее, и мгновенно куда-то испарилась усталость. «Пойду работать, — решила она, — первым делом надо устроиться на работу. Но куда? Куда возьмут жену арестованного?»

Определенной специальности, кроме умения печатать на машинке, у нее не было. «Если не устрою Савелия в ясли — не хотелось бы отдавать его туда, — то буду брать работу на дом. У одного из братьев есть машинка». После этих мыслей ей стало легче, но на несколько часов. Вечером, в обычное время, когда она ждала с работы Виктора, она ощутила всю безысходность своего положения и почувствовала, что лишается рассудка. Несвязный говор, донесшийся из детской коляски, вернул ее к жизни: у нее есть Сава. Она должна жить ради сына. Она обещала Виктору во что бы то ни стало, при любых обстоятельствах сберечь его. И она это сделает.

Она прилегла на кровать и вскоре уснула, рой мыслей подавила невероятная усталость — нервная

и физическая, а ей показалось, что она не спала, а находилась под наркозом, от которого окаменели руки, ноги, голова. Но когда подал голос Савелий, она, преодолевая этот наркоз, все же поднялась с кровати. На какое-то время Бася растерялась. Раньше продукты приносил Виктор, а теперь как быть, она не может оставить ребенка одного. Позвонить кому-нибудь из братьев? — подумала Бася и заплакала — у нее не будет сил сказать им, что арестовали Виктора, она просто расплчется в трубку. Она отправилась на кухню варить кашу для Савелия. Сама есть не хотела, еще не оправилась от поразившего ее удара судьбы. Было около шести утра, квартира еще не проснулась, и это придало ей уверенность. Она не знала, как отреагируют на арест мужа соседи. Двое из них, будучи понятыми при обыске, не выражали никаких эмоций, выглядели официально и с самым серьезным видом подписывали бумаги, которые им подсовывали чекисты. Одна из бумаг была с описью вещей мужа — выходного костюма, двух рубашек и пары ботинок. Один из чекистов предупредил ее, чтобы она ни в коем случае не продавала эти вещи. До решения суда. Бася догадалась, что чекист подразумевает возможное осуждение мужа с конфискацией имущества. Она вздрогнула от этой мысли. Конфискации имущества обычно сопутствовал длительный срок заключения или высшая мера наказания — расстрел. Спазмы стали душить ее, закружилась голова, и она, чтобы не упасть, оперлась о коляску Савелия. Его детское лялякание вернуло ей сознание и силы. Она даже подумала, что, слава богу, ее слабость не видел Виктор, которого уже увезли. Она слышала, как машина, прозванная в на-

роде «черным воронком», скрипнула, зафырчала и сдвинулась с места.

Она спешила. Ей не хотелось встречаться с соседями именно сегодня, когда она наверняка выглядит измученной. К зеркалу даже не подошла, чтобы причесаться. Сварит кашу, накормит Савелия и приведет себя в порядок. Люди должны видеть ее собранной и сильной, по крайней мере, уверенной в себе, а если пойдет разговор о муже, то она скажет, что с ним разберется следствие, она не знает никаких правонарушений с его стороны. Возможно, вышла ошибка или кто-то оговорил мужа. Он был хорошим адвокатом, и у него могли быть завистники. И вообще она не собирается унывать, ей надо растить сына. При мыслях о его судьбе спазмы снова подкрались к горлу, на ресницы навернулись слезы.

В этот момент в кухню вошла соседка. По ее нетвердым шагам Бася догадалась, что это Ангелина Степановна, вдова царского генерала, погибшего еще в Первую мировую войну. Бывшая генеральша помалкивала об этом, рассказала только Виктору и Басе, считая их самыми приличными людьми в квартире и веря, что Виктор, как адвокат и добрая душа, посочувствует ей, понимая, какой жизнью она жила и как трудно ей сейчас, когда она влачит нищенское существование.

— Поплачь, дорогуша, — сказала она, видя состояние Баси. — Поплачь. Легче станет. Я полжизни проплакала. Наверное, поэтому жива еще. И обязательно поешь. Слышишь? Без этого нельзя!

Бася послушала Ангелину Степановну и подсыпала в закипающую воду пару ложек манки.

День тянулся медленно. Казалось, что без Виктора приостановилась жизнь. Теперь никто не расскажет

ей о международном положении, и не по-газетному, а со своими комментариями, не поведает об адвокатских удачах, интересных уголовных делах... Ведь она последние годы, после того как родился Савелий, не работала, хотя уход за маленьким ребенком вылился в трудную работу, зато приносящую радость.

Она почувствовала, что готова звонить братьям, но они пришли сами, узнав о беде. Позвонили поздно вечером, когда обычно брал трубку Виктор, а взяла Бася, и по ее тревожному, взволнованному голосу они догадались, что стряслось самое худшее. Оказывается, что Виктор рассказывал им о слезке за собой, о том, что может с ним произойти.

На следующий день пришел самый близкий брат — Леопольд, которого в семье для краткости называли Лео. Пришел со своей женой — Марией. Было десять вечера. Видимо, побаивались, что за квартирой Виктора следят до сих пор. Перебороли страх и не позвонили, а тихо постучали в дверь. Бася догадалась, что стучатся к ней. Поспешила открыть замок. Мария увидела Басю, и лицо ее искривилось от попытки сдержать слезы. Ей это удалось, пока она с братом не зашла в комнату, где не было Виктора. Лишь там женщины обняли друг друга и разрыдались, а Лео подошел к коляске и с нежностью, грустно смотрел на спящего Савелия.

Говорили тихо. Лео вступил в разговор после того, как Бася рассказала об обыске, предчувствиях мужа.

— Я знал, — вздохнул Лео, — мы договорились с Виктором перезваниваться каждый день. Мы ждали его звонка. Потом позвонили сами и все поняли. Мы ничего не можем исправить, Басенька. Надо жить дальше. У тебя сын. И ты всегда должна помнить,

что у тебя есть семья по фамилии Волчек. Это я, Мария, другие братья. Надо написать во Львов — брату Виктора. Наверное, письма тоже просматривают. Но мы напишем иносказательно. Держись, Бася. Я знаю твой самостоятельный характер, но сейчас не время его проявлять. Мы — одна семья и будем помогать тебе, — сказал Лео и положил на стол деньги. — Я устрою тебя работать к себе, в проектный институт.

— Кем? — удивилась Бася.

— Копировщицей, — сказал Лео, — заключим с тобой договор. Анкету заполним. Иначе нельзя. Отдел кадров требует. Такой сейчас порядок. О муже напишешь, что арестован, но не осужден. Думаю, что не придерутся. Работу освоишь быстро. Будешь приходить за ней и в назначенный день сдавать. Лично мне. Если на первых порах что-то не получится, я скажу тебе, что и как нужно исправить.

— Я могла бы еще работать машинисткой. Ты забыл? — сказала Бася.

— Помню, — ответил Лео, — но у нас в институте есть вакантное место копировщицы. Будет постоянный оклад, а машинисткой станешь подрабатывать. Я дам тебе свою машинку. Большая. Займет много места. Куда ее поставить? — осматривая комнату, вслух подумал Лео и остановил свой взгляд на письменном столе Виктора.

— Поставим сюда, — вздохнула Бася.

Помощь братьев пришла очень кстати. Прислал деньги брат Виктора из Львова. Оклад копировщицы был очень маленьким. И работу для машинки она получала нерегулярно, по несколько страничек в месяц. Сущие копейки. Однажды днем, услышав,

как она стучит на машинке, ее в коридоре встретила Ангелина Степановна и, гордо вскинув подбородок, насколько могла, так как мешала сгорбленная спина, заметила:

— Я тоже работала машинисткой, Бенедикта. — И многозначительно добавила шепотом: — И многие из наших тоже. Из тех самых, понимаешь? Даже первая жена одного из министров Временного правительства вынуждена была пойти в машинистки. Ей повезло, что она была первая, а не последняя. Ту отправили на Соловки. Я не могу простить этому Временному правительству и наивному чистюле Керенскому массу промашек! — вдруг ощетинулась Ангелина Степановна и выругалась матом. Бася от удивления выпучила глаза. — Да, да! Иначе не скажешь! — подтвердила свой настрой соседка. — Да, Александр Федорович был культурнейшим человеком, но в душе ребенком. Он трижды должен был арестовать Ленина. Обязан, черт его побери, как председатель правительства! За связь Ленина с немцами. У Керенского в руках были документы о получении Лениным денег от немцев для революции, для расшатывания России. Потом объяснял свою глупость тем, что хотел создать коалиционное правительство. Еще я думаю — щадил земляка из Симбирска. И в результате мы потеряли мужей. На хорошие должности нас, их жен, не брали. Оставалось идти в уборщицы, дворники или стучать на машинке. До сих пор работаем. И нас еще немало. наших дочек, племянниц, невесток, тех, что сохранились. А знаешь, почему нас терпят? Потому что мы печатаем грамотно! — Тут глаза Ангелины Степановны расширились. — И Виктор был для них чересчур интеллигентным и умным адвокатом. Они не любят

таких. Плодят себе подобных. Ты, надеюсь, никому не расскажешь о нашей дружеской беседе, голубушка? Впрочем, мне уже плевать на то, что они со мною делают. Спасибо тебе, голубушка, что меня выслушала. Будешь знать, с кем жила рядом. Не просто со старушкой, а с женой боевого генерала! Я закончила три курса в Институте благородных девиц! Да, да, благородных! — снова вскинула подбородок Ангелина Степановна и направилась на кухню. — Теперь я сама себе говорю: «Кушать подано». И ничего, привыкла. А к их жизни, их хамству не привыкну никогда!

Бася с удивлением слушала соседку, до сего дня считая, что живет рядом с примитивной старухой. А оказалось, что с умной женщиной, мыслящей своеобразно, но логично, и главное — уважающей Виктора. И не знала в тот день Бася, что эта женщина потом множество раз выручит ее, присматривая в ее комнате за маленьким сыном. Когда соседка умерла, Саве уже было семь лет. Через год он пошел в школу. А до этого несколько раз спрашивал у мамы: «Где бабушка?» — «Уехала», — объясняла мама. «Куда? Когда вернется?» — пытался выяснить Савелий. «Не знаю», — отвечала мама. «Ты меня обманываешь, — обиделся сын, — бабушка умерла.

— А где папа?

— На войне, сынок.

— А где был раньше?

— Разве ты не помнишь?

— Я вообще папу не помню.

— Да, тебе было четыре года, когда он уехал учиться на военного.

— Далеко уехал.

— Далеко.

— А почему не писал?

— Занят был. Очень. А когда война началась, у него вообще дел невпроворот.

— Жаль. Неужели нет времени мне написать? Я бы ему сразу ответил. Наверно, на полевую почту? Ты его адрес знаешь?

— Знала. Но его адрес часто меняется. Сегодня — здесь, завтра — там. Понимаешь?

— Ага, — кивнул головой Савелий, хотя столь частые перемещения отца показались ему странными. — Может, он нас разлюбил, мама?

— Что ты?! — ужаснулась мама. — Наш папа такой человек... Он нас никогда не разлюбит. Ты не слезал с его рук. Он тебе песенки пел.

— Что пел, помню. А лицо его — только по фотографии. Почему у нас только одна папина фотография?

— Не знали, что будет война. Не спешили фотографироваться.

— Жаль, — вздохнул Савелий, — но когда же он нам все-таки напишет? Скоро?

— Как война кончится, обязательно напишет, — вздохнула мама. — Мы вместе будем ждать папу. Вместе легче.

— Конечно, — согласился Савелий.

Потом они с мамой эвакуировались на Урал. Мама продавала свою одежду, чтобы прокормить ребенка, так как помощь от братьев, разбросанных по фронтам, стала приходить нерегулярно и была мизерной. Леопольд Соломонович Волчек дослужился до звания капитана и помогал, как мог, жене и родной сестре Басе. Письма от него приходили редко. Бася с сыном вернулись в Москву в 1944 году, а его демобилизовали в

1946-м. До окончания срока Виктора оставалось меньше двух лет. На семейном совете решили рассказать Савелию о судьбе отца. Пора. И он будет писать отцу письма. Он школьник. Его не тронут. А Басю, как жену врага народа, могут уволить из проектного института, куда ее устроил брат, и снова копировщицей, но теперь уже штатной.

Но с рассказом тянули. Назначали даже день, но потом переносили. Боялись травмировать мальчика. Постепенно подготавливали, говорили, что скоро узнают папин адрес и первым напишет ему письмо Савелий. Он обрадовался: «Я пока буду думать, о чем напишу. Я уже думаю! А ты, мама, о чем сейчас думаешь?»

— О том, чем будем завтракать, ужинать...

— Как-нибудь перебьемся, мама. Главное, чтобы скорее приехал папа!

После войны даже начальники зарабатывали не много. Продукты все получали по карточкам. Лео с женой тоже жилось нелегко. И тогда он собрал семейный совет, без Баси, и братья решили, что Савелий будет каждый день обедать у одного из трех братьев. Даже составили для мальчика график, где указывалось, в какие дни и у кого он обедает. Савелий ездил на обеды после школы и однажды, приехав к дяде Лео и тете Маше, с гордостью произнес:

— Вчера вечером я написал письмо папе! И сразу пошлю, как только узнаю его адрес!

Жестокое прозрение

Это было за 356 лет до нашей эры. В ту же ночь, когда родился Александр Македонский, человек по имени Герострат поджег седьмое чудо света — знаменитый храм Артемиды в Эфесе. История гласит, что на допросе Герострат объяснил свой поступок желанием каким бы то ни было способом увековечить свое имя. Тогда в Эфесе был издан приказ: «Забыть Герострата». Но прошло уже несколько десятков столетий, а имя Герострата помнят люди, оно стало синонимом честолюбца, стремящегося приобрести славу путем страшных разрушительных действий. Но до сих пор историки не могут найти, даже предположительно, имена людей, создавших славный храм Артемиды. История имеет странное, но устойчивое свойство — повторяться. И сегодня звучит современно, как афоризм, изречение средневекового философа Эразма Роттердамского: «Иногда побеждает не лучшая часть человечества, а бóльшая». Бóльшая часть нашей

страны преклонялась перед вождями большевизма, и имена их не исчезнут из людской памяти и в грядущие столетия, а лучшая часть человечества, умная, честная, благородная, ставшая жертвой нового строя, возможно, умышленно предается забвению. Поэтому я столь много внимания уделил в книге, посвященной жизни и творчеству актера Савелия Крамарова, его отцу, осужденному по 58-й статье Уголовного кодекса, якобы за буржуазную пропаганду. Впрочем, эта статья тоже войдет в историю нашей страны как синоним клеветнического измышления, погубившего миллионы ни в чем не повинных людей, обрекая на мучения их семьи.

Кончилась война, и через месяц-два начали возвращаться с фронта люди. Савелий уверен, что встретит отца, и рано утром, перед занятиями спешит на Белорусский вокзал, благо он недалеко от дома, и после занятий по два-три часа дежурит на платформе. Завидует тем, у кого там назначена встреча. А остальные, в основном женщины, выстраивают в конце платформы живой коридор, надеются, как и Савелий, на счастливую встречу. Перед ним за день проходят тысячи военных, он боится пропустить отца. Жадно вглядывается в их лица. В боковом кармане лежит фотокарточка отца. Когда он видит похожего на него человека, то сверяет его лицо с тем, что на фотокарточке. Сердце дрожит от предчувствия встречи, от волнения прерывается дыхание. Он несколько раз бросался к военным с криком: «Папа! Это я — Савелий!»; они с добротой и нежностью смотрели на него, но отрицательно качали головами, а один признался: «Нет у меня сына. Пойдем жить ко мне. А?» Но тут

Савелий замотал головой: «Я своего отца жду. Мы много лет не встречались. Я его никогда не оставлю. Извините».

Приходя домой, Савелий спрашивал у мамы:

— Не приехал?

— Нет, — кручинилась мама, — он бы тебя узнал.

У него тоже есть твоя фотография.

На вокзале разгрузились сотни эшелонов с фронта, но отца среди вернувшихся не было.

— У меня буквально разрывается сердце, когда я вижу твои мучения, — неожиданно всплакнула мама, — не приедет папа. Его не было на фронте.

— А где же он был? — побледнел Савелий. — Ведь шла война! Он что же...

— Нет, твой папа не стал дезертиром, и он достойно защищал бы родину, если бы...

— Что если бы? — напрягся и покраснел Савелий.

— Его, наверное, оклеветали, сынок, или вышла ошибка. Я толком не могу объяснить тебе. Но наш с тобою папа, наш замечательный папа, — мама поднесла к глазам носовой платок, — как тебе объяснить?

— Скажи как есть, — пролепетал Савелий.

— Папа осужден, — собрав волю в кулак, вымолвила мама, — он находится в лагере для заключенных. Я уверена, что со временем его оправдают, он не совершал ничего плохого, никому не причинил зла... Но пока... Нам остается только одно — ждать папу.

— Не может быть, чтобы в нашей стране осудили человека ни за что ни про что, — глотая слезы, произнес Савелий.

— Может, — сурово вымолвила мама, — от ошибок не застрахован никто. Я верю в невиновность отца!

— Я — тоже, — растерянно проговорил Савелий, — надо бороться за папу! Доказывать! Надо писать жалобы!

— Я писала. Не помогло, сынок.

— Давай вместе, мама! Ладно?

— Конечно, сынок. Мы не оставим в беде папу. Он сейчас далеко. В Сибири.

Савелий осунулся, поблек, мысли в его голове путались, но одна из них — о невиновности отца — отметала сомнения.

— Я приготовил письмо папе. И пошлю его. Почему вы до сих пор скрывали все от меня? Я уже взрослый человек!

— Такая жизнь, Сава, что тебе придется взрослеть раньше, чем положено по возрасту, — заметила мама, — ты должен быть сильным человеком!

— Постараюсь, мама, — с трудом вымолвил Савелий, слезы душили его, и он нежно прислонил голову к маминому плечу.

Он в душе долго не мог смириться с горькой судьбой. Выстоял длинную очередь в приемную Ворошилова — Председателя Верховного Совета. Отнес туда прошение о помиловании отца. В очереди простоял три дня. И вокруг него стояли такие же женщины, как его мама, такие же юноши, как он, и все они совершенно не походили на родных врагов народа. И у всех них были бледные, грустные лица. Лица людей, переживающих горе. И хотя были они из разных республик, разных национальностей, но говорили на одном языке сочувствия друг другу. Наконец подошла очередь Савелия. Он вошел в большой кабинет, в конце которого за канцелярским столом

сидела женщина средних лет в черном костюмчике с белой блузкой. Она приняла прошение Савелия. Открыла широкую папку и аккуратно прикрепила его прошение к массе других. Закрыла папку и кивнула ему головой, как бы говоря, что все, что от нее полагается, она сделала.

Поначалу Савелию казалось, что люди подозрительно глядят на него, словно знают, что он сын врага народа. Потом заметил, что отношение к нему осталось такое же, как и прежде, но об изменении в своей биографии решил помалкивать.

Мама живет надеждой поехать к отцу, буквально отрывая от скромнейшего семейного бюджета по пять—десять рублей в месяц. Она посылает мужу посылки и денежные переводы. Раз в полгода, чаще не разрешается. И перечень продуктов и вещей для посылок ограничен, и переводы денег малы. Мама однажды призналась Савелию, что, на ее взгляд, все эти ограничения не дают папе поправить здоровье, выжить на лесоповале при диких морозах. Она считает, что Савелий уже взрослый человек, ему тринадцать лет, он должен знать правду об отце и писать ему добрые, нежные письма. Она понимает, что это нелегко сделать пареньку, видевшему отца только на фотокарточке, где он держит сына на вытянутых руках, гордится своим крепким и обаятельным малышом. И Савелий старается в каждом письме сказать папе о себе и маме что-нибудь очень приятное. «Дорогой папочка, — начинает он письмо, — мы с мамой чувствуем себя хорошо, часто вспоминаем тебя. Мама говорит, что мы скоро увидимся. Я очень жду нашей встречи. Учусь хорошо. В основном получаю четверки

и пятерки». Здесь Савелий лукавил, чтобы не расстроить отца, учился он плохо, по поведению у него была тройка. Классный руководитель не раз вызывал маму в школу, жаловался на Савелия:

— Ваш сын может учиться. У него пятерка по биологии. Наверное, этот предмет ему нравится. И учитель по литературе говорит, что ваш сын иногда задает ему интересные вопросы. Значит, думающий мальчик, но, извините, хулиганистый. Уходит с уроков. Грубит учителям. Откуда это у него?

— Много времени проводит во дворе, — краснеет мама.

— А родители? Вы что, не можете повлиять на него? Пусть вмешается отец, если не помогут слова, то пусть накажет сына. Ничего страшного в этом не будет. Это тоже один из методов воспитания. Может, даже самый действенный. Раньше, при царе, учителям разрешалось бить непослушных учеников линейкой по ладоням. Наш гуманный строй запретил это, но я, извините, иногда с удовольствием применяла бы физические наказания к школьникам. А что я сейчас могу? Поставить вашего сына в угол? А он оттуда строит рожицы и смешит весь класс, отрывает от занятий. Выставишь его из класса — он вообще уходит из школы. Поговорите с отцом. Пусть примет меры.

Мама еще больше краснеет, до корней волос. Она не может сказать учительнице, что отец Савелия осужден, что она весь день крутится, чтобы еле-еле свести концы с концами. Она обещает серьезно поговорить с сыном.

— Он может не закончить школу, у него тройка по поведению! — угрожающе заключает учительница.

Мама бледнеет. Этого она боится больше всего на свете. У нее две мечты: дожидаться возвращения мужа и увидеть аттестат Савелия об окончании школы. Потом приедет отец, начнет работать, наладится жизнь в семье, и Савелий поступит в институт. На приезд отца она только надеется, не больше. Вряд ли ему разрешат жить в Москве. Он получил восемь лет, с правом переписки, в одном из писем намекнул, что не признал себя виновным ни в чем страшном, не подписал ни один изменный протокол, хотя очень требовали. Бася понимает, что скрывается под словом «требовали». Значит, били. От других жен, чьи мужья были осуждены по той же статье, она слышала, что следователи пытаются подсудимых, особенно сильно в тех случаях, когда они противятся им. От мыслей, что пытали Виктора, она каждый раз едва не сходит с ума, начинаются боли в сердце, и, чтобы прекратить их, она силой воли гонит из головы ужасные мысли, успокаивает себя тем, что Виктор жив, что все-таки вернется домой, точнее — выйдет из лагеря на свободу. Бывшим политическим заключенным не разрешали жить в Москве и еще в тридцати шести городах. Поэтому Бася готовилась к поездке в Бийск. Побывала в недалеком от Москвы городке Александрове, который отстоял на сто один километр от столицы и не входил в список запрещенных городов. «Может жить где угодно, — сказал ей один из адвокатов, прежде работавших в одной с Виктором юридической конторе, — где угодно минус тридцать семь городов», — и передал ей их список. Города Александрова Владимирской области в этом списке не было. Бася поехала туда и ужаснулась, встретив там исхудалого, со впалыми щеками, еле

передвигавшего ноги человека в замасленной телогрейке, в рваных кирзовых сапогах, наверняка недавно вернувшегося из лагеря. Она хотела подойти к нему, расспросить о жизни в лагере, может, он тоже отбывал срок в тех же местах, что и Виктор, но не решилась из-за страха, хотя не поняла, что именно испугало ее, наверное, боязнь узнать жуткую правду о лагерной жизни. «Неужели Виктор выглядит так же, как этот бедолага?! — ужаснулась она, но тут же подумала: — Пусть. Лишь бы вернулся, лишь бы был жив». Она выходит его. Помогут ее братья и брат Виктора из Львова. Он не забывал Басю, присылал небольшие переводы, видимо, столько, сколько мог. Он был скрипачом и играл в оркестрике в кинотеатре перед началом сеансов.

Бася приехала из Александрова грустная, но не сломленная увиденным. «Значит, есть люди, которые выживают и выходят на свободу!» — потом не раз твердила она себе, когда ее одолевали сомнения и страхи за судьбу Виктора. Он был волевым человеком, но постепенно становился пессимистом, еще на свободе. Поначалу верил, что, будучи адвокатом, сможет помочь людям, но с годами разочаровался в своих былых надеждах и не видел перспективы, просвета для их осуществления. Савелий, не зная об этом, писал отцу бодрые письма о том, что они с мамой очень ждут его. Виктор ответил сыну, что он должен гордиться своей мамой, и сам счастлив, что судьба подарила ему столь верного, умного и надежного друга, что он безумно любит их обоих и живет думами о скорой встрече с ними.

Бася рассказала братьям о жалобе классного руководителя на Савелия, просила воздействовать

на него, и когда он приезжал к ним обедать, то получал, помимо еды, большую порцию назиданий о необходимости хорошо учиться и примерно вести себя в школе. Савелий терпеливо выдерживал все их бесчисленные и многословные нарекания, и не только потому, что зависел от них, но и потому, что они говорили правду. Но дяди и тетки не знали, что скрывается за этой правдой, почему Савелий плохо учится и даже хулиганит. Он не мог, боялся им сказать, что некоторые предметы не нравятся ему и поэтому он не готовит уроки по ним. Ему действительно лень заниматься тем, что неинтересно. И хулиганит он не случайно. Ударил одноклассника за то, что тот обозвал его косым. Ударил сильно, чтобы неповадно было другим, и специально играл роль хулиганистого парня, с которым лучше не связываться. Староста класса пригрозил, что с таким поведением и такими отметками Савелия не примут в комсомол, а он этому обрадовался и даже улыбнулся.

— Чего ржешь? — удивился староста. — Не станешь комсомольцем!

— Не стану, — уверенно произнес Савелий, — я сам считаю, что не достоин этого звания.

— Так исправься! — предложил староста.

— Попробую, — нетвердо вымолвил Савелий, — но не ручаюсь, что получится.

— Почему? — спросил староста. — Все в твоих силах!

— Не все, — напористо заметил Савелий, — ведь вы прозвали меня косым, и я буду драться с каждым, кто обзовет меня. Буду драться! А кто примет в комсомол хулигана? Никто! И правильно сделает!

Староста опешил от его слов и, не найдя, что возразить ему, отошел в сторону. А Савелий действительно обрадовался угрозе старосты. Он боялся вступления в комсомол, вернее, того момента, когда придется встать из-за парты и рассказать всему классу свою биографию, в первую очередь — где и кем работают родители. Он боялся признаться в том, что его отец осужден и сидит в лагере. Об этом узнают учителя, вся школа, будут смотреть на него как на сына врага народа, а если он скажет, что считает отца ни в чем не виновным, то будет еще хуже, получится, что Савелий не доверяет советскому суду и сам не лучше своего отца. Могут за это исключить из школы, даже вроде не за это, а придравшись к плохим отметкам и поведению. Савелий терпеливо выслушивал наидания родственников и, опустив глаза, молчаливо хлебал суп.

— Ешь аккуратнее, — заметил ему дядя Лео, и разозленный Савелий, бросив ложку в суп, вдруг бросился к дверям. Он вышел на улицу и заплакал от обиды, но не на дядю Лео и тетю Марию, а на свою судьбу, сложившуюся неудачно, в чем, казалось, винить некого. Потом, через много лет, он поймет, кто поломал его детство, кто будет мешать ему в жизни. Все это будет значительно позднее. А пока он знал, что ему за этот поступок достанется от мамы, он переживал, что доставляет ей неприятности, но переломить свой характер, изменить поведение в школе не мог, не хотел и был рад, когда староста отстал от него с вопросами о вступлении в комсомол.

К удивлению Савелия, мама спокойно открыла ему дверь и ничего не сказала об инциденте у дяди Лео, хотя тот, конечно, успел позвонить сестре.

На следующий день Савелий обедал у другого брата мамы, и никто не делал ему замечаний, тетя на прощанье даже обняла его, погладила по голове и только всплакнула, чем удивила Савелия. Он не любил, когда его жалели. Почему? С какой стати? Он крепкий парень, ловко играет в футбол, его нелегко остановить, когда он рвется к воротам с тряпичным мячиком или пустой консервной банкой, заменяющей его. Он может ответить любому обидчику, даже не испугается более сильного, чем он. Все в школе знали, что если обзовут его косым, то придется с ним драться. Однажды он за это оскорбление бросился сразу на трех парней. Они его здорово отколошматили, но уважали за смелость и больше не обзывали. И когда он заступился за одноклассника Яшу, которого били только за то, что он был евреем, то отстали и от Яши.

Дядя Лео был на работе, когда Савелию пришла очередь обедать у него; он позвонил по телефону и сказал, что взял билеты на воскресенье, на самый утренний сеанс, на фильм «Тарзан», и они вместе с его мамой вчетвером пойдут в кино.

— Извините, дядя Лео, — сказал ему Савелий, хотя дядя о случившемся в прошлый его приход к нему не обмолвился ни словом.

— О чем ты? — разыграл удивление дядя Лео. — Смотри не проспай. Начало сеанса в шесть утра! Идем в кинотеатр «Первый»!

— Спасибо, дядя! — искренне обрадовался Савелий. — Не проспую!

Он ждал воскресного дня с нетерпением, его одолевала жажда увидеть этот фильм, о котором с горящими глазами, потрясенные увиденным, рас-

сказывали ему двое ребят из класса, два счастлиwicka, побывавших на этом кинодействе. Чтобы по каким-то причинам не сорвался поход в кинотеатр, Савелий тщательно готовил уроки, примерно вел себя в школе. Наши фильмы Савелий смотрел часто. Пропускала его в кинотеатр контролерша тетя Дуся, проживающая в его квартире, в самой маленькой комнатке. Приехала она в Москву из деревни, где был страшный голод. Устроилась домработницей в семью нэпманов, занимавших всю их теперешнюю квартиру из четырех комнат. Проработала у них два года. Потом нэпманов куда-то увезли. В три комнаты вселили другие семьи, в том числе Крамаровых, а тетю Дусю оставили в той комнатке, где она жила при нэпманах. Для Савелия слово «нэпманы» звучало опасно, даже жутко, они ему представлялись злыми эксплуататорами и жадными капиталистами, а тетя Дуся говорила, что они были добрыми людьми, прописали ее на свою жилплощадь, иначе она не осталась бы в Москве, помогли ее родне, передавая для нее домработнице простыни, кое-что из одежды и сухари. Савелий подрядился выносить мусор, когда он скапливался в ведре тети Дуси, чтобы не выглядело так, что она пускает его на фильмы совсем бесплатно.

Особенно понравилась Савелию кинокомедия «Воздушный извозчик». Шла она в кинотеатре больше месяца и через полгода снова появлялась на экранах. Он смотрел ее не менее десятка раз, помнил до мелочей всю картину, ждал смешного момента, когда в поезде чемодан упадет на голову одного из героев, и каждый раз на этих кадрах смеялся, громко и от души, так громко, что на него оглядывались

соседи по ближайшим рядам, но он, увлеченный кинокартиной, даже не замечал их уккоризненных взглядов. Ему нравились все фильмы, одни — больше, другие — меньше. «Сердца четырех» он смотрел всего четыре раза. Сюжет из взрослой жизни его не очень затрагивал, хотя в фильме говорилось о пока неведомом ему чувстве любви, но вызывал интерес один из героев картины — наивный, прямодушный, очень скромный, до неловкости, и поэтому смешной, которого играл артист Шпрингфельд, потом почему-то редко снимавшийся в других фильмах. И конечно, Савелий ждал самого конца кинокартины, ждал с нетерпением. Когда у влюбленных героев кончались недоразумения и споры и сердца четырех разобрались в том, кто кого любит, и провожали одну из пар, уезжающих на электричке в Москву, на экране внезапно появлялся маленький человечек, с пылающими глазами, резкий в движениях, говорящий с грузинским акцентом. Он вбегал на платформу, когда электричка уже тронулась, и, взмахнув от досады руками, пускался догонять ее, задрвав подбородок. Зал покатывался от смеха, и Савелий, наверное, смеялся больше всех и даже захлопал, когда этот смешнейший человечек с невероятными усилиями, выпучив от дикого напряжения глаза, все-таки вспрыгивал на подножку электрички. Савелий запомнил его фамилию — Геллер, видел в других фильмах, где он тоже играл маленькие роли, но не так ярко, как в фильме «Сердца четырех». Его пленяла актриса Людмила Целиковская, самая красивая, по его тогдашнему разумению, девушка на свете, нравилось, как искренне и нежно она пела песенку: «Любовь никогда не бывает без грусти, а это приятней, чем грусть без любви». Другая героиня,

которую играла актриса Серова, почему-то вызывала у Савелия жалость, хотя внешне была волевая и целеустремленная. Он интуитивно чувствовал, что в ее душе таится печаль, наверное, как и в мамином сердце. Ведь мама тоже редко улыбалась, но при этом грусть не сходила с ее лица.

И еще был артист, за игрой которого Савелий наблюдал с невообразимым упоением. Любимец всех ребят в школе и во дворе; даже тетя Дуся, перевидавшая все фильмы за последние двадцать лет, ведь сразу после исчезновения нэпманов она устроилась в кинотеатр контролершей, даже тетя Дуся признала его как самого лучшего артиста, — впрочем, и другие взрослые смеялись над его комичными героями не меньше, чем ребята. Савелий на всю жизнь запомнил его — Петр Мартынович Алейников. Он играл в фильмах «Трактористы» и «Большая жизнь» разгульного, но своего в доску парня, который во втором фильме разоблачал шпиона, устроившего на шахте обвал. Любил выпивать, ленился работать, но был своим, советским по духу парнем и в фильме «Семеро смелых» исправлялся совсем, становился хотя и смешным, но славным покорителем Севера. В народе его называли Ваней Курским, по имени героя в фильме «Большая жизнь». Дома Савелий попытался изобразить его, пел его песенку из кинокартины «Трактористы»: «Здравствуй, милая моя, я тебя дождался. Ты, мой друг, ко мне пришла, я и растерялся». Повторял при этом его движения, старался подражать голосом, но не получалось, отчего Савелий расстроился, так как ему очень хотелось походить на этого артиста. Позднее Савелий поймет, что Петр Алейников был своеобразным и неповторимым артистом, воистину

русским народным комиком, говорившим напевно, как, наверное, говорили люди, живущие на берегах Волги, души его героев были открытыми нараспашку, он говорил что думал — конечно, соблюдая сценарий, может, порою именно то, что внушали людям власти, но так искренне, что ему без колебаний верили зрители. Петр Алейников был настолько популярен в народе, что даже взрослые по несколько раз ходили смотреть его в одном и том же фильме. Потом его перестали снимать, и он очень переживал это. Стал выпивать в жизни больше, чем его киногерои. Однажды он появился в фильме «Глинка», в роли Пушкина. Очевидно, режиссер специально снял его в этом фильме, чтобы привлечь к нему внимание. Но там Алейников играл немую роль. Его Пушкин молчал во всех эпизодах, только скрещивал на груди руки и перекладывал ногу на ногу, вызывая даже этими движениями смех в зале. Внешне был очень серьезен, но даже в роли великого поэта, к тому же удачно загримированного и на самом деле похожего на Пушкина, зрители пытались увидеть Ваню Курского и смеялись, выдавая желаемое за действительное. Больше Алейникова не снимали, то ли потому, что кто-то позавидовал его популярности, то ли оттого, что посчитал его героев, лентяев и выпивох, не характерными для самой передовой в мире страны. Но этот же кто-то в те же годы — конца войны и послевоенные — пропустил на экраны кинотеатров целый букет прекрасных американских фильмов. Возможно, это объяснялось тем, что катастрофически не хватало отечественных кинокартин, падали сборы. Даже при росте государственного антисемитизма приходилось часто показывать фильм «Искатели сча-

стья», фильм в основном о смелых и сильных евреях, покорявших дальневосточную тайгу в Биробиджане, с прекрасной музыкой Исаака Дунаевского, песню которого «У рыбалки и реки тянут сети рыбаки» с припевом: «Больше дела, меньше слов», актуальным даже сегодня, тогда запела вся страна. Картина невольно вызывала симпатию к евреям, тем более что шутки из нее вошли в народ, такие, как высказывание переселенца-охотника: «Лева, пойдем в лес. Есть шанс убить медведя» и вопрос переселенца, роль которого играл великолепный актер еврейского театра Вениамин Зускин, вопрос к капитану судна, везущего переселенцев по реке Бире: «Скажите, пожалуйста, сколько стоит этот пароход?» — «А что, вы собираетесь его купить?» — «Нет. Просто так — интересно».

Этот фильм Савелий смотрел тоже множество раз, так как был евреем, но чтобы не испытывать в школе лишние унижения, скрывал это, смотрел его с гордостью, оглядываясь на лица зрителей, соперничающих героям и видящих, что евреи такие же люди, как и они сами, не без недостатков, но ничем не хуже других. Через многие годы, отдыхая в Ялте, Савелий снова пошел на этот фильм, но некоторые зрители уже по-иному воспринимали даже шутки из него, смеялись зло и оскорбительно.

В ночь перед походом на «Тарзана» Савелий несколько раз вскакивал с кровати, боясь проспать и не успеть к началу фильма, разбудил маму в половине пятого. Она встала, быстро приготовила завтрак. Мама никогда не препятствовала увлечению сына кинофильмами, даже зная, что из-за них он иногда прогуливает школу, ведь тетя Дуся могла пропускать

его без билета только на утренние и дневные сеансы, когда зал еще не был забит до отказа. Но не таким был фильм «Тарзан». Первый сеанс начинался в шесть утра, последний — после полуночи, и даже на них нужно было выстоять громадную очередь, чтобы достать билеты. Дяде Лео, как подарок, продал их кто-то из заболевших сослуживцев. Савелий знал, что это фильм американский, что Тарзана играет легендарный пловец и артист Вейсмюллер, мировой рекорд которого на стометровке вольным стилем, по времени меньше минуты, незыблемо держался много лет. В зале погас свет, и на экране появились знакомые по другим американским картинам титры: «Фильм взят в качестве трофея у немецко-фашистских захватчиков». Савелий вспомнил слова дяди Лео о том, что без американской помощи оружием, машинами и продуктами, без американских подводных лодок и «студебеккеров», тушенки и шоколада и — главное — без открытия ими второго фронта, пусть даже с опозданием, как считали наши власти, было бы труднее победить немцев. Американцы и англичане еще числились нашими союзниками по войне с фашизмом, и, наверное, в результате большой выручки от проката их фильмов, тем более взятых в качестве трофея у немцев, был разрешен показ «Тарзана» и других интереснейших кинокартин о жизни, неведомой Савелию и всем советским людям, жизни сложной, не похожей на нашу, где все было ясно и правильно, судя по газетам, книгам, спектаклям и киносценариям. Но вот начались необычайные приключения Тарзана, человека-обезьяны, смело перелетавшего на лианах по джунглям, дружившего с самыми хищ-

ными зверями, выручавшего собрата от погони за ним злых людей, мечтающих засадить его в клетку, и Савелий забыл обо всем, увлеченный фильмом. Когда кинокартина поражала его сознание, он открывал от удивления рот, и сейчас разинул его настолько смешно, что улыбнулась мама. Однажды она в присутствии дяди Лео и его жены сказала, и очень уверенно, что Савелий станет киноартистом. Засмеялись дядя Лео с женой, сам Савелий, а мама только улыбнулась горделиво, не отказываясь от своего предсказания.

— Стал бы человеком, — вздохнула тетя Мария.

— А я что, не человек? — не видя особого подвоха в тетиных словах, все же возразил ей Савелий. — Школу закончу. Обязательно. А там посмотрим! Чем черт не шутит... Может, и стану киноактером. Может... — сказал он, сам не веря себе, так от смущения и волнения скосив глаза, что на лице мамы отразилась печаль, глубоко поселившаяся в ее душе после ареста мужа. Она, слушая радиоточку, сменившую приемник ЭЧС, реквизируемый у всех его владельцев на время войны, чтобы они не могли слушать сводки о положении на фронте, передаваемые немцами на русском языке, особенно напрягала внимание, когда диктор Левитан говорил о погоде, в том числе в тех краях, где находился муж. Единственным днем, когда Савелию показалось, что мама забыла о своем горе, был День Победы, 9 мая 1945 года. День выдался по-летнему теплый. Маму отпустили с работы, как и сотрудников многих учреждений. Народ хлынул на Красную площадь. Савелию показалось, что она светится от человеческих улыбок, всеобщего счастья. Незнакомые люди обнимались, поздравляя друг дру-

га с окончанием смертельной войны, страха за своих близких, находившихся на фронте, и, наверное, голода и холодов. Ведь разрешили снять затемнение с окон, теперь, может, и регулярно заработает отопление, но даже если этого не будет, то черт с ним, до зимы еще далеко, главное — победили смертельного врага, который стоял у ворот столицы, блокадой душил Ленинград, а теперь откатился к своим Бранденбургским воротам. Вот чем закончился его блицкриг. «Гитлер — капут!» — кричали мальчишки. А на Манежной площади, на быстро сколоченной эстраде, расположился эстрадный оркестр под управлением Леонида Осиповича Утесова, и запел любимейший в народе артист: «Берлинская улица, по улице идем!» Люди ликовали, кто плакал от счастья, кто-то пел веселые частушки, кто-то пустился в пляс. Качали военных, высоко подбрасывая вверх. На глазах Савелия помолодела древняя площадь, озарилась улыбками неподдельной радости. Воистину счастливыми и радостными были люди — как никогда прежде, как, к сожалению, никогда потом. Вскоре железный занавес отрезал страну от цивилизованного мира, сделал людей серыми и хмурыми, словно тень от этого занавеса затемнила их лица. Но правда о том, как живут там, на загнивающем Западе, люди, успела просочиться в нашу страну. Военные встречались на Эльбе с американцами, нормальными ребятами, у которых были те же мирские заботы, что и у советских людей, только вели они себя малость пораскованней, а в остальном мало чем отличались от советских солдат, если не считать более качественной и красивой военной формы и калорийной кормежки. Встречались как друзья, у

которых был один враг, и не думали тогда, что когда-нибудь станут враждовать друг с другом. По стране успел пройти фильм «Миссия в Россию», где даже воинственный, злобный премьер-министр Англии Уинстон Черчилль, представляемый именно таким в печати, а в журнале «Крокодил» — с окровавленным топором в руках, на экране, в документальном фильме, выглядел полным, добродушным и вполне мирным человеком, спокойно курил сигару и любил сам складывать из кирпичей печи.

Стоило повздорить с Югославией, как кровавый топор из рук Черчилля, принятый им, как крокодильская эстафета, из рук Гитлера и Муссолини, перекочевал в руки Иосипа Броз Тито, потом к очередному врагу страны.

Не все люди сразу и безгранично верили столь быстрым сменам политического курса, лишь вера в божественного Сталина, в силу его авторитета вождя народов, в то, что в войне с немцами они не победили бы без него, в конце концов объединила большинство советских граждан в ненависти к проклятому капитализму, от которого, как им внушили, шли все беды в их стране. Только единицы знали о существовании после войны плана Маршалла, предлагавшего всем странам, в том числе и России и странам ее влияния, сделать свою валюту твердой и конвертируемой. Сталин в гневе отверг этот план, его экономисты моментально углядели в предложении Маршалла коварные происки Запада, и наша страна, находившаяся в послевоенной разрухе, была отброшена от благоденствия, которое не пришло к ней до сих пор.

В кино широко пошли «Кубанские казаки», но лживую картину о расцвете советского колхозного

села, голодающего в действительности, не спасла даже чудесная музыка Дунаевского. И многие люди вспоминали увиденные ими правдивые, и порою до жесткости, американские фильмы. А Савелий никогда не забывал о них, просмотренных множество раз, не забывали и другие мыслящие люди и помнят сейчас, если живы. В какой-то мере эти фильмы дали толчок поэтам-шестидесятникам, развитию в стране джаза, еще давно и сердито объявленного «музыкой толстых». Разве можно забыть поэтичную, без трудовых подвигов и конфликтов «хорошего с лучшим» кинокартину «Серенада Солнечной долины» с обаятельным Гленном Миллером и его певучим джазом, с очаровательной Соней Хени — чемпионкой мира по фигурному катанию, бежавшей от фашизма в Америку, как, кстати, и другая звезда — первая чемпионка мира по шахматам Вера Менчик, увы, погибшая в Лондоне во время бомбежки города немецкими самолетами. В этом фильме звучал мировой музыкальный шлягер «Чаттануга чуча», запрещенный цензурой для исполнения нашими оркестрами. Драматург Виктор Славкин догадался перевести название этого шлягера, и оказалось, что оно звучит отнюдь не разлагающе и опасно для советской молодежи — «Поезд на Чаттанугу», о чем Славкин с большим юмором и иронией поведал в своей популярной пьесе «Взрослая дочь молодого человека».

Детские и юношеские годы, даже очень трудные, остаются навсегда в памяти людей. И это вполне объяснимо. Юные люди еще не обременены семьями, в их душах еще не накопилась нервная усталость прошедших лет, порождающая равнодушие, и первые впечатления от увиденного и услышанного, узнаваемость

нового, интересного в окружающей их жизни, как яркий праздник, снятый на кинолентку, поселяются в их сознании, и чем дольше не исчезают из него, тем моложе душой остается человек даже в солидном возрасте.

Подобное случилось с Савелием Крамаровым и другими его сверстниками. Известный режиссер театра и кино Марк Захаров с большой теплотой вспоминал в телеинтервью об американском фильме «Судьба солдата в Америке», увиденном в детстве. Вообще-то в Америке этот фильм называется по-другому – «Ревущие двадцатые». А у нас его называли иначе, и не случайно, чтобы советские люди, посмотрев его, убедились, насколько неудачной бывает судьба солдата в империалистической стране, тем более такой авторитетной в западном мире, как Америка. И на мой взгляд, вполне закономерной была творческая встреча Леонида Гайдая и Савелия Крамарова в кинофильме «Двенадцать стульев». Опять забегая вперед и нарушая последовательность в описании жизни героя книги, скажу, что Леонид Гайдай приглашал для съемок в основном кинозвезд. Не избежал этой счастливой участи и Савелий Крамаров. И как я думаю, Леонид Гайдай искал для роли незадачливого шахматиста из Васюков, обманутого Остапом Бендером, не только популярного актера, но и своего сверстника, чье детство, по существу, было малопривлекательным, где, кроме футбола и кино, не было других развлечений, когда господствовала серость в искусстве, науке и других сферах бытия. Только, конечно, человек, выросший из этого времени и понявший, что у него, по существу, украли детство, которое было у людей в демократических

странах, не прошедших запреты всего нового и прогрессивного, к примеру генетики и кибернетики, правдивых фильмов и спектаклей, джаза вообще, как такового, походов на «космополитов», якобы преклоняющихся перед достижениями Запада, а на самом деле пытающихся помочь народу войти в число цивилизованных, мог быстрее снять розовые очки, напаянные ему на глаза и лакирующие весьма серую и убогую действительность. И когда Савелий Крамаров, в роли шахматиста из Васюков, играющего в сеансе одновременной игры с фальшивым гроссмейстером, яростно и с искренней обидой в голосе восклицал: «Здесь стояла моя ладья!», то даже незадачливый зритель понимал, что у этого человека, по существу, украли значительно больше, чем шахматную фигуру, его обманывали столь часто и грубо, что он, пользуясь случаем, выражает свое возмущение, свое идущее из глубины души негодование обманом и готов расправиться с лжегроссмейстером, символизирующим для него все зло в нашем обществе, но, как нередко случалось в жизни, жуликоватый наглец уходит от наказания, а честный человек попадает впросак, оказывается в смешном и грустноватом положении. Свою роль в этом фильме Савелий Крамаров считал одной из самых лучших в кинокарьере. Я уверен, что Савелий был благодарен режиссеру и за то, что он сделал его героя слепым на один глаз, надел на него черную повязку, исключив элемент косоглазия, которое, по мнению недоброжелателей Савелия, вызывало смех у зрителей и приносило ему успех. Кстати, позднее, выправив зрение, артист играл не менее смешно и ярко, чем до этого. Разумеется, юный Савелий смотрел неоднократно «Судьбу солдата в Америке», фильм, ныне

ставший классическим в мировом кинематографе. И прежде всего юношу поражал герой фильма — солдат, вернувшийся с Первой мировой войны и выбравший опасную профессию бутлегера — человека, торговавшего спиртным во времена сухого закона. В наших фильмах все было понятно: кто — хороший человек и кто — плохой. Хороший вызывал симпатию, становился примером в жизни, а плохой осуждался и служил примером того, как не следует вести себя в нашем самом передовом на планете обществе. Савелий со временем поймет, что именно потому, что отрицательные герои Петра Алейникова вызывали не только смех, но и симпатии зрителей, этого артиста перестали снимать в кино. А тогда Савелия удивило, что с течением фильма он начинает сопереживать, все больше и больше, по существу отрицательному герою, решившему выбиться из нищеты, нарушая закон — кстати, потом отмененный в Америке, потому что он не достигал цели. Савелий радовался за героя, когда он совершал удачные сделки, искренне переживал его неудачную любовь к красивой девушке, которая пела в принадлежащем ему ресторане, но отдала сердце его юристу. Песенка героини сопровождалась в фильме титрами с ее переводом на русский язык, и в ней были слова, которые запали в душу Савелия: «Есть у тучки светлая изнанка» — так начиналась песенка. Фильм посмотрела мама и однажды дома, неожиданно для Савелия, пропела эти слова, и он понял, что за тучами, сгустившимися над мамой и ним, есть свет, солнце, и когда-нибудь тучи обернутся для них светлой изнанкой. Это наступит тогда, когда вернется домой отец и восстановится в полном составе их семья. Конец фильма вызвал у Са-

велия целую гамму переживаний, от которой к горлу подступали слезы. Герой фильма, не раз рисковавший жизнью в своей опасной бутлегерской деятельности, но не раз помогавший друзьям, даже юристу, по сути отбившему у него любимую девушку, был коварно предан человеком, которого он считал другом, с кем разделял успех, и в результате разорился, а потом погиб в перестрелке с полицейскими. Женщина, любившая героя без взаимности, но считавшая, что именно она, не столь юная и прекрасная, как певица из ресторана, но верная герою душой, нужна ему, плакала над умирающим любимым, незаурядным человеком, смелым и отважным, но с ранимым сердцем ребенка, зато неунывающим, только крепко сжимающим губы при неудаче. Савелий после этого фильма выходил из кинозала с покрасневшими веками и думал, что не так проста жизнь, как представляется в большинстве наших фильмов, и, чтобы добиться в ней успеха, даже просто выжить, надо быть сильным человеком, сильным духовно и физически.

И еще подумал Савелий, что герой этого фильма злобно нарушил закон, впрочем, как и другие отрицательные герои американских фильмов, все они были преступниками, но никто не называл их «врагами народа», не бросал им в лицо столь жуткое обвинение и не карал их родных, даже не притеснял.

Из наших военных фильмов ему больше других нравились «Два бойца». И Саша с Уралмаша в характерном и очень достоверном исполнении блестящего артиста Бориса Андреева, и, конечно, неподражаемый Марк Бернес, который запомнился Савелию еще по фильму «Истребители» своей внешне неброской, но трогательной душой игрой. А в «Двух бойцах» он

чем-то походил на героя «Судьбы солдата в Америке». Савелий интуитивно почувствовал это, но не сразу понял — в чем. В неунывающем характере — догадался Савелий, и его поразило, что люди из разных стран, с разной идеологией и принципами жизни, могут в чем-то быть похожими друг на друга. Такое открытие поразило сознание Савелия, и чем больше он смотрел американских фильмов, тем сильнее убеждался в верности своей мысли, на первый взгляд несурзадной и даже опрометчивой.

В биографической кинокартине о верховном судье Америки Уоррене, начавшем свою карьеру с честнейших поступков, защищающем невинных людей, вопреки ожиданию властей и давлению их на него, Савелию представился отец, по словам матери, приличнейший человек и честнейший адвокат, всеми силами защищавший незаконно арестованных и вызывавший этим недовольство начальства. Савелий несколько раз ходил на фильм «Сенатор», где герой — сенатор от одного из американских штатов — грустил, сталкиваясь с несправедливостью жизни, и в такие минуты, чтобы отвлечься от уныния, брал в руки саксофон, из которого выливалась сначала невеселая мелодия, переходившая в бодрую и задорную. А мама в такие моменты читала стихи своей любимой поэтессы, почему-то напечатанные не в книге, а мамой, на машинке, на обычных листках бумаги.

Савелий благодарил судьбу за то, что она свела его с доброй и бескорыстной тетей Дусей, без нее он никогда не увидел бы столько интересных фильмов, без которых его жизнь оказалась бы пустой и невзрачной. Он любил фильмы об актерах, людях искусства. Наш фильм «Антон Иванович сердится» смотрел

каждый раз, когда его возвращали на экраны. Савелию была интересна жизнь главных героев, но более всех привлекал его внимание неудачливый и смешной композитор Керосинов. Савелий из титров фильма узнал фамилию артиста, играющего композитора, и запомнил ее навсегда — Сергей Мартинсон. Не похожий ни на кого из своих коллег, ни внешне, ни по оригинальности игры, умеющий и петь, и танцевать, и смешить с грустью в душе, так, что вдруг становилось жаль его героя, обычно человека нелепого и даже глуповатого, неудачливого в жизни и от этого вызывающего сочувствие.

Конечно, юному Савелию были ближе по характеру разухабистые, веселые герои Петра Алейникова, но он почувствовал, что не только Мартинсон, а Ильинский и Кторов, которых он видел в фильмах «Праздник святого Йоргена», «Закройщик из Торжка», чем-то отличаются от Петра Алейникова, наверное, более сложной игрой, которую он не мог тогда оценить должным образом, но решил разобраться, понять, почему они привлекают его внимание, чем отличаются от Алейникова. Савелий знал, что Ильинский играет в Малом театре, а Кторов — в Художественном, но как попасть туда, когда там не работает на контроле тетя Дуся, а у него нет и копейки за душой, и просить у матери денег на билеты в театр он не решится, видя, с каким трудом они ей достаются и что их едва хватает на еду. Мама давно не покупала себе ничего из вещей и с грустью смотрела на разбитые после футбольных баталий во дворе туфли сына. А Савелий любил эту популярнейшую игру, где он мог хоть как-то выразить себя, и рвался к воротам, обозначенным, на расстоянии

пяти-шести метров двумя камешками или школьными портфелями, ловко обходил защитников и что есть силы лупил по воротам, играл особенно азартно, когда вблизи появлялась Наташа Сиротина — самая красивая девушка в школе, похожая на американскую красавицу Дину Дурбин.

Савелий обожал двух артисток: нашу, трогательно, до замирания сердца, игравшую Машеньку в одноименном фильме, и Дину Дурбин, актрису русского происхождения, в одной из картин поющую «Очи черные», с акцентом, но так по-русски бесшабашно и весело, что Савелию в эти минуты казалось, что он вот-вот оторвется от стула, взлетит, направляясь к экрану, и присоединится в танце к актрисе. Но все оставались на своих местах, прекрасные девушки экрана были недостижимы для Савелия, впрочем, как и Наташа Сиротина. Он не мог даже подойти к ней, стыдясь своей рваной обуви, поношенной одежды, доставшейся от детей маминых братьев, но он видел ее почти каждый день и однажды в темноте, занимая пустое место в кинозале, очутился рядом с Наташей. Они вместе смотрели фильм «Джордж из Динки-джаза», вместе смеялись, вместе следили за перипетиями забавной кинокартины, вместе радовались, когда музыкант Джордж разоблачил шпиона, передававшего при помощи музыки зашифрованный в ней секретный текст сидевшему в зале вражескому агенту. В один из напряженных моментов кинодействия Савелий неумышленно коснулся локтя Наташи, и она не отодвинула руку, наверное, как и он, увлеченная происходящим на экране. Но зажегся свет, они поднялись со стульев и разминулись в толпе, скопившейся у выхода из зала. Но Савелий часто вспоминал

это чудесное прикосновение и подумал, что если бы у него были деньги на приобретение билетов, то он рискнул бы пригласить Наташу в театр. Одолжил бы на вечер у кого-нибудь из ребят подходящие пиджак и туфли и с билетами в руках поспешил бы к Наташе. Увы, это было только в его мечтах, и он ревновал Наташу, когда она на переменах говорила с другими его одноклассниками. Обучение тогда было отдельным, девочки учились отдельно от мальчиков, поскольку у ребят, в отличие от девчонок, были уроки военного дела. Савелий без всякого энтузиазма посещал эти уроки и недолюбливал учителя военного дела, человека сурового и говорившего ребятам, что сдавшихся в плен красноармейцев наша армия не признает, говорил часто, будто сидящие перед ним школьники мысленно рвались сдаваться врагу.

Савелий, попадая в кинозал, искал глазами Наташу, но больше ее там не увидел и очень жалел, что они не оказались рядом на фильме «Тигр Акбар». Такого развития любви и событий, как в этом фильме, Савелий даже не способен был себе представить. Дрессировщик, которого бесподобно играл артист Гарри Пиль, уже немолодой, с морщинистым лбом, но очень душевный и этим напоминавший Савелию дядю Леопольда, влюбился в свою молодую ассистентку, был заботлив и нежен с ней, не замечая, что его лучший артист — тигр Акбар — начал ревновать дрессировщика к девушке и на одном из цирковых представлений смертельно ранил ее. Плакал дрессировщик, выступили слезы на глазах тигра и сидящего в зале Савелия. Ему было жаль всех: и дрессировщика, и ассистентку, и даже тигра, по природной дикости не сумевшего побороть свое чувство. После этого

фильма с Савелием произошло чудо — он перестал ревновать Наташу, а она, привыкшая к всеобщему успеху у парней, удивилась, что Савелий даже перестал смотреть на нее, и стала сама поглядывать в его сторону, чем приподняла Савелия в его собственных глазах.

Однажды вечером они с Яшей, которого он ограждал от антисемитских нападок соучеников, толком не понимавших, что плохого сделал им Яша и другие евреи, зашли в кассы Художественного театра. Савелий прочитал афишу, висевшую у окошка администратора, и заметил лежавшие на его столике пропуска в театр. Душа Савелия заметалась в сомнениях, страхе и диком, едва ли не похожем на неуправляемое чувство тигра Акбара желании попасть в театр. Он подошел к администратору и заплетающимся от волнения языком назвал фамилию, увиденную на одном из пропусков. Администратор странно посмотрел на Савелия, но протянул ему заветный пропуск. Они с Яшей забились на последние ряды балкона, хотя им полагались места в партере, во втором ряду, опасливо оглядывались вокруг, пока не начался спектакль и на сцену вышли не привычные экранные, а живые артисты. Играли пьесу Максима Горького «На дне», играли мастерски, насколько мог это понять Савелий, и театр с этого вечера увлек его больше, чем кино. Он стал смелее подходить к окошкам администраторов в других театрах, пока его не выследили в Театре имени Маяковского. Администратор привел его в свою комнату, хотел вызвать милицию, но почему-то передумал и попросил у Савелия домашний телефон, позвонил маме и рассказал ей о случившемся с ее сыном. Савелий испуганно смотрел на администрато-

ра, на вошедшего в комнату известного и красивого артиста Названова.

— Первый раз встречаю такого хитреца, — обратился к Савелию артист хорошо поставленным бархатистым и от этого еще более пугающим злоумышленника голосом. — Вас, юноша, чего интересовало, жульничество?

— Не-а, — еле вымолвил Савелий.

Пришла мама и, опустив голову, покорно выслушала назидание администратора, поблагодарила его за то, что он не передал сына милиции.

— Вот это номер! Вот это трюк! — с удивлением заметил маме Названов, когда она уводила Савелия.

Он думал, что мама станет ругать его на чем свет стоит, но она не сказала ему ни слова и вдруг вскинула брови, обращаясь к кому-то неизвестному, глядя в темноту:

— Все-таки мой сын станет артистом!

— Ты чего, мама? — вздрогнул Савелий. — Я больше не буду! Честное слово!

Сава взрослеет

Весна затянулась, и хотя снег успел растаять, от земли веяло холодом, и ветер пронизывал потертую куртку Савелия. Наташа Сиротина закрутила роман с его одноклассником, сыном какого-то начальника, ровесником Савелия, и он смирился с этим, понимая, что соперничать с ухажером Наташи он не сможет. Ухажер выглядел совершенно иначе, чем большинство других школьников, на нем ладно сидел костюмчик, о котором Савелий даже не мог мечтать, лицо было рыхловатым, но сытым, за ним после уроков иногда заезжала машина отца, и в школе поговаривали, что этот парень будет обязательно учиться в Институте международных отношений или в Военной академии иностранных языков.

Савелию на перемене однажды удалось поговорить с Наташей, он стал рассказывать ей о том, что видел в Художественном театре, как мощно играл Ноздрева Ливанов и почему-то редко и в маленьких ролях появлялся на сцене известнейший артист

кино Кторов, в роли Межуева — зятя Ноздрева, но даже эту крошечную роль, почти без слов, играл впечатляюще, издавая лишь хмыканье и другие звуки, свойственные пьяному или очень слабому человеку, подавленному наступательным характером тестя. «Зять мой — Межуев!» — пробасил Савелий, подражая Ливанову. Потом показал Наташе, как играла Коробочку Зуева, щебетал ее голосом с фальцетом, сгорбившись и сложив на животе руки. «Смешно», — похвалила Наташа Савелия, но сделала это не искренне, а из приличия, разыскивая взглядом своего ухажера.

Но даже равнодушие школьной красавицы мало расстроило Савелия. Приближался день освобождения отца, и мама и он ждали его с нетерпением. Оставалось еще три долгих и томительных месяца, но что они представляли по сравнению с уже прошедшими более чем семью с половиной годами. Савелий видел отца только на фотографии, ждал и по-своему побаивался встречи с ним, с самым родным, более чем дяди и тети, но в то же время незнакомым человеком, хотя они переговаривались между собой в письмах. Отец писал ему, что нужно хорошо учиться, что без знаний в жизни придется туго, о том, что он любит сына и дождетса встречи с ним. Мама объяснила Савелию, что письма всех заключенных просматривают и отец не может написать, в каких нечеловеческих условиях он живет, как изматывает его каторжный труд на лесоповале. Такое письмо не пропустят.

— Неужели каторжный? — спросил у мамы Савелий. — Неужели у нас такой бывает? Ведь каторга была только при царе!

Мама ничего на это не сказала Савелию, лишь достала из кармана халатика носовой платок и приложила его к глазам.

— Не плачь, мама, — тревожно попросил Савелий.

— Ладно. Не буду, — взяла себя в руки мама. — Ты понял намек отца?

— Какой?

— Что он дождется встречи с тобою. Значит, сделает все, чтобы выжить. Постарается. Очень. И сдержит свое слово. Он хотя и не был приучен к тяжелому физическому труду, но работал много, иногда засиживался до позднего вечера за письменным столом, готовясь к защитительному выступлению на суде.

— Он помогал людям. За что же его осудили? — сказал Савелий, о чем думал уже раньше и не единожды, но не решался расспросить об этом маму, но сейчас для этого подвернулся удобный случай.

Мама промолчала так выразительно, словно говорила, будто именно за это отца посадили. «Странно, — подумал про себя Савелий, — нам в школе внушают, что люди должны помогать друг другу, а не сажать в тюрьмы и лагеря тех, кто это делает, причем очень старательно. Наверное, отец пострадал за то, что защищал преступников. Ну и что?» Савелий прочитал в юридической книге, что это прямая обязанность адвоката и не имеет значения, какого преступника адвокат защищает, даже для подзащитного убийцы он должен найти смягчающие его участь обстоятельства. «Наверное, отца посадили ошибочно, такое бывает», — продолжил свою мысль Савелий, но вспомнил суровое лицо и нелогичные, злые высказывания преподавателя военного дела, и в душе возникли

сомнения, подумалось, что такой несправедливый человек способен оклеветать другого, в отличие от него честного и доброго.

Савелий собирался в пионерский лагерь, куда его устроил дядя Леопольд, на два месяца. Тогда редко говорили о подобных делах, что кто-то что-то получил, чаще звучало «устроил», «достал», «выбил», «пробил», даже о том, что полагалось по правилам или закону. Савелий считал, что два месяца в пионерском лагере пробегут незаметно, а там уже скоро вернется отец. И вообще Савелий любил подмосковное лето, когда можно ходить в трусах и майке, а не в дядином пиджаке, висевшем на школьнике, как полупальто, ничем внешне не отличаться от других ребят. Он уже привык к одежде с чужого плеча, не показывая вида, что замечает насмешливые взгляды соучеников и даже учителей. Наступало время отъезда, и тут случилось событие, которое произвело большое впечатление на маму и особенно — на Савелия. Однажды кто-то тихо и осторожно постучал в их дверь. Соседи обычно уверенно били ладонями по двери или громко спрашивали, можно ли войти, а тут постучали, несмело и выжидающе. Мама от неожиданности вздрогнула. Она подумала, что близится окончание срока отца, и, чтобы его не выпустить и найти компрометирующие документы, снова пришли для обыска. Савелий тоже удивленно замер, сидя на стуле, и посмотрел на маму. Лицо ее побелело от волнения и жути. Она не сдвинулась с места. Стук повторился, и мама, преодолевая страх, подошла к двери.

— Кто там? — тихо, но, как могла, уверенно вымолвила мама.

— По делу, — ответил мужской голос.

— По какому делу? Мы никого не ждем! — смело произнесла мама.

— Не бойтесь. По хорошему делу, — мягко прозвучал тот же голос, словно его обладатель понял состояние мамы.

— Войдите, — сказала мама, сняв крючок, закрывавший дверь.

На пороге стоял аккуратно одетый немолодой мужчина, немного смущенный, наверно, тем, что явился без приглашения и предупреждения.

— Можно войти? — смущенно спросил он.

— Пожалуйста, — кивнула ему мама. Мужчина переступил порог и плотно закрыл за собою дверь.

— Я из консультации, где работал Виктор Савельевич, — робко сказал гость. — Понимаете, мы тут просмотрели бухгалтерию и обнаружили, что ему полагаются деньги.

— Какие? — удивилась мама. — Виктор ничего не говорил мне ни о каких деньгах!

— Это было давно, — не изменил тона мужчина, — вы могли забыть, и он — тоже. Обстоятельства были, сами понимаете... Я принес эти деньги.

— Извините, но я их не могу принять! — твердо заявила мама, не сомневаясь, что ее провоцируют.

— Возьмите, — предложил гость, — Виктор Савельевич их заработал, но не успел получить, не смог..

Мама на мгновение смутилась, не зная, что делать. Деньги были ей нужны, очень, она собиралась поехать к отцу к тому дню, когда освободится муж, встретить его и решить, куда ему ехать. В письме Савелий написал отцу о городе Александрове, который отстоит от Москвы ровно на сто один километр, всего на

сто один километр. Они с мамой подумали, что папа поймет их намек. Так и произошло. Отец, когда ему разрешилось отправить почту, сообщил, что с радостью прочитал их послание и теперь знает о хорошем городе Александрове.

— Нет! — резко заключила мама. — Ни о каких деньгах, причитающихся мужу, я не знаю и не могу ничего принять от вас. Извините, не возьму!

Мужчина опешил от непреклонного отказа мамы, покраснел и замялся.

— Поймите, мы решили помочь. Об этом никто не знает. Честное слово...

Мама стояла на своем и отрицательно замотала головой.

— Ничего не возьму. Так будет лучше, — спокойнее возразила она, чтобы не обижать гостя. — Всего вам доброго. До свидания.

Мужчина суетливо затоптался на месте, но потом все-таки начал прощаться и взялся за ручку двери.

— Может, передумаете? — умоляюще попросил он, но встретившись с решительным взглядом мамы, извинился несколько раз, пожелал ей всего лучшего, вежливо поклонился и открыл дверь.

Мама потом жалела, что грубовато говорила с гостем, что, наверное, это был друг Виктора и решил действительно помочь его семье. Конечно, версию о не полученных мужем деньгах он придумал. Если они были бы на самом деле, то их давно переслали бы маме или попросили прийти за ними. Все-таки, видимо, никакого злого умысла в приходе гостя не существовало, но мама не могла не перестраховаться, поскольку на сто процентов не была уверена в этом и очень боялась провокации, считая, что КГБ может

представить эти деньги как плату иностранной разведки за буржуазную пропаганду мужа, именно за ту, что ему инкриминировалась.

— Ты знаешь, Лео, возможно, я была не права, — потом объяснила она брату. — Может, и прогнала доброго человека, считай, что я сошла с ума, но не могла поступить иначе! Не могла!

— Все может быть, Бася! — вздохнул Лео. — Такая жизнь, что действительно можно сойти с ума. Не кори себя. А деньги... деньги на дорогу мы тебе соберем. Не сомневайся.

— Я знаю, — сказала мама и обняла за плечи Савелия. — Он у меня уже взрослый!

Савелий много размышлял о неизвестном госте. Он ему понравился. «Вот какие хорошие, умные и культурные были у папы друзья, пусть даже один друг, — подумал Савелий, — столько лет прошло, а он помнит отца, даже захотел помочь его семье. Почему не сделал этого раньше? Видимо, мешал испуг... Но все-таки решился. Лучше поздно, чем никогда. Значит, папа был очень достойным человеком, если друзья не забыли его до сих пор...»

Савелий не любил утро в пионерском лагере, раннюю побудку под громкие звуки назойливого горна, линейку, похожую на армейскую поверку, однообразную гимнастику под суровым оком физрука, даже пару сотен метров до столовой приходилось добираться в строю. Зато потом, если не оставляли дежурить в лагере, можно было улизнуть от взора пионервожатых, которые были увлечены флиртами и романами между собой, и уединиться в ближайшем лесу, спуститься на берег узкой и неглубокой речки, следить за ее быстрым течением. Эта речка стала

памятной для Савелия. Здесь дядя Лео научил его плавать. Он приезжал с мамой навещать Савелия и тянул его к реке. Первый раз Савелий зашел в воду и остановился, когда она достигла подбородка, но дядя Лео сзади подтолкнул его, заставив погрузиться в речку с головой.

— Что вы делаете?! — вынырнув из воды, растерянно вымолвил Савелий.

Вместо ответа дядя Лео подтолкнул его еще дальше, заставив барахтаться в воде, опускаться на дно, подниматься наверх и отчаянно бить руками по воде.

— Работай ногами! — приказал дядя Лео.

Савелий старался, понимая, что его учат плавать, но ничего у него не получалось, и он нахлебался воды. Тогда дядя Лео протянул ему руку и вытащил из глубокого места. Почувствовав ногами дно, Савелий стал отплевываться, а дядя Лео смеялся:

— Страшно?

— Угу, — промычал Савелий.

Они вышли на берег. Савелий лег спиной на песок, зажмурился от солнца, а минут через десять встал и отважно посмотрел на дядю.

— Пойдемте. Еще раз попробуем!

Дядя Лео задумался и обнял Савелия.

— Ведь ты боишься?

— Боюсь, — искренне признался Савелий.

Они зашли в речку, Савелий сам ринулся в глущину, изо всех сил бил по воде руками и ногами, но ничего не получалось, и дядя Лео снова вытащил его на берег.

— Черт возьми! — покачал головой Савелий. — Никак не выходит!

— Получится, — сказал дядя Лео, — ведь ты от страха утонуть колошматишь воду, а ты возьми ее в союзники, делай плавные движения... Попробуй еще раз!

— Вот отдышусь, — испуганно проговорил Савелий, оттягивая момент очередного сражения с водой.

Савелий поплыл через несколько дней, после многих неудачных попыток, почувствовал, что нашел контакт с водой, и пожалел, что рядом не было дяди Лео. Необъяснимое чувство радости, перемешанное с гордостью, охватило Савелия. Ему показалось, что он не движется по воде, а летит по воздуху, как свободная птица. Он боялся, что потом не сумеет повторить свою удачу. Погревшись несколько минут на воздухе, он опять вошел в речку и осторожно, приняв горизонтальное положение, поплыл по воде.

— Я плыву! — закричал он.

«Плыву», — донеслось эхо из леса, окружавшего речку, или это ему показалось — он не знал и не придал этому пустяку значения, потому что был счастлив.

— Добился! Сам! — похвалил его дядя Лео в очередной свой приезд и рассказал маме об успехе Савелия.

Мама серьезно посмотрела на сына, и вдруг лицо осветилось улыбкой, к тому же раскованной, а не вымученной, как бывало раньше.

Савелий ощутил прилив сил и уверенность в себе. На следующий день, на утренней зарядке, он стал делать новое упражнение, прыгая и выбрасывая руки вверх.

— Ты что, рехнулся, Крамаров?! — выпучил глаза физрук. — Все приседают, а ты прыгаешь!

— Мне так хочется! Разве плохое упражнение? — как ни в чем не бывало произнес Савелий.

— Покинь спортплощадку! — возмущенно произнес физрук. — И сделай десять кругов вокруг пионерлагеря. Бегом. Я буду считать!

Савелий побежал по дорожке, шедшей около спального корпуса. Начало припекать солнце, но он упрямо двигался вперед, пока не закружилась голова. Он сделал двенадцать кругов, вызвав смятение на лице физрука.

На следующий день тот не смотрел в сторону Савелия, наверное, считая, что он действительно сошел с ума, спорить с ним бесполезно, при этом можно только потерять авторитет у пионеров, что может привести к массовому нарушению дисциплины. Физрук пожаловался на несговорчивого пионера старшему вожатому, и он заставил дежурить Савелия вне очереди. Но зато когда он вырвался за ворота лагеря, то побежал к речке, наплавался до изнеможения и усталый, но довольный собою побрел по лесу и прилег на лужайке, окаймленной деревьями, и впервые Савелию показалось, что они живые, дышат, даже переговариваются между собою, шевеля ветками. Он впервые залюбовался ими и подумал, что радость общения с природой у него не может отнять никто, ни физрук, ни старший пионервожатый, даже те люди, которые насильно увезли отца в далекий Алтайский край и принуждают уничтожать красоту, мучая его духовно и физически. Савелий знал, что в этот город ссылали декабристов, но они почему-то не бежали из него, как Сталин, тоже ссыльный, но находившийся там на вольном поселении. Декабристы были людьми чести, наверное, бегство, даже из заключения, считали для себя постыдным делом. «Дворяне — значит, с одной сторо-

ны, эксплуататоры, кровопийцы, а с другой — борцы с самодержавием», — задумался Савелий о сложности жизни, во многом ему непонятной и странной. Он еще не привык глубоко вникать в бытие, поэтому отключился от мыслей и беззаботно уставился в голубое летнее небо, испещренное небольшими белыми облаками, не способными закрыть жаркое солнце.

После того как Савелий сумел противостоять физруку, некоторые девчонки стали с интересом поглядывать на него, а он делал вид, что не замечает их, ходил с гордо поднятой головой, но сожалел, что этого не видит Наташа Сиротина. Солнце пригрело Савелия, и настолько, что он забыл о равнодушной к нему Наташе, обо всем, что нервировало его, обо всем дурном на свете, и счастливо задремал, опоздав на обед. Зато во время ужина ел с жадностью, восстановив комфортное состояние тела и души.

Кончился срок пребывания в лагере, небольшие облачка стали чаще объединяться в тучи, но деревья по-прежнему радовали глаз, и Савелий в последний раз пришел в лес, чтобы попрощаться с ним. «До свидания, до следующего лета», — хотел сказать он березам, елям, но почему-то передумал, сомневаясь в возможности такой встречи, и для этого были основания. Через полтора месяца вернется из заключения отец, и неизвестно, как сложится дальше их жизнь, должна наладиться, но отец, видимо, будет жить в Александрове, снимать там комнату. И тут Савелий заметил, что деревья грустят вместе с ним, отчего многие из них желтеют, теряют листву, и доброе чувство к ним возникло в его сердце и осталось там навсегда.

Мама встречала Савелия у автобуса, доставившего детей прямо к месту работы родителей.

— Ты загорел, стал здоровее! — обрадовалась мама.

— И крепче, — добавил Савелий, — плаваю запросто. Жаль, что речка была маленькой. Хотелось бы в море.

— Еще успеешь, — сказала мама, нервно поправляя прическу.

Савелий заметил, что мама волнуется.

— Ты чего, мама? — с жалостью в голове произнес он.

— Ничего, — ответила она, еще раз поправила волосы, и Савелий побледнел, увидев среди них седые, которых раньше не было.

Во время отсутствия Савелия маму вызвал начальник отдела кадров.

— Присаживайтесь, Бенедиктина Соломоновна, — деловито предложил он, — сейчас в стране идет чистка кадров, и мы не можем держать у себя сотрудницу, чей муж является врагом народа.

— Вы знали его, встречались с ним на дне рождения моего брата. Виктор вам показался врагом? — спросила мама, напуганная словами кадровика.

— Мои личные впечатления тут ни при чем. Проводится государственная акция. Вы должны сделать выбор между страной и мужем. С кем вы? — вскинул брови кадровик.

— Я вас не понимаю, — искренне пролепетала мама, чувствуя, что от нее требуют нечто ужасное.

— Если хотите работать у нас... Хотите?

— А как же? На что же мы с сыном станем жить, если я уйду с работы? — опустила голову мама, чтобы скрыть покрасневшие от слез глаза.

— Мы вас не гоним, — вдруг примирительно вымолвил кадровик. — Разведитесь с мужем и работайте себе спокойно.

— Как?! — от страха и изумления расширила глаза мама.

— Очень просто. Подайте заявление о разводе в газету «Вечерняя Москва», и через неделю-две вас разведет суд. С осужденными по политическим статьям разводят без их присутствия. Договорились?

— Я посоветуюсь с братом.

— Пожалуйста. Ваш брат благоразумный человек. Он вам посоветует то, что предлагаю сделать я. Разводитесь, Бенедиктина Соломоновна! — угрожающе заметил кадровик.

При встрече Лео обнял сестру.

— Я в курсе дела, Бася. Подумай о Савелии. У нас нет другого выхода, — сказал он. — Мне безумно жаль тебя и Виктора. Что с ним будет, когда он узнает о разводе, — ума не приложу. Ведь он живет надеждой, что скоро вновь обретет семью.

— Я разведусь формально. Я никогда не брошу Виктора! — твердо вымолвила Бася.

— Конечно, миленькая. Но поймет ли тебя правильно Виктор? Находясь там, в лагере?

— Должен понять! — тяжело вздохнула сестра.

В день выхода «Вечерки» с объявлением о разводе она встала пораньше и сорвала со стенда газету, чтобы объявление случайно не увидел Савелий, только что вернувшийся из пионерского лагеря.

Она посидела за одну ночь, потеряла сон, ощущала себя предательницей любимого человека, к тому же в тяжелое для него время. Находила для этого оправдание, но оно мало помогало. Плакала, уткнув-

шись лицом в подушку, чтобы не заметил Савелий. И почувствовала, что слабеет с каждым днем, словно кто-то невидимый и злой отнимает у нее силы.

Знакомясь с делом Виктора Савельевича Крамарова, я наткнулся на его анкету, заполненную им перед высылкой в Туруханск. В графе «жена» стоял прочерк.

Однажды мама вернулась домой совершенно обесиленная и, открыв дверь, устало прислонилась к стене.

– Что с тобой, мама? Тебе помочь? – бросился к ней Савелий.

Мама ничего не ответила, и сердце Савелия едва не остановилось, растерянность и страх расползались по телу, парализуя его. Он понял, что произошло нечто страшное, и настолько, что мама не решается ему рассказать.

В последнем своем письме отец намекал ему об этом. Он остался в Бийске. Он работает юрисконсультом в конторе «Заготзерно». Там его ценят. В Москве ему жить запретили. Куда ему ехать? В Александров? Но там он вряд ли найдет работу. Ему обещали место в Бийской консультации адвокатов. Обещали добиться разрешения на эту работу, поскольку адвокатов не хватает. Ну, а в Москву он обязательно приедет, когда будет возможно. Прислал фотографию. Одет плохо, но вид здоровый. В помятой телогрейке, на коленях брюк заплаты. Пришиты белыми нитками. В старой шапке-ушанке, без тесемок. В кирзовых полуразбитых сапогах. Но выбрит тщательно, и глаза блестят от радости, что общается с сыном, пусть заочно, но они видят его живым и не потерявшим надежду на встречу.

— Я поеду к папе! — решительно произнес Савелий.

— Поедешь, — сказала мама, — в летние каникулы.

— Ага! — обрадовался Савелий. — Там есть речка?

— Есть, — вздохнула мама, — но вечно холодная.

— Я стану моржом! — не испугался Савелий. — Я покажу папе, как плаваю!

Наверное, его слова прозвучали смешно, поскольку все заулыбались, даже мама.

Прошло несколько месяцев. Начался тысяча девятьсот сорок девятый год, самый печальный в жизни Савелия. В Москве развернулась борьба с космополитизмом, в Бийске снова арестовали отца, кто-то из его друзей бросил открытку Савелию с сообщением об этом.

— У папы дрожит рука. У него, наверное, развивается болезнь Паркинсона, — объяснила мама.

— А что врачи? — спросил Савелий.

— Пока эта болезнь не лечится, — обреченно вздохнула мама.

— Не может быть! — воскликнул Савелий, безмерно верящий во всемогущество людей в белых халатах.

— В нашей жизни все может случиться, — обреченно заметила мама. — Я боюсь за Виктора... Он адвокат, знает до тонкости законы, и если их нарушили снова, то наверняка сокрушается, лишь бы его не покинули силы и надежда на лучшую судьбу. Ведь в жизни никогда не бывает вечным плохое, впрочем, как и хорошее. У папы крепкие нервы, но выдержать такое... очень трудно, — сказала мама и не заплакала. Больше она никогда не плакала. Вероятно, кончились слезы.

Савелий с болью смотрел на ее высохшие, посиневшие глаза. Даже когда узнала, что Виктор арестован

вторично, по делу тридцать восьмого года, по которому уже отсидел срок, и направлен на поселение в Красноярский край, в город Туруханск, где он не вынес очередной удар злой судьбы, то закричала громко и дико, и этот крик навсегда остался в душе Савелия. Мама не хотела верить в самоубийство.

— Папу убили, — потом сказала она сыну, — мы не можем доказать это, но мое сердце чувствует, что убили.

Савелию стало страшно от этих слов, страшно за маму. Он обнял ее.

— Мы будем всегда помнить папу, — как взрослый человек, произнес Савелий.

— Конечно, конечно, — поддержала его мама. — Мы теперь остались одни, Сава...

У мамы начались сердечные боли. Врач сказал, что это от стенокардии и от развивающихся метастазов.

— Вылечить можно? — с тревогой в голосе вымолвил Савелий.

— Облегчить постараемся, — устало проговорил участковый врач, замотанный многочисленными вызовами на дом. — Я посоветовал бы вам положить маму в больницу. Она — хроник.

— Чего? — переспросил Савелий.

Врач не ответил и выписал направление в районную больницу. Мама ехать туда не хотела, боялась оставить Савелия одного, но боли в сердце усиливались, и она сама стала собирать вещи. В больнице ей стало хуже. Савелий не отходил от ее кровати, но вечером врач сказал ему, что пора идти домой.

— Я останусь, — твердо решил Савелий.

— Не положено! — грозно произнес врач. — Что делать? Вызвать милицию?

— Вызывайте, — огрызнулся Савелий.

Врач махнул на него рукой и вышел из палаты, где лежали семеро больных женщин. Утром мама сказала, чтобы он уходил, поскольку в палате женщины и его присутствие их смущает, чтобы он пришел через день, в воскресенье, а завтра ее навестит дядя Лео с женой.

В воскресенье рано утром Савелия позвали к телефону.

— Иди, сынок, — почему-то грустно вымолвила тетя Дуся, — иди, сынок, тебя спрашивают.

Савелий поспешил к телефону. В трубке раздался голос палатного врача.

— Савелий Викторович Крамаров? — серьезно уточнил врач.

— Да, — от предчувствия неотвратимой беды еле выдавил из себя Савелий.

— Должен вам сообщить, что сегодня, в шесть утра, не стало Бенедикты Соломоновны, — смягчился врач.

— Как? — вырвалось из уст Савелия это нелепо прозвучавшее слово, которым он пытался оттянуть для себя, хотя бы на мгновение, понимание того, что произошло с мамой.

— Вы должны прийти за справкой об ее кончине, — официально доложил врач.

Савелий инстинктивно, ничего не видя перед собой, дошагал до комнаты. Рыдания душили его. Только через полчаса он собрался с силами позвонить дяде Лео и другим маминым братьям. Первой трубку взяла Мария, жена дяди Лео. По дрожащему голосу Савелия она поняла, что случилось самое страшное, передала трубку дяде.

— Держись, Сава! — сказал он печальным, но твердым голосом. — Я еду к тебе!

Савелий поразился, увидев маму в гробу. Спокойствие разлилось по ее лицу, словно она отмучилась, отволновалась навсегда. С молодым лицом контрастировала седина, побелившая голову матери после гибели отца.

В крематории состоялась скромная панихида. Трогательно говорил о сестре дядя Лео, о том, что выпало на ее долю, говорил не впрямую, а общими словами, но все понимали его и то, что сейчас не время открыто называть вещи своими именами. Неожиданно для всех к гробу подошел мужчина, в котором Савелий узнал человека, приносившего им деньги, от которых они с мамой отказались. Мужчина положил цветы к ногам мамы и поправил очки.

— От нас ушла Бася Соломоновна Крамарова. Я работал с ее мужем, адвокатом... — тут мужчина сделал паузу, видимо, хотел сказать, с каким именно, охарактеризовать отца, но не решился на это, — я знал, как нежно и сильно Виктор любил жену, как заботился о семье, я знаю, что они были счастливы. Утешением нам может быть только одно, что теперь их души наконец-то встретятся. А мы... мы никогда не забудем Басю Соломоновну и Виктора Савельевича Крамаровых. Вечная им память...

Савелию стало приятно, что в этот печальный момент незнакомый человек вспомнил об его отце, и получилось так, словно в этот день хоронили и маму, и отца, словно они умерли в одночасье.

Дома в комнату Савелия постучалась тетя Дуся.

— Я к тебе буду заходить, помогать по хозяйству, можно? — попросила она.

— Я справлюсь! — сказал Савелий. — Но вы заходите, тетя Дуся. Мама уважала вас.

— А как же иначе? — удивилась тетя Дуся. — Мы с твоей мамой... ну как тебе сказать... были свойскими, что ли. Я ее понимала, и она меня, никогда не ссорились. И жизни у нас хорошо не сложились, что у нее, что у меня. Я помню твоего отца. Хорошо помню. Он часто приносил маме цветы, а когда ты объявился на свет, потащил ей в роддом огромный букет. Вот так... так, Савелий. И еще скажу, что они сильно любили друг дружку. А померла мама потому, что не могла жить без Виктора. И у меня с родителями так же получилось. Померла мать, отец поставил на ее могиле плиту со словами, что прожил он с женою в мире и согласии сорок шесть лет, восемь месяцев и три дня. На дни считал жизнь, когда они были вместе. Поставил плиту и через месяц сам того... от одиночества. Ты теперь один остался, Савелий. Тебе надо жить и жить. Чтобы помнить родителей. Пока ты будешь жить, и они будут. Ничего не поделаешь, Савелий. Так я буду заходить, ладно?

Тетя Дуся ушла, а Савелию показалось, что теперь без мамы их маленькая комната опустела и стала большой и странной. Вещи расположены на своих местах, а чего-то в комнате не хватает. Наверное, маминой заботы, внимания к ним. Часто звонили родственники, настоятельно приглашали в гости, но он отнекивался, пропускал занятия в школе, пока не вспомнил, что в последние свои дни мама просила его, даже требовала зайти в милицию и получить паспорт, ведь еще месяц назад ему исполнилось шестнадцать лет. Савелий вскочил с кровати, быстро и резко, словно его ударило током. Мама, наверное, чувствовала, что ее покидают силы, и хотела, чтобы у сына был этот документ, как право на жизнь. Уныние и тоска в мгновение покинули Савелия, появилась цель — вы-

полнить мамино желание. Он очень пожалел, что не сделал это раньше. Савелий буквально добежал до отделения милиции.

— Где тут получают паспорта? — отдышавшись, спросил он у дежурного милиционера.

— А вы написали заявление? Принесли метрику? Две фотокарточки?

— Нет.

— Так сделайте это, — сказал милиционер.

— Через час буду! — выпалил Савелий.

— Чего спешите? — удивился милиционер.

— Надо! — решительно вымолвил Савелий и побежал домой за метрикой и фотокарточками.

Паспорт выдавала суровая полная женщина с угловатыми, мужскими чертами лица. Она исподлобья посмотрела на Савелия:

— Чего это ты не похож на еврея!

— Разве? — удивился Савелий.

— Точно, — уверенно сказала она, — отец и мать — евреи, а ты — типично русский парень. Я оставила свободным место для твоей национальности. Кем ты хочешь быть: русским или евреем, — картаво произнесла она букву «р».

Савелий испугался, что эта грозная и обладающая властью женщина не выдаст ему паспорт или задержит его оформление.

— А как вы считаете? — неуверенно промямлил Савелий, думая, как его учили, что все национальности в стране равны.

— Я записала бы, что ты русский, тем более что ты ничем не отличаешься от наших ребят из Рязани. Чего в тебе еврейского?

— Не знаю, — окончательно растерялся Савелий.

Сава взрослеет

— Так как тебя записывать — русским или евреем?! — раздраженно посмотрела на него суровая женщина.

— Пишите, как вы считаете нужным, — вытаращив от страха глаза, вымолвил Савелий.

— Значит, ты русский! — утвердительно сказала женщина и сделала в паспорте соответствующую запись.

Савелию на мгновение показалось, что он в чем-то предал мать, отца, но он тут же отбросил эту мысль как неверную. Он успокоился только тогда, когда новенький паспорт оказался в его руках. «Я достаю из широких штанин, дубликатом бесценного груза...» — вспомнились стихи Маяковского. «Как время летит, уже в моде узкие брюки», — подумал Савелий. Дома он посмотрел на себя в зеркало и отвел взгляд в сторону. Чересчур бледно и неухоженно выглядел он, воспалены глаза, провалились щеки. Савелий распрямил плечи и решил отныне заниматься по утрам гимнастикой, быть крепким, чтобы никто не заметил его сиротливости. И еще Савелий подумал, что вопреки людям, порушившим жизнь родителей, он постарается, и очень, чтобы фамилия Крамаров не исчезла из бытия.

Памятная встреча

В школьной, да и последующей жизни Савелия было мало праздников. Даже под Новый год, у дяди, он чувствовал себя в какой-то степени гостем. Тетя Мария пыталась заменить ему маму, гладила его по голове, чего он не любил, смотрела на него грустными глазами, как на сироту, говорила так, чтобы все видели ее заботу о мальчике, оставшемся без родителей: «Савелий, возьми обязательно еще кусочек холодца!» Она говорила искренне, но Савелий думал в это время, что никто не заменит ему маму, и попытки тети Марии сделать невозможное не приносили ему особой радости, боль от ранней и, как он считал, преждевременной гибели родителей, в чем были повинны злые, равнодушные люди, навеки поселилась в его сердце, о чем он тогда еще не подозревал.

Наступил день прощального школьного вечера, и Савелий с горечью обнаружил, что у него нет выходного костюма, а прийти на вечер в висящем на нем старом дядином пиджаке он не решился, чтобы

не служить посмешищем. Поэтому надел брюки, к сожалению тоже старые и полинявшие от множества стирок, и более-менее подходящую рубашку с чрезмерно длинными для него рукавами, которые он закатал. К счастью, июньский день выдался теплым, и на вечере Савелий не выглядел белой вороной, несмотря на то, что слишком большой для него ворот рубашки показывал, что она приобретена не для него, а является вещью с чужого плеча. Он был рад, что никто не обратил на это внимания, кроме Наташи Сиротиной. Когда он пригласил ее на танец, она брезгливо осмотрела его одеяние, поношенные туфли и сказала, что не танцует.

— Как? — удивился Савелий и сделал ей комплимент: — Ты танцуешь лучше всех в классе, ты, наверное, станешь балериной!

— Нет, я полновата для балета, — покачала головой Наташа, — и уже поздно, в балетную школу надо поступать в семь-восемь лет. Я пойду в Плехановский институт.

— Ты? — удивился Савелий. — Ты хочешь работать в торговле?

— Не очень, — призналась Наташа, — но отец говорит, что в торговле я всегда буду сыта и одета, не буду нуждаться.

— А Стасик? Он поможет тебе! — напомнил ей Савелий об ухажере из семьи большого начальства.

— Стасик? — неожиданно наморщила лобик Наташа. — Он слабовольный. Родители запрещают ему жениться на мне, считают меня неровней их сыну. И он боится им перечить. Я не надеюсь на Стасика.

— Ты красивей его! — заметил Савелий.

— Ну и что? Я из бедной, рядовой семьи, — с обидой в голосе произнесла Наташа.

— Чудеса! — сказал Савелий. — Если у вас настоящая любовь, то разве имеет значение, кто из какой семьи?

— Имеет. И очень большое! — нервно ответила Наташа. — Ты ничего не понимаешь!

— Может быть, — согласился Савелий, — но ты не унывай. Пойдем, потанцуем!

— Не могу, не хочу, сейчас не хочу, — сказала Наташа, разыскивая взглядом Стасика. Наверное, она любила его и все-таки надеялась выйти за него замуж. Савелий позже узнал от бывших одноклассников, что Стасик вскоре перестал встречаться с Наташей, начал ухаживать за ничем не примечательной толстухой, дочкой генерала, и женился на ней. А Наташа, потерявшая уверенность в себе, ушла в загул, встречалась с кем попало — наверное, чтобы заглушить тоску. Однажды позвонила Савелию и предложила увидеться. Он согласился. Она по-прежнему осталась в его воображении очаровательной и воздушной.

— А что будем делать? — спросила Наташа. — Куда пойдем?

— Погуляем, — ответил он.

— Где? В кафе? Хотя бы в кафе-мороженом! Можешь?

Савелий покраснел, хотя Наташи не было рядом.

— Ты знаешь, я сегодня занят, — сказал он, — пойдем в четверг.

— Ладно. Я позвоню, — сказала Наташа.

В четверг Савелий получил стипендию. Они пошли в кафе-мороженое. Он заказал две порции.

— А взять шампанское? Ты забыл? — удивилась Наташа скромности заказа.

— Принесите двести граммов, — бледнея, вымолвил Савелий.

— Мы подаем шампанское только в бокалах! — с укором сказала официантка.

— Ладно, — растерянно произнес Савелий, нащупывая в карманах деньги.

— Ты что, никогда не был в кафе-мороженом?! — удивилась Наташа, расширив глаза с подкрашенными тушью ресницами. Разговор не клеился. Савелий со страхом думал, что ему может не хватить денег для расчета. Наташа чувствовала неуверенность в поведении Савелия, и это ей не нравилось. Она привыкла к встрече с более солидными ухажерами и цинично заметила Савелию, что она ему позвонила только потому, что у нее случайно выдался свободный вечер.

— А я не могу сидеть дома, особенно вечером, — призналась она. — Вспомнила о тебе.

— Почему? — поинтересовался Савелий.

— Ты был очень смешной, — сказала она, — и говорил смешно.

— Я этого не замечал, — сказал Савелий.

— А мы видели, весь класс ожидал, что ты выкинешь что-нибудь смешное, что-нибудь скажешь, настолько наивно и глупо, что все рассмеются.

— Ребята улыбались, встречаясь со мною, — вспомнил Савелий, — но я думал, что они хорошие друзья и поэтому приветливо улыбаются мне.

— Твоему виду и тому, как ты говоришь, словно клоун, — с укором заметила Наташа. — Спасибо за вечер, — вежливо, но холодно попрощалась она с ним еще в вестибюле кафе и скрылась за дверь.

А Савелий, обрадованный тем, что у него хватило денег рассчитаться с официанткой, направился домой. Поход в кафе нанес ощутимый урон его бюджету. Целый месяц, до следующей стипендии, он питался пончиками с повидлом в институтском буфете. Запаздывал перевод от дяди из Львова, а приходя в воскресенье на обед к дяде Лео, он не набрасывался на еду, ел столько, сколько давали, не просил добавки и всячески изображал из себя довольного, самодостаточного человека. Он вырослел и считал унижительным просить что-либо даже у таких близких ему людей, как дядя Лео и тетя Мария. Не отказывался только от одежды, от тех обносков, что дарили они ему. На одежду у него просто не было денег, и тех, что он позже получал за разгрузку вагонов на Курском вокзале, хватало только на вареную колбасу и другую не более притязательную пищу. Савелий уже занимался в Лесотехническом институте. Выбор места, где будет он учиться, решался на семейном совете.

— В приличный институт не примут по анкете, — категорически заявил дядя Лео, — остаются Плехановский, экономический, экономико-статистический, туда идет мало юношей, могут даже не обратить внимания на анкету, лишь бы абитуриент был мужского пола.

Савелий молчал. Его не устраивал ни один из названных институтов, но он понимал, что с его анкетными данными, к примеру, в юридический институт, куда он хотел попасть, путь ему закрыт. А он мечтал стать юристом, раскопать дело отца и доказать, что он был честным человеком и если в чем-то ошибся, то неумышленно, считая, что поступает правильно.

Собирался найти людей, несправедливо осудивших его, что в конце концов привело к гибели его и мамы. В любом случае Савелию не хотелось стать экономистом или физиком. В аттестате, на треть троечном, по физике ему поставили тройку с большой натяжкой. Он мог выучить задание по этому предмету, но через силу, а по литературе у него была единственная пятерка в аттестате, если не считать отметки по поведению, отнюдь не отличному, но ему поставили ее, так как даже с четверкой аттестат не выдавался.

— Может, пойти в историко-архивный? — предложил Савелий.

Дядя задумался:

— Архивы... туда тебя тоже не допустят. Хотя Сталин сказал, что сын за отца не отвечает, но тем не менее детей врагов народа он отправляет в детские дома. Бася рассказывала, что твой отец не подписал ни одного протокола, следовательно вменял ему статью об измене родине, но отец отказывался от этого. Ему пришлось нелегко... Я поражаюсь выдержке Виктора. Ведь штатский человек, а держался как воин. Испытал такое... — Тут дядя Лео опустил голову, а тетя Мария отвернулась от Савелия, чтобы скрыть слезы.

— Что делали с папой? — встревожился Савелий.

— Тебе не нужно знать, — вздохнул дядя Лео.

— Я уже взрослый, скажите! — умоляюще попросил Савелий.

— Виктора мучили, выбивали из него показания, только об этом никому ни слова, — тихо произнес дядя Лео, — отец рассказал это твоей маме. Под большим секретом. Он подписал бумагу о неразглашении

того, что с ним было на следствии и в лагере. Понимаешь?

— Ага, — еле вымолвил Савелий. Сначала страх и боль за отца, перешедшие в ненависть к неведомому следователю, заполнили душу Савелия. — Разве так можно?! — воскликнул Савелий, исказив лицо от нагрянувшего на него известия.

— По закону нельзя, — сказал дядя Лео, а тетя продолжала плакать, уже не скрывая слез.

— Тебе надо учиться. Ты теперь единственный Крамаров... — серьезно заметил дядя Лео, — может, пойдешь учиться в лесотехнический институт, есть такой, туда реально проскочишь. Для работы в лесах, наверное, не требуется идеально чистая анкета.

— Я люблю бывать в лесу, вы же знаете, дядя Лео!

— Ну что же, поступай в лесной. Правда, ездить туда далековато... до Мытищ... две пересадки. С автобуса на автобус.

— Это не страшно, — сказал Савелий, — могу ходить пешком.

Тетя Мария вскинула брови:

— Больше часа ходьбы! Ты понимаешь, Савелий, больше часа!

— А чего? — уверенно сказал Савелий. — Мне не привыкать!

Он действительно привык ходить пешком и преодолевать большие расстояния. Со Второй Мещанской добирался до Курского вокзала, даже домой после разгрузки капусты или картофеля возвращался пешком. Потом стал ездить на автобусе, без билета, прямо и твердо глядя в глаза кондукторов, смущая их уверенностью в себе, и они не решались проверить, есть ли у него билет. А когда они все-таки спрашивали,

он делал паузу, переводил взгляд в сторону и, наверное, выглядел настолько забавно, что стоящие рядом пассажиры улыбались. На следующей остановке Савелий выходил, гордо, с достоинством, словно ему и была нужна именно эта остановка, а потом сел на следующий автобус. Однажды, возвращаясь из института пешком, он увидел, что часть улицы, по которой он шел, оцеплена заграждением. Он остановился из любопытства.

— Чего тут происходит? Хоронят кого-нибудь? — обратился он к стоящим у оцепления прохожим.

— Типун тебе на язык! — бросила ему одна из них, старушка в шерстяном вязаном платке на голове. — Никто не помер, а сымают кино!

— Какое? — спросил Савелий.

— Художественное! — со знанием дела сообщила ему старушка.

— Как называется? — поинтересовался Савелий.

— Бог его знает, — ответила старушка, — кино есть кино! Откуда я знаю, как называется? Сымают! Сам видишь!

Савелий подошел поближе к оцеплению и увидел съемочную площадку, где сгрудились актеры, кинооператор с аппаратурой и человек с громкоговорителем в виде трубы, наверное кинорежиссер.

— Дубль четвертый! — командует режиссер.

— Есть дубль четвертый! — говорит девушка и хлопает двумя дощечками, в ударе соединяя их.

И тут начинает переходить улицу женщина средних лет, в очках, с портфелем в руке. Идет спокойно, и вдруг к ней приближается машина, все ближе и ближе. Женщина оборачивается в страхе, и машина наезжает на нее. Не по-настоящему, но очень похоже.

Женщина падает с криком. Из машины вылезает импозантный мужчина, опасливо оглядывается вокруг, хватается портфель, отлетевший от упавшей женщины метров на пять, и как ни в чем не бывало идет к своей машине. Дорогу ему перерезает симпатичный милиционер.

— Ваши документы! — говорит он строгим голосом мужчине, который начинает возмущаться, размахивать руками, положив портфель на асфальт.

— Опять не так! — кричит кинорежиссер, обращаясь к мужчине. — Чего вы размахались руками? Вы не на своей чертовой эстраде! Руку с портфелем спрячьте за спину! А вы, Еремин, не пугайте его раньше времени. Вы пока только милиционер ГАИ, исполняющий свой долг! Понятно? Даю три минуты на отдых!

Актеры разошлись по сторонам, а режиссер направился к ограждению.

— Отойдите подальше! — говорит он людям. — И не шумите!

Неожиданно старушка берет Савелия за рукав.

— Слышь, — говорит она ему, — милиционер-то из Малого театра, а который с портфелем — шпиён. Конферансье... всего-навсего! Путается, не может сыграть, как от него требуют! Болван!

— Правда? — не верит своим глазам Савелий.

— Истинный крест, — говорит старушка, — я с утра стою. Все поняла!

Кинорежиссер идет вдоль оцепления и вдруг останавливает свой взгляд на Савелии:

— Молодой человек, идите ко мне.

— Я?! — поражается Савелий. — Зачем?!

— Вы, вы, перешагните веревку и ступайте за мной, — почему-то улыбается режиссер, обнимает

Савелия за плечи. — Вы можете сыграть удивление, испуг?

— Не знаю, — откровенно признается Савелий, — но вообще-то испугаться могу. Когда страшно.

— Сейчас будет страшно, — опять улыбается режиссер. — Когда машина наедет на женщину, то вы изобразите на лице испуг. Сможете?

— Постараюсь, — обещает Савелий, озирается вокруг и думает: «Вот подфартило! С живыми артистами стою! И сам вроде как артист!»

— Отойдите сюда! — показывает режиссер Савелию место недалеко от женщины в очках. — Дубль пятый!

Женщина потирает ушибленное место и говорит в воздух:

— Надоело! Чего доброго, сломают ногу!

Савелию уже становится страшно, а когда машина наезжает на женщину, он открывает рот и выпучивает глаза.

— Коля! — кричит режиссер кинооператору. — Возьми глаза этого парня! И быстрее!

Кинооператор разворачивает свой аппарат в сторону Савелия, отчего у него еще шире раскрывается рот. Работает секунд десять, которые показались Савелию прекрасной вечностью. После эпизода режиссер снова обнимает Савелия за плечи и ведет к ограждению.

— Не всякому артисту сразу удастся сыграть в эпизоде. У вас отличная фактура! Вы об этом знаете? — улыбнулся режиссер.

— Нет, — чистосердечно вымолвил Савелий.

— А зря. Теперь знайте! — заключает режиссер и показывает Савелию, что съемка для него закончи-

лась. — Перелезайте за ограждение. Всего вам хорошего, юноша!

— Спасибо, — благодарит Савелий режиссера, но не успевает перелезть за веревку, как его останавливает лысый маленький человечек и говорит писклявым голосом:

— Получите, юноша, — и протягивает Савелию трояк.

— Мне? За что? — удивляется Савелий.

— За работу! — пищит человечек. — Распишитесь в ведомости и вот здесь поставьте вашу фамилию.

Савелий чинно расписывается, где ему показали.

— Не разберу фамилии, — опять пищит человечек.

— Савелий Крамаров, — объясняет Савелий.

— Первый раз слышу! — вскидывает брови человечек и семенит к группе актеров.

Савелий хотел ему сказать, что у каждого человека в жизни что-то бывает в первый раз и в этом нет ничего предосудительного.

Савелий возвращается на свое прежнее место. Старушка глядит на него с подозрением и искоса.

— Ты, оказывается, артист. А мне почему не признался? Почему разыгрывал меня, старую, мол, что здесь происходит? Все вы, артисты, такие! Дураков из нас делаете!

Савелий ничего не ответил ей. Ему было приятно, что его приняли за настоящего артиста. Но он решил пока не рассказывать о случившемся никому, даже родственникам. До тех пор, пока фильм не выйдет на экраны. Савелий дождался конца съемок и подошел к артисту, игравшему шпиона. Артист оказался на редкость доброжелательным человеком, рассказал

Савелию о фильме, о строгом режиссере и о том, что счастлив сниматься в кино, которое может прибавить ему популярности на эстраде.

— А как называется фильм? — спросил Савелий.

— Какое это имеет значение? — удивился артист.

— Чтобы посмотреть, когда выйдет, — сказал Савелий.

— А! — понял его артист. — У фильма пока условное название: «Враг не пройдет!»

Они расстались у остановки автобуса.

Возбужденный, радостный Савелий не замечал времени, которое он простоял на остановке в ожидании своего автобуса. Ночью, во сне, он летал, парил над лесным институтом, над лесами, которые он полюбил, и настолько, что, находясь на практике, вызывал удивление сокурсников.

— Смотрите, шишки! — говорил он им, словно увидел чудо, и лицо его озарялось светом радости.

— Ну и что? — пренебрежительно замечали сокурсники. — Обыкновенные шишки!

Один месяц сменял другой, прошел год, но фильм с участием Савелия не появлялся на экранах. Фильмы о шпионах выходили, но другие, без участия Савелия. Савелий думал, что, возможно, изменили название кинокартины или она не получилась. Он слышал, что такое бывает. Неожиданно ему позвонила Наташа Сиротина.

— Привет, Савелий. Как делишки? — заворковала она. — Ты знаешь, я видела тебя на просмотре нового фильма! Здорово! И очень смешно! Жаль только, что мало показали!

— А как называется фильм?! — обрадовался Савелий.

— Не помню. Я была пьяная! В дупель! — вульгарно и панибратски произнесла Наташа. — Когда встретимся, Савчик?

— Я занят! — серьезно ответил он, вспомнив унижения, которые ему пришлось пережить из-за этой девушки, и теперь не испытывая к ней никаких чувств.

— Ты разлюбил меня, Савчик? — изобразила она обиду.

— Я очень занят! — повторил Савелий, душу которого буквально распирала радость от того, что фильм с его участием наконец-то выйдет на экраны, что он, пусть в самой малой мере, но все-таки стал артистом, о чем мечтала, во что верила мама.

Из лесотехнического в ГИТИС

Савелий шел по тропинке, проложенной в подмосковном лесу, и любовался деревьями. Один из преподавателей института объяснял студентам, что все произрастающее на земле, все реки, моря и океаны, все холмы, возвышенности и горы являются, как и люди, созданием природы. Потом подчеркнул: «Как и люди». И Савелию показалось, что деревья буквально оживают на его глазах, глядят на него и разговаривают между собой, покачивая ветвями, а иные молчат, о чем-то задумавшись или отдыхая. Ему захотелось дать им человеческие имена. Тонкую и шальную, качающуюся в разные стороны березку назвать Наташей. «Не стоит, — подумав, решил Савелий, — у этой березки только внешнее сходство с девушкой, и, возможно, это деревце жило совсем другой жизнью, чем она. Родилось тонким и слабым и пытается, как может, противостоять ветрам, дождям, зимней стуже и метелям. Окруженное высокими и крепкими деревьями, ушедшими корнями глубоко в землю и сосущими из

нее массу влаги, оно все-таки борется за свое существование на земле и, наперекор судьбе, выстояло, заняло в лесу скромное место, но свое, качается, даже от легкого ветерка, но не сдается». Савелий подумал, что судьба этой березки больше похожа на его жизнь, чем на Наташину, и, наверное, деревья дали ей свое имя, но отнюдь не презренное, вроде «дочери врага народа», и не жалостливое, подобное «сиротинушке», а достойное ее, пусть ничего особенного пока не совершившей в жизни, но достойное. Какое — он не мог решить, вспоминая слова дяди Лео при выборе института: «Ты хочешь поступить в юридический, Савелий, хочешь жить, как просит душа, а сейчас тебе надо не жить, а выжить». Савелий тогда внутренне не согласился с дядей, но не стал спорить с ним, с тетей, с другими родными, которые поддержали мысль дяди Лео. Он зависел от них, спасающих его от голода, который он испытывал, особенно когда задерживался в институте и не мог поспеть на обед к родным. У него в кармане лежала бумажка, истертая, легкая, как пушинка, но он чувствовал на душе ее тяжесть, поскольку на ней был график, очередность его обедов у родственников, его давила невозможность нарушить его, потому что каждая семья в определенный день готовила еду в расчете на Савелия. Он пару раз ошибся, не заглянув в график и приехав не туда, куда требовалось, а однажды сделал это умышленно, поскольку находился рядом с дядей, но не с тем, у кого предстояло обедать в этот день. Родственник не отказал ему в приеме, но посмотрел на него сначала удивленно, а потом — хмуро.

Мама говорила, что в жизни не вечно бывает плохое. Савелий ждал, когда кончатся его тяготы,

которые не выпали на долю большинства товарищей. Газеты сообщали о болезни Сталина, наверное, подготавливая народ к смерти его Вождя. И вот гипнотизирующий слушателей голос радиодиктора Юрия Левитана, в этот день не громкий и торжественный, как во второй половине войны с немцами, когда наши войска освобождали от немцев город за городом, трагически и до предела серьезно поведал людям о смерти Иосифа Виссарионовича Сталина. Услышав это, Савелий вздрогнул. Он не знал – горевать ему или нет. Слишком трудной была его жизнь при правлении этого всемогущего человека, сумевшего внушить людям веру в свою непогрешимость и величие. Дядя Лео позвонил племяннику и посоветовал не ходить на похороны. В Колонный зал, где будет установлен гроб с его телом, ожидается наплыв всей Москвы, и может возникнуть невообразимая толчея.

Савелий шел пешком в институт в Мытищи и встречал на своем пути массу спешивших в центр столицы людей, со скорбными лицами, озабоченными утратой своего Бога и Учителя. Савелий удивился, что не сопереживает им, не радуется, но и не горюет, как другие люди. Страх от случившегося порою овладевал им, страх, но не более. Что будет дальше? Это волновало Савелия. Однажды он подумал, что хуже не будет, а если что-то в жизни изменится, то не вернуть уже отца и маму. Слава богу, что он учится, получит специальность и не пропадет. Значительно позднее, когда к власти пришел Никита Сергеевич Хрущев, выпустивший из лагерей многие сотни тысяч невиновных людей, на имя матери в квартиру Савелия пришло письмо из Комитета государственной безопасности

о том, что его отец Виктор Савельевич Крамаров полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления. Савелий был искренне благодарен этому новому Генеральному секретарю Политбюро ЦК КПСС. Получив официальное письмо, Савелий несколько раз прочитал его, не веря своим глазам и вникая в его суть, а когда понял, осознал происшедшее и вспомнил страдания отца и матери, свои мучения, то слезы сами собою хлынули из его глаз. И дядя Лео, и тетя Мария, и другие дяди и тетки, узнав об этом письме, почему-то только грустили. Савелий тут же отправил телеграмму дяде во Львов, родному брату отца, и поехал на кладбище, к маме, чтобы рассказать ей о том, что отец ни в чем не виноват и если бы он выдержал лагерную жизнь еще немного времени, то вернулся бы домой и неизлечимый недуг не поразил бы маму.

— Чего плачешь? — вдруг услышал он за своей спиной хриплый голос, обернулся и обнаружил невысокого роста пожилую женщину, в несуразной ветхой одежде, в старой, изъеденной молью фетровой шляпе на голове. — Я только из лагеря, — прохрипела она, глядя на плиту с фамилией и именем мамы. — А отец где?

— Погиб в лагере, — с трудом, сквозь слезы, вымолвил Савелий.

— Где он был?

— В Бийске, а потом в Туруханске.

— По пятьдесят восьмой засадили, — не требуя ответа, вздохнула женщина, — меня — тоже. Наверное, гордым был твой отец. Страдал от унижений, от издевательств. Поэтому и погиб. Один из наших тупым концом ложки выдавил на клеенке

в лагерной столовой слова: «Сталин — сволочь», и его, старичка, еле душа в теле, расстреляли перед строем. А когда нам объявили, что Сталин умер, то уголовники зарыдали, размазывая по лицам слезы, а я тоже заплакала, но оттого, что этот зверь не подох раньше. Ты поплачь — легче станет. Отца-то реабилитировали?

— Конечно, — ответил Савелий.

— Меня — тоже, — почему-то без особой радости произнесла женщина, — но в партии не восстановили, как бывшую троцкистку. Ты думаешь, что те, кто правил нами, кто уничтожал нас, наказаны, осуждены? Только самые-самые знаменитые из кагэбэшников. А основная масса сидит на прежних местах, для них я по-прежнему троцкистка, уклонистка от линии партии. Лев Давыдович... ты хоть знаешь, о ком я говорю?

— Наверное, о Троцком? — предположил Савелий.

— Молод ты еще, ничего толком не знаешь. И вряд ли тебе кто-нибудь расскажет правду о революции и о том, кто кем был в ней. Ты не горюй, сынок, былого не вернешь. Я, открути жизнь назад, всей душой приняла бы Февральскую революцию, не поддалась бы обманному обещанию Ленина. — Тут женщина запнулась, увидев испуг на лице Савелия, вызванный ее откровениями.

— Спасибо Никите Сергеевичу, — как мог, выразил несогласие с нею Савелий.

— Хрущев? Хороший человек, — сказала женщина, — разоблачил культ личности Сталина, но не до конца.

— Разве? — удивился Савелий.

— Эх-ма, — вздохнула женщина, — моя беда, что я слишком много знаю и поэтому понимаю, что было и что произошло. Как должно быть. Прощай, сынок. Дай Бог тебе всего хорошего. Дай Бог!

— А вы верите в Бога?! — поразился Савелий.

— Нет, в то, что он обитает там, на небесах, не верю, — отрицательно покачала головой женщина, — но можно быть честной и не веря в Бога. Живи по совести, и выйдет, что ты не нарушаешь его заповеди. Прощай, сынок, всего тебе доброго! — прохрипела старушка. — Не удивляйся, такой голос я заработала в лагерях. Хронический ларингит, как говорят врачи. Не вылечивается. Придется хрипеть до самой смерти, а умирать буду — прохриплю в последний раз, что Сталин был отпетый бандит, даже хуже, хотя я не знаю, что может быть еще хуже, чем он! — заключила старушка и пошла по кладбищенской аллее к выходу.

Как ни показалось странным Савелию, но встреча с этой женщиной запечатлелась в его памяти. Он понял, что очень мало знает о жизни и вообще мало читал, и наверняка пробелов в знаниях у него хоть отбавляй. Бытие определяет сознание, а в бытии у него было мало хорошего, и времени не хватало на чтение, а после разгрузки овощей на вокзале даже пойти в любимое им кино не было сил. Единственное, в чем он не соглашался с женщиной, было ее мнение о Хрущеве. Савелий боготворил его, даже когда Никиту Сергеевича ругали за его увлечение повсеместным внедрением в наше сельское хозяйство кукурузы, когда насмехались над ним за его поведение в ООН, за некультурность, все равно Савелий был навечно благодарен Хрущеву за главное, за то, что он восстановил

честное имя отца, реабилитировал сотни тысяч ни в чем не повинных людей.

Савелий жил по-прежнему бедно, но чувствовал, что оживает его душа, медленно, но расковывается. Кто-то принес в институт напечатанные на машинке стихи неизвестной ему поэтессы Анны Ахматовой. Не все он понимал, зато ощущал необыкновенную силу чувств и чистоту, заложенную в них душою и талантом Ахматовой. И подумал, что когда-нибудь обязательно поймет эти стихи, вникнет в их глубину. Учеба в лесотехническом институте стала тяготить его. Скучные предметы. Не менее однообразные преподаватели. Нудные лекции. Он считал, что, видимо, другими они быть не могут, но все это не то, чего он хотел; здесь, в лесотехническом институте, он не может выразить себя, как требовала душа. Другое дело — быть артистом. Когда он впервые увидел себя на экране, секунд десять, с выпученными от страха глазами, с растянутым почти до ушей ртом, то поразился, что может так изобразить испуг, который требовал от него режиссер, к тому же сделал это без единой репетиции. Десять секунд он обалдело смотрел сам на себя, не на свое отражение в зеркале, а на экране, увеличенное и яркое, сопровождающееся дружным хохотом в зале. Знает, в нем самом есть что-то смешное от природы. Однажды на летней практике в лесном заповеднике он споткнулся о корень, вылезший из-под земли, упал, и все однокурсники рассмеялись. Ему было больно, а им смешно. Неужели можно смеяться над человеком, попавшим в неудобное положение или в беду? Позднее он познакомился с молодым и очень талантливым артистом эстрады, читавшим передо-

вицу в газете «Правда» голосом Аркадия Райкина. Делал это пародийно и смешно. Затем этот артист стал изображать глухонемую соседку. Своеобразный концерт для друзей происходил на пляже. Вокруг артиста собралось много зрителей, и они взахлеб хохотали над пародией артиста. Один Савелий недоуменно смотрел на талантливую юношу, почти своего ровесника, и думал, что люди околдованы его обаянием и забыли, что смеются над больным человеком. Разве подлежат осмеянию физические недостатки человека? Ни в коей мере! Значит, в этом молодом человеке, в его душе сидит червоточинка, ему все равно, каким способом он выжимает из людей смех. И Савелий не удивился, когда этот артист, уже будучи известным, пародировал заикание известного певца. Червоточинка, сидящая в нем, разрасталась, и он, защитив одного политического деятеля, буквально через месяц ехал поддержать своим мастерством его противника, разумеется, за деньги, превосходящие гонорар соперника, другом которого он уже успел представить себя. А Савелий еще тогда, будучи студентом лесного института, дал себе зарок никогда не смеяться над неудачниками. И когда кинорежиссеры использовали комический эффект, вызываемый несимметричным расположением его зрачков, внутренне мучился, но терпел это, понимая, что не может диктовать хозяевам съемок свою волю и если он станет спорить с ними, то потеряет роль, прослышет несговорчивым, некоммуникабельным артистом и потерпит крах его карьера в кино. Поэтому при первой финансовой возможности и наличии умелых хирургов он избавится от косоглазия и при этом не потеряет ни на йоту успеха у

кинозрителей. Но, честно говоря, это произойдет, когда он наберется известности и главное — актерского мастерства.

Потом он поймет, что, еще будучи студентом лесного института, он думал о природе комического, что в его ранимой душе росло соперничество бедам людей, зрело желание нести им смех и вместе с ним улыбки, радость. Поэтому он написал заявление ректору лесного института о том, что уходит «по собственному желанию в связи с поступлением в театральный институт».

— Вы понимаете, Крамаров, что очень рискуете? — искренне пожалел его ректор. — Вас могут не принять. На одно место в любом театральном вузе по десятку заявлений. Вы можете не поступить и загреметь в армию. И тогда вообще на несколько лет, если не на всю жизнь, прощай учеба. Вы понимаете это?

Савелий побледнел, задержал дыхание, поскольку ректор был абсолютно прав, но желание стать артистом перекрывало всякий риск и сделало его одержимым.

— Понимаю, но не могу иначе! — выдохнул он. — Мне нравится учиться в лесном институте, я люблю природу и все-таки ухожу. Извините!

Савелий говорил правду ректору, умолчал лишь о том, что мама мечтала увидеть его артистом, а ее желание было для него святым, и он лишь сейчас понял, что оно может осуществиться. Получив на руки аттестат, он отправился в театральный институт. Секретарь странно посмотрел на него:

— Вы что, молодой человек, не знаете, что прием начнется только через месяц?

— Знаю, но я думал, что чем раньше подам заявление, тем лучше, — улыбнулся Савелий и заставил рассмеяться секретаря приемной комиссии.

— Ну и шутник вы! — сказал он. — Не от срока подачи заявления зависит прием, а от вашего таланта, если он есть. К нам, знаете, сколько приходит всяких... Каждая смазливая девчонка мнит себя актрисой.

— Я не всякий и далеко не смазливый! — обиделся Савелий и сказал это так серьезно, даже с пафосом, что вновь заставил улыбнуться секретаря.

— Пожалуй, у вас есть шанс на поступление, хотя мы не готовим комиков, — сказал секретарь.

— А кто их готовит? — поинтересовался Савелий.

— Кто? — замялся секретарь. — Наверное, цирковое училище?

— Нет, я хочу получить высшее театральное образование! — гордо заявил Савелий. — Я уже снялся в одном фильме, пусть в эпизоде, но очень успешно. Я вас не обманываю! Честное слово!

— От меня ничего не зависит, приходите через месяц, — нервно заметил секретарь, не зная, как отделаться от надоедливого и упрямого абитуриента. — Попробуйте не обмануть приемную комиссию!

— Зачем обманывать? Я честно! Что подготовил, покажу, — покраснел Савелий и вышел в коридор, где бросил заявление в мусорное ведро. Через месяц напишу другое, решил он, на новой бумаге.

Он смотрел на обычные серые стены, потускневшие потолки здания института, и они вдруг показались ему сводами храма, хотя и не церковного, но божественного, где учат молодежь священному действу, завораживающему сердца людей, наподобие

того, что происходило с ним в Художественном театре на «Мертвых душах» Гоголя, но не ощущалось на спектакле «Платон Кречет», где главный герой был отличным передовым хирургом, его играл хороший артист, но представление не волновало душу и мало чем разнилось с повседневной жизнью.

— Крамаров! — позвал его секретарь, и Савелий предстал перед приемной комиссией в своей парадной форме — в брюках, завязанных истертым ремнем, и рубашке с подвернутыми рукавами. К вступительному экзамену он починил туфли и поначалу чувствовал себя спокойно, но увидев, в каких нарядах пришли другие абитуриенты, занервничал, стыдясь своего одеяния, но удивился, что не боится экзаменаторов.

— Здравствуйте! — начал он. — Крылов! Басня «Ворона и лисица»!

Савелий почувствовал, что комиссия незримо, но вздохнула, наверное, удрученная однообразием репертуара абитуриентов.

— Я еще другую басню знаю, — расстроенный этим, пролепетал Савелий, — «Демьянову уху».

— А как звали Крылова? — спросил один из членов комиссии.

— Разве вы не знаете? Иван Андреевич! — удивленно вымолвил Савелий, изучивший биографию баснописца, зная, что от приемной комиссии можно ожидать каверзных вопросов. — Крылов творил во время правления Екатерины Второй. Опасаясь преследования властей, арестовавших и выславших Радищева, уехал в провинцию, где жил в крайне тяжелых условиях, давая уроки детям богатых помещиков. Вот так! — гордо приподнял подбородок Савелий.

— Рассказывайте дальше, — попросили его.

— Возвратившись в Петербург, в журнале «Почта духов» выступал против крепостного права и бюрократии. Измучившись от преследований, от полуголодного существования, — а за ним был установлен даже полицейский надзор, — Иван Андреевич снизил сатирическую направленность в своих произведениях и, как он говорил сам, начал писать «вполоткрыто». Это его слово — «вполоткрыто». Для басен брал сюжеты античных и западных баснописцев, но насыщал их русским бытом, писал их с большим остроумием и ясно, понятно для самого широкого круга читателей. Говорить дальше?

— Читайте басню, — предложил ему, почему-то улыбнувшись, с виду очень строгий председатель комиссии.

— Итак, Иван Андреевич Крылов. Басня «Ворона и лисица», — с пафосом произнес Савелий, снова вызвав улыбку у председателя и других членов комиссии. — «Вороне где-то Бог послал кусочек сыра...» — Тут Савелий вздыбил прическу и нахохлился и замахал руками, как крыльями, показывая ворону, которой потрафило с едой. При этом он сузил губы, изображая клюв. Члены комиссии заулыбались, а председатель внимательно посмотрел на него:

— Почему вы выбрали басню Крылова, а, к примеру, не Михалкова?

— Не знаю! — выпалил Савелий, но понял, что на этот вопрос необходимо ответить, и подумал. — Наверное, потому, что эта басня написана сотню лет назад, а живет до сих пор. Может, я не прав, не знаю, — растерянно промямлил он.

— Успокойтесь, — вдруг сказал ему председатель комиссии, — настоящий художник всегда сомневается в совершенстве своего творчества.

— Я — не художник, — искренне вымолвил Савелий, заставив на этот раз рассмеяться всю приемную комиссию.

— Хватит, молодой человек, вы свободны, — сказал ему председатель комиссии.

Савелий вышел в коридор хмурый, с низко опущенной головой. Он не сомневался, что провалил экзамен, ведь ему даже не позволили прочитать басню. Как теперь жить? Куда устроиться на работу, пока не призовут в армию? Может, снова попроситься в лесотехнический институт, но ректор корил его за опрометчивость решения и вряд ли возьмет обратно. Дяди, конечно, прокормят его, но очень огорчатся, узнав, что он не продолжил учебу. Будет стыдно смотреть в глаза дяде Лео, тете Марии. Сердце сжалось от боли, когда он подумал, что разбил уверенность мамы в его успехе на актерском поприще. «Извини, мама, — обратился он к ней, как к живой, в трудные моменты жизни он уже не раз мысленно разговаривал с нею, — я очень старался, мама, много репетировал, даже изобразил ворону, но, видимо, неудачно. Прости меня, мама. Я отслужу армию и через два года снова попытаюсь стать артистом. Ты верила в меня, мама, и это придает мне силы. Пока я буду учиться у других актеров, вникать в то, что и как они исполняют. Я не подведу тебя, мама, сделаю все, чтобы не подвести».

Савелий боялся позвонить дяде Лео, рано утром ушел из дому, зная, что он позвонит ему сам. Во второй половине дня зашел в институт, чтобы узнать, кого

приняли, сколько юношей и сколько девушек, на кого из них больше спрос, подошел к доске объявлений, где был приколот листок с фамилиями счастливых абитуриентов, и вдруг в середине списка натолкнулся на фамилию – С. Крамаров. «Кто это? – подумал Савелий. – Фамилия редкая. И буква «С» означает, что Савелий, а вдруг Сергей?» – встрепенулся он и побежал по коридору к секретарю.

– Я принят? Вы не знаете?! – с надеждой в голосе воскликнул он.

– Сейчас посмотрю, – сказал секретарь и уставился в список. – Крамаров Савелий Викторович. Это вы?

– Я! – едва не закричал Савелий и с такой радостью и любовью посмотрел на секретаря, что тот со страхом вымолвил:

– Вы в своем уме?

– Ага! – крикнул Савелий и помчался на улицу.

От счастья он был готов обнять, расцеловать всех прохожих, даже старую угреватую мороженщицу.

– Дайте порцию эскимо! – сказал он ей, думая, что мороженое успокоит его. Но эйфория не исчезла, когда он покончил со вторым эскимо. На оставшиеся деньги он из телефонов-автоматов позвонил всем родственникам. Они поздравляли его, звали к себе. «Приеду! Обязательно приеду!» – обещал им Савелий, а сам поспешил на кладбище, склонился над могилой, где была похоронена мама, и, чтобы не нарушить покой ее и соседних могил, тихо, но восторженно произнес:

– Я стану артистом, мама!

Актерские маневры

В школе Савелий учился неважно, ленился, но если выучивал задание, то получал пятерку. Странные отношения сложились у него с учителем физики. Александр Юльевич, так звали преподавателя, умышленно занижал ему оценку. Савелий больше четверки у него не получал, хотя порою отвечал отлично. Следующий урок не учил, будучи уверенным в том, что физик второй раз подряд не вызовет его к доске, а Александр Юльевич, зная его леность, спрашивал Савелия и с удовольствием ставил ему в журнале жирный кол. Однажды Савелий выучил подряд два задания по физике, и Александр Юльевич ошарашенно слушал точный ответ ученика, но поставил ему только три с минусом, вызвав недоумение класса и обиду Савелия. И в аттестате поставил тройку против фамилии Крамаров. Лет через пятнадцать они встретились случайно, в продуктовом магазине у Никитских Ворот. Седой преподаватель узнал бывшего своего ученика и заметил ему:

— Вы стали известным артистом, Савелий. И как я понимаю, вам физика не пригодилась.

— Почему? — удивился Савелий. — Я жалею, что плохо учил ваш предмет. Артист должен быть всесторонне образованным человеком и знать физику.

Александр Юльевич удивленно вскинул брови:

— Значит, я поступил правильно, когда отнесся к вам несправедливо. Вы помните?

— Помню, — в свою очередь удивился Савелий.

— Вы знаете, что я мечтал стать кинооператором?

— Вы что-то снимали. После уроков. В физическом кабинете, — вспомнил Савелий.

— Пустяки, — вздохнул Александр Юльевич. — Я мечтал снимать художественные фильмы, но не доучился во ВГИКе, помешала война. Кстати, еще юношей, за год до войны, я уже был кандидатом в мастера по шахматам. Демобилизовали в сорок шестом. Что делать? Родителей у меня не было...

— Как?.. — вылетел из уст Савелия нетактичный вопрос.

— Они получили десять лет без права переписки. Наверное, расстреляны. Надо было зарабатывать деньги на жизнь. Я знал, что в школе не хватает учителей, особенно по физике. Подготовился как надо, сам, по институтскому учебнику. И меня взяли преподавателем в школу. А с мечтой стать кинооператором пришлось расстаться. Попробовал снять документальный фильм. Делал это после уроков. В кабинете физики. Но фильм никого не заинтересовал. И вполне резонно. Что я мог снять в школьном кабинете. Элементарные вещи... К тому же киноначальство тогда интересовали фильмы о нашей

победной войне, о борьбе с разрухой. Участвовал в двух шахматных турнирах, но неудачно. Шесть лет не садился за шахматную доску. Так и доработал физиком до пенсии. Слава богу, дали доработать без диплома. Сейчас думаю, что сломался совершенно зря. Надо было вторично поступать на операторский факультет. Как-нибудь выжил бы. А ты... В тебе я почувствовал незаурядность и специально поставил на госэкзамене тройку. Свою обиду выместил на тебе, чувствовал, что ты пробьешься в жизни и, в отличие от меня, несправедливость только подхлестывает тебя к еще большей работе. И честно скажу, рад, что не обманулся в своих ожиданиях. Теперь с гордостью рассказываю жене, что ты учился у меня.

Из магазина вышла пожилая кассирша, и Александр Юльевич, попрощавшись с Савелием, поспешил к женщине и взял ее под руку.

Савелий грустно посмотрел вслед учителю и подумал о том, что немало людей не достигли в жизни того, чего могли. Один из преподавателей театрального института рассказывал студентам о судьбе сына народного артиста СССР Бориса Борисова. По радио до сих пор иногда передавали в его исполнении песенки на слова Беранже. Сын Борисова, Юрий, был удивительно способным юношей. И отлично читал рассказы Зошенко, и пел, и танцевал. «Кстати, — заметил преподаватель, — в Америке даже в драматический театр не возьмут артиста, если он не может бить элементарную чечетку». — «А в кино снимут?» — спросил Савелий. «Думаю, что вряд ли, — ответил преподаватель. — Тело у артиста должно быть гибким, своеобразно разработанным, ему не должно составить труда легко передвигаться по сцене, наклониться, чтобы поднять

какую-нибудь вещь или нести на руках партнершу, не напрягаясь, легко, как пушинку. И, между прочим, зрители чувствуют состояние артиста — спортивен он или отяжелел от физического бездействия». Затем преподаватель дорассказал студентам о судьбе сына Бориса Борисова. Юрик был призван в армию и попал во время отступления своей части под огонь заградительного отряда. Матери пришла похоронка, а по дому поползли слухи, что сын ее погиб как дезертир. Мать не верила в это, но злые языки подорвали ее здоровье, и она вскоре умерла. А искусство потеряло талантливейшего артиста. Очень жаль...

Через многие годы Савелий познакомился в теле-студии с блестящим артистом театра, кино и эстрады Сергеем Мартинсоном, ставшим легендой еще при жизни. Его бенефис снимали на телевидении вслед за Крамаровым. «Надо спешить, пока старик еще отлично двигается», — сказал Савелию и мне редактор Борис Пургалин. А для Савелия актерское мастерство Сергея Мартинсона казалось недостижимым. На сцене Мартинсон умел все: блестяще сыграть и комическую, и трагическую роль, а танцевал своеобразно и легко, даже в пожилом возрасте. Значительно позже он признается: «В Театре киноактера числится триста артистов, но стоило уйти из театра Людмиле Гурченко, как сняли спектакль «Целуй меня, Кет». Сняли потому, что не нашлось мне партнерши, не нашлось актрисы, которая могла бы профессионально танцевать. Это — нонсенс!»

Савелий в общем-то не кривил душою, когда говорил физику, что зря плохо учил его предмет. Конечно, знание законов физики для артиста было совершенно не обязательным, но необходимо общее

развитие для того, чтобы глубоко вникнуть в роль, понять самому, без вынужденного объяснения режиссером, замысла автора пьесы или сценария, легче усвоить режиссерскую трактовку роли. Савелий чувствовал, что в этом он уступает более эрудированным студентам, и все новое для себя, что видел у других актеров, авторов и режиссеров, впитывал в себя как губка. Стоило появиться в семидесятых годах знаменитой и популярнейшей 16-й полосе в «Литературной газете», как он стал буквально изучать ее, по несколько раз прочитывая и стараясь вникнуть в рождение юмора. Я не сомневаюсь, что наше с Савелием знакомство началось именно после моих публикаций в «Литатурке». Однажды он с улыбкою сказал мне, что если на 16-й полосе нет моего рассказа, то он закрывает газету. Конечно, шутил. Впрочем, я печатался там часто и недавно узнал, что у меня там вышло шестьдесят четыре рассказа, и в этом смысле я являюсь рекордсменом «Клуба 12 стульев», как до сих пор называется эта полоса, увы, сейчас явно поблекшая. Ушли из газеты ее создатели: Виктор Веселовский и Илья Суслов, пробывавшие острые произведения с принципиальной гражданской позицией. Здесь я несколько преувеличиваю значимость руководства 16-й полосы. Главный редактор газеты, Александр Борисович Чаковский, и его заместитель, курирующий юмор в газете, — Артур Сергеевич Тертерян — умышленно разрешали «хулиганить» Веселовскому и Суслову, так как они резко поднимали тираж «Литературки», перешагнувший шесть миллионов экземпляров. Савелий стремился к общению с авторами «Клуба 12 стульев». Отдыхая в Гульрипше, в Доме творчества «Литгазеты», он

много времени проводил с драматургом Виктором Славкиным, запоминая его суждения о жизни и литературе. Они шли по абхазской улице, ведущей от Дома творчества к поселку.

— Откуда здесь так много частных легковых машин? — интересовался Савелий.

— Благодатная почва. Субтропический климат. Сначала появляются огурцы, помидоры, потом мушмула, черешня, яблоки, персики, виноград, груши, лимоны... Близко сухумский рынок, рядом с которым много санаториев и турбаз! Местные жители зарабатывают очень прилично.

— Но ведь за машинами очередь, весьма большая! — стоял на своем Савелий.

— Часть машин — ворованные, — тихо сказал Славкин. — Здесь перебивают номера на их моторах и катаются привольно. Впрочем, за черту курорта, на всякий случай, без особой надобности не выезжают.

Савелий внимал Виктору, а когда тот рассказывал, что интересно придуманные автором прием и ситуация делают произведение своеобразным и интересным, то буквально запоминал каждое его слово.

Савелий был счастлив, когда репетиции свели его с писателем и режиссером Марком Розовским, ставившим эстрадное представление в Олимпийском комплексе. Розовский придумал почти реальное схождение Савелия с экрана на сцену, настолько органичное, что зрителям казалось, что это происходит на самом деле. И мысли Марка, делающие эстраду настоящим искусством, далеким от примитивизма, очень помогли Савелию в его сольных концертах. Ему, конечно, было трудно отрешиться от всех своих ролей, сыгранных в кино, но для показа в ролике он

отбирал такие, которые не стыдно было бы показать искусственному в искусстве зрителю, и если шутить в концертах, то злободневно. В меру своих сил я написал ему тексты для его киноэстрадных вечеров. У Савелия часто брали интервью или просили его с юмором рассказать о своем творчестве. Он соглашался на эти предложения, брал фрагменты из моих текстов и потом отдавал мне гонорары.

— Слушай, Савелий, зачем ты это делаешь? — говорил я ему. — Ведь тебе платят сущие копейки.

— Пусть, — говорил он мне, — но они — не мои. Я просто обязан отдать их тебе. Обязан! Непременно!

В институте, в отличие от школы, Савелий не пропускал занятия, учился хорошо, лишь по марксизму-ленинизму в его дипломе стояла тройка. Он тогда не понимал, почему не любит этот предмет. Наверное, потому, что однажды не выучил то, что просил преподаватель, а прочитал почти всю статью Ленина, и она, вопреки царящему тогда непререкаемому авторитету вождя, показалась ему состоящей из внешне многозначительных, но, по существу, мелкотемных споров с совершенно неизвестными оппонентами, далекой от логики и реалий жизни, следуя которым советские люди жили чересчур скромно, хотя и считали себя самыми передовыми в мире. Савелий догадывался, сколько зарабатывают киноактеры в Голливуде, и был расстроен, когда узнал, что известный артист нашего театра покупает поношенные рубашки у своего соседа — директора магазина тканей.

В дипломном спектакле его заняли в массовке, где он никак не мог проявить себя, и когда узнал, что при Центральном доме работников искусств открывается

прием в эстрадную самодеятельную студию, то записался в нее одним из первых.

Эммануил Савельевич Радзиховский, режиссер студии, ожидал наплыва талантливой молодежи, но не думал, что к нему хлынет огромная масса юношей и девушек, желающих проявить себя на сцене. Пришлось отбирать лучших по конкурсу, но без экзаменов, устраивая лишь прослушивание.

— Я пою, — сказала режиссеру девушка и запела без аккомпанемента простую незатейливую песню, несильным, приятным и теплым голосом. В ее исполнении не было ни манерности, ни намек на вычурность, ни подражания другим певицам. Впрочем, даже для подражания Клавдии Ивановне Шульженко требовалось определенное мастерство, которого не было у девушки. Но Радзиховского покорила ее искренность, и он принял молодую певицу в студию. Вскоре она замелькала на экранах телевизоров и многие зрители полюбили ее — Майю Кристалинскую.

Два молодых человека темпераментно читали «Муху-Цекатуху» Корнея Ивановича Чуковского, переделав «Цо» на «Це», делая ударение на первый слог слова «Цекотуха» и паузу после него. Получилось: ЦК-туха, с намеком на высший орган партии. Они — Лифшиц и Левенбук — не придумали новый жанр на эстраде, но живинка в их номере несомненно присутствовала. Потом они создали несколько удачных и остросовременных эстрадных программ, написанных Феликсом Камовым (Канделем) и Эдуардом Успенским. Ставил эти программы способнейший режиссер и артист Театра имени Маяковского Борис Левинсон. Вскоре они стали едва ли не постоянными участниками телеконцертов.

В роли конферансье, ироничного и веселого, пробовался, и удачно, Оскар Волин, живший недалеко от Савелия. Они после репетиций и представлений вместе возвращались домой, подружились, и, как оказалось, на всю жизнь.

Сам Савелий пришел в студию с пародией на, увы, многими теперь незаслуженно забытого, а в свое время популярнейшего артиста эстрады и кино Афанасия Белова. Через много лет после нашего с Крамаровым знакомства я рассказал ему о поучительной судьбе этого замечательного артиста и... писателя. «Конферасий Афанасий», — представлял себя на сцене Белов. В шляпе-канотье, в стилизованном, но не утрированно, одесском костюме, с тросточкой в руках, он пел в концертах куплеты и частушки. Савелий, если быть точным, его не пародировал, а имитировал. Пародия — жанр сатирический, а поводов для осмеяния этого, с моей точки зрения, великого эстрадного артиста просто не было. Савелий подражал ему голосом, двигался на сцене в его манере и тоже пел куплеты на бытовые темы, даже менее смешные, чем исполнял Афанасий Белов. Тем не менее, многие зрители в тонкостях жанра пародии не разбирались и провожали Савелия громом аплодисментов. В конце эстрадной карьеры Белов перешел на исполнение куплетов, а в годы расцвета своего таланта поражал даже театральных специалистов своими программами, где показывал себя как разносторонний артист эстрады и драмы. Пик его карьеры пришелся на выступление в Московском мюзик-холле в программе «Тик-так». Воссозданный лучшим режиссером эстрады Александром Конниковым Московский мюзик-холл в первый же свой выезд за рубеж,

в Париж, покорил эту своеобразную европейскую Мекку эстрады, и главным героем программы был Афанасий Белов. Он блестяще конферировал, пел и танцевал, преображаясь костюмно и внутренне в жителя пещерного, древнего и средневекового, но его тексты, написанные Владимиром Дыховичным и Морисом Слободским, ярко ассоциировались с современностью, и такие черты людей, как тупость, воровство, подавление незаурядных личностей, были понятны французам. Красочное представление с отличным кордебалетом, составленным из русских красавиц, с главной ролью, умной и отлично сыгранной Афанасием Беловым, было отмечено самыми лучшими французскими газетами и журналами. От него ждали очередного творческого взлета, а он вернулся к куплетам. Я ему подарил свою первую книгу «Белые вороны», вышедшую в издательстве «Советский писатель». Это происходило в кисловодской гостинице «Кавказ».

— После успеха в Париже я подумал, что достиг вершины своего творчества, — сокрушенно вздохнул Афанасий Севастьянович, уже немолодой, усталого вида человек, — перестал работать с авторами, стремиться к новым большим ролям, и вот наступила расплата — я приехал сюда в антураже певицы, которая начинала петь у меня еще лет двадцать назад.

Он не сказал мне тогда, что пишет повести. Две из них вскоре вышли в журнале «Октябрь», что для любого писателя в те годы считалось большим достижением. Но критика сделала вид, что не заметила их, поскольку автор был из «чужих», из артистов.

Выслушав эту необычную историю, Савелий задумался и ответил мне через минуту-две:

— Похожее в жизни случится со мною. Я почувствую. Хотя постараюсь никогда не останавливаться на достигнутом. Ведь ты помнишь, что в «Первых шагах» я начинал с примитивного номера — передвижения рояля. Мне поставил его Марк Розовский. Это была эстрадная шутка, но очень смешная. Зрители хохотали. Я неуклюже брался то за одну ножку рояля, то за другую. От напряжения искажал лицо. Падал в изнеможении. Отдыхал, взобравшись на рояль. Снова тянул его. Короче, надо было с чего-то начинать. Потом стал делать пародию на Афанасия Белова. Сделал маленький шаг вперед. Ведь до Лифшица и Левенбука у нас в студии выступали в паре Илья Суслов, потом ушедший в журналистику, и Юлик Бидерман. Они исполняли стихи в стиле знаменитых актеров Эфроса и Ярославцева, читавших стихи для детей, изображая пыхтение поезда, крик петуха, мычание коровы, скрип тормозов и тому подобное. Марк Розовский назвал это «звукоречью». Лифшиц и Левенбук пошли дальше, расширили репертуар и появились на сцене с сатирическими стихами. Я помню Илью Рутберга с его «Экзаменом». Смешнейший номер. Поставил Марк Розовский. Я был на его спектакле «Наш дом» в старом клубе МГУ и пожалел, что в нем не участвую, пожалел, что в то время умственно был не готов играть там.

Меня поразило столь самокритичное признание Савелия. В спектакле Марка Розовского, наверное, впервые в стране исполнялась неприглаженная сатира, обошедшая цензуру. Марк инсценировал замечательную повесть Андрея Платонова «Город Градов», еще нигде у нас не напечатанную.

— Ты тогда сделал первый шаг в искусстве, пусть не гигантский, но очень смешной, что редко случается на сцене, ты — молодец, Савелий! — похвалил я его.

— Хм, — усмехнулся он, — ты сейчас говоришь как рядовой зритель, — неожиданно для меня вымолвил Савелий, — а мне хочется, чтобы меня признали как артиста те зрители, что ходят на спектакли Марка Розовского.

— Я помогу, чем смогу, — предложил я, — а остальное зависит от тебя.

— Нет, — покачал он головой, — я состою на учете в туберкулезном диспансере.

— Ты переболел туберкулезом? — уточнил я.

— Со мною опасно целоваться, опасно до сих пор, — улыбнулся он, — а вокруг столько симпатичных девушек!

Я тогда ничего не знал о его тяжелейшем детстве, но понял по его понурому во время нашего разговора лицу, по бледности, не сходящей с него, что в жизни ему приходится туго, и туберкулез, как правило, возникает от плохого питания. Или Савелий им заразился от кого-нибудь, во что верилось меньше. Я рассказал Савелию, что великий писатель Андрей Платонов заразился туберкулезом от своего шестнадцатилетнего сына, выпущенного из лагеря уже в безнадежном состоянии. Сын умер буквально на руках отца.

— А как мальчик попал в лагерь? Да еще в школьном возрасте?! — поразился Савелий.

— Якобы за организацию покушения на Сталина. Марк Розовский разговаривал с женой Платонова и сказал ей, что, разумеется, обвинение было ложным. В ответ она промолчала. Видимо, в классе, где учился сын Платонова, велись разговоры на эту

тему, кто-то из соучеников донес о них, а дальше чекистам ничего не стоило организовать дело о готовящемся покушении на вождя. В любом случае арест сына был огромным ударом по писателю, чье творчество не вписывалось в прокрустово ложе социалистического реализма в литературе. Марк взял у жены Платонова его пьесы и раздал их пяти виднейшим театральным режиссерам страны, но, к сожалению, не все из них даже прочитали их, а кое-кто даже затерял.

— Я мечтаю работать с Марком, — признался мне тогда Савелий, и его желание в какой-то мере сбылось.

Марк Розовский рассказывал мне, что Савелий часто обращался к нему за различными творческими советами, и он помогал ему. «Этому способствовало то, — улыбнулся Марк, — что тогда никто, кроме него, не обращался ко мне, а ему не к кому было обратиться, кроме меня».

Позднее мы с Савелием видели фильм, снятый в Америке Андреем Кончаловским по мотивам рассказа Андрея Платонова «Женихи для Марии», с Анастасией Кински в главной роли. Драматическое действие захватило нас. Один из русских героев фильма работал на бойне. Кончаловский специально изменил его профессию, чтобы приблизить сюжет фильма к реалиям американской жизни. Эмигрантам еще первой послереволюционной волны, бежавшим из России в Штаты от произвола новой власти, от разрухи и голода, удавалось устроиться туда, где не хотели трудиться американцы. Муж одной сестры моего отца, эмигрировавшей в Америку в 1921 году, тоже начинал работу на бойне, потом открыл мясной магазин. В 1943 году

в Америке побывал народный артист Союза Соломон Михоэлс. Он был отправлен туда для сбора денег в пользу Красной армии. После митинга в Нью-Йорке к нему подошла женщина и спросила, не знает ли он Льва Израильевича Стронгина.

— Я разговаривал с ним за несколько дней до отъезда сюда, — сказал Михоэлс женщине.

— Я его родная сестра, — представилась женщина, — а кем он работает?

— Директором еврейского издательства, — ответил Михоэлс.

— Значит, богатый человек! — обрадовалась сестра.

Михоэлс улыбнулся, зная, что по американским понятиям наша семья живет чрезмерно скромно, но не стал разочаровывать сестру. Она передала нам через Михоэлса письмо и фотокарточку своей семьи и родных другой сестры. Мы, конечно, не написали им, боялись показать, что имеем родных за границей. Тем не менее отцу, арестованному в 1948 году по делу Еврейского антифашистского комитета, следователь Шишков напомнил об этой связи.

— Значит, у вас в Америке есть родные сестры. Мужья их — торгаши!

— Мужья работают, — ответил отец, — насколько мне известно, один из них аптекарь, другой — мясник. Они — бизнесмены!

— Нет, торгаши! Презренные торгаши! — давя на подсудимого, заключил допрос отца о его родственниках в стране гнивающего империализма следователь Шишков. На этот раз он обошелся без пыток, неоднократно применяемых к отцу, который, несмотря ни на карцер, ни на другие издевательства,

вплоть до сдираания ногтей с пальцев, на закручивание в сырую смирительную рубашку, при высыхании доставляющую человеку невыносимые боли, не написал нужные Шишкову протоколы.

Ни Савелий мне, ни я ему не рассказывали о своих нелегких детских годах, но во многом общность судеб сблизила нас и, конечно, творческая направленность, по всей вероятности не в последнюю очередь возникшая по той же причине.

Повесть Андрея Платонова «Город Градов», ее тональность, юмор и грусть, сдобренные тонкой иронией, подвигли меня на написание первой своей повести: «Горохов — Москва — Горохов». Прочитав ее, Савелий вдруг процитировал мне поразительную по смелости фразу из рассказа Платонова, где герой говорил, что «для того, чтобы перепахать поле, не обязательно знать Карла Маркса». Находясь под впечатлением легковесных ролей, сыгранных Савелием, я удивленно посмотрел на него.

— Ты читал Платонова?!

— А как же! — гордо вскинул подбородок Савелий. — Прочитал все, что пока напечатано!

Юмор — обратная сторона трагедии

Юношеские годы — самые беззаботные в жизни человека, наверное, даже в насквозь идеологизированном обществе, где уничтожались миллионы людей, разбивались семьи, искажались чувства и характеры, и даже любовь оформлялась в виде семейной ячейки.

Младший брат мамы, Павел Соломонович Волчек, был человеком степенным и считал, что Савелию, молодому одинокому парню, пора создавать такую ячейку. Чем мог, он помогал Савелию, и прежде всего упорно лечил его от туберкулеза, заставляя ложкой есть сливочное масло. Савелий особенно не сопротивлялся такому методу лечения, хотя ел масло через силу. Наградой дяде и племяннику было сообщение о том, что племянник снят с учета в районном тубдиспансере.

— Теперь ты должен жениться, — твердо сказал Павел Соломонович, — это будет следующая ступенька в твоей жизни. За тобой должна ухаживать добрая и хозяйственная девушка.

— Где найти такую? — простодушно заметил Савелий. — Кто пойдет за меня, студента?

— Умная девушка — пойдет, — уверенно произнес дядя, видевший его выступление в ЦДРИ, — у тебя есть хорошая перспектива как у актера. Мы с твоей тетей почти ничего не имели, когда поженились. Достаток приходил постепенно. Мы и сейчас живем далеко не богато, но счастливо.

— Вы любили друг друга, — сказал Савелий.

— И сейчас любим, — подтвердил Павел Соломонович, — надо уметь любить, для этого тоже требуется талант и немножко везения, удачи. Среди твоих родственников никогда не было ни гуляк, ни вертопрахов. Оглянись вокруг внимательно и обязательно найдешь интересную девушку.

— Но надо, чтобы она еще проявила ко мне внимание. Что я могу предложить ей? Студенческую стипендию, комнату в коммуналке, обещание стать хорошим артистом?

— Не много, — согласился Павел Соломонович, — но не это будет главным, если вы полюбите друг друга.

— Постараюсь, дядя, — сказал Савелий, веря в успешную встречу с любимой и одновременно любящей его девушкой. Он осмотрел свои доспехи — полинявшие брюки, пиджак с блестящими от заношенности рукавами, к тому же мешковато висящий на нем. Савелий грустно улыбнулся и подумал: «Я больше похож на пугало для ворон, чем на жениха». Но такое счастливое время — юность, что даже в трудное время может в жизни человека произойти невероятное, резко меняющее, и в лучшую сторону, его настроение и состояние души.

После очередного спектакля «Первые шаги» к Савелию подошел симпатичный юноша с умными веселыми глазами.

— Я режиссер Юрий Чулюкин, — улыбнулся он, — снимаю фильм «Парни с нашего двора». В сценарии для вас есть подходящая роль. Сыграете?

— Повторите, — попросил режиссера оторопевший Савелий, не верящий своим ушам.

— Чего повторять? — удивился режиссер. — Я вас беру на роль Васьки Ржавого. Согласны?

— Ага, — еле вымолвил Савелий, у которого от радости перехватило дыхание.

Режиссер оставил ему свой телефон и попросил позвонить через месяц, поближе к началу съемок. В тот же день об этом узнали все родные Савелия, они радовались за него, и тетя Маша, жена дяди Лео, особенно, сначала радостно закричала: «Мама верила в то, что ты станешь артистом!» — а потом всплакнула: «Очень жаль, Савелий, что она не дождала до этого счастливого дня. Она радовалась бы больше всех!»

Чулюкин успел сказать ему, что Васька Ржавый, по сценарию, хулиганистый, но смешной парень. И именно оттого, что его хулиганство не идет от характера, от души, а объясняется тем, что он старается ни в чем не уступать своим сверстникам, быть таким же, как они, и возникает его нелепость, а неуклюжие попытки подражать им должны вызывать смех.

«Это я умею», — хвастливо подумал про себя Савелий. Он стал смелее, увереннее и однажды, когда выходил после спектакля из ЦДРИ, почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. На него с улыбкой и любопытством глядела девушка, возможно, именно

та, которая, по мнению дяди Павла Соломоновича, могла стать ему верной и любящей женой.

Савелий без раздумий подошел к ней:

— Здравствуйте!

— Привет! — зарделась девушка. — Мне очень понравилось, как вы передвигали рояль! Смеялась до упаду!

Савелий смутился от похвалы.

— Это еще что! — гордо произнес он. — Я скоро буду сниматься в кино!

— Не может быть?! — искренне удивилась девушка, поскольку в те годы фильмы выпускались редко, хотя значительно чаще, чем при Сталине, но каждая новая кинокартина, сам выход ее на экраны еще становился целым событием. — А кто режиссер?

— Юрий Чулюкин! — с гордостью вымолвил Савелий.

— Не слышала о таком, — наморщив лоб, заметила девушка.

— Еще услышите! — уверенно произнес Савелий. — Выпускник ВГИКа, а я заканчиваю ГИТИС, актерский факультет.

— Здорово! — воскликнула девушка. — А меня зовут Людой. Я — рядовой инженер. Из КБ Туполева. Работаю первый год. Вот и все, — грустно закончила она краткий монолог о себе.

— У вас еще вся жизнь впереди! — старался приободрить ее Савелий, хотя был на два года моложе ее.

Они начали встречаться, а после того как Савелий снялся в фильме Юрия Чулюкина, оказавшегося действительно талантливым режиссером и умным, интеллигентным человеком, они поженились. Дяди поднатужились и собрали Савелию деньги на вы-

ходной костюм. В белой рубашке, с ярким галстуком, он выглядел красивым, каким бывает любой парень в молодости. Заглядывая вперед, замечу интересную деталь в жизни Савелия. С годами, приобретая опыт, работая над собой духовно, переосмысливая прошедшее и постоянно совершенствуя себя, Савелий Крамаров выглядел намного интереснее, чем в молодости.

Чулюкин сказал Савелию, что идея его фильма не столь сложная, но актуальная. Он хочет показать парней из московского двора, которых в столице тысячи, парней, которых война лишила отцов, а матерям, занятым тяжелым трудом и добыванием денег, не хватало времени и сил на то, чтобы серьезно заняться их воспитанием. И в результате выросли хулиганистые парни, считавшие свои игры в двенадцать палочек, в казаки-разбойники, в пристеночку настоящей жизнью, а приставание к девушкам, хамство в отношении людей в шляпах — едва ли не подвигом. Васька Ржавый — по натуре добрый. И внешне хлипкий парень старается во всем подражать дворовым ребятам, но делает это неуклюже и поэтому смешно.

Во время съемок Савелий с вызовом в лице, но со страхом в душе, подходил к турнику и старался подтянуться на нем, дико напрягал хилые мускулы, искажая от напряжения физиономию, но удача отворачивалась от него. Он повторял попытку с еще большими усилиями, крепко сжимая губы, от натуги лезли на лоб глаза, голова достигала уровня турника, но тут силы окончательно покидали его, и он падал на землю под хохот ребят, под смех зрителей, переполнивших маленький просмотровый зал ВГИКа. Этот фильм был дипломной работой Юрия

Чулюкина и состоял из одной части, то есть считался короткометражным. За участие в нем актерам не платили денег, но это мало смутило Савелия. Он увидел себя на экране, крупным планом, зрители не остались равнодушными к его игре, и это было для него настоящим счастьем. По-иному отреагировала на просмотр Люда.

— И все? — спросила она, когда в зале зажегся свет и раздались аплодисменты сотоварищей Чулюкина по институту.

— Ведь здорово! — не заметил Савелий неудовлетворенности в ее словах.

— Неплохо, — согласилась она, — но очень мало. Фильм, видимо, не выйдет на экраны.

— Это дипломная работа режиссера, но очень удачная! — находясь в эйфории от увиденного, воскликнул Савелий, но Люда не разделяла его радости. Они молча возвращались домой. Люда с грустью, как бы заново, оценила его убогую комнатку в коммуналке, нехитрую мебель.

— Люда! — сказал Савелий. — Сегодня у меня праздник! Первый художественный фильм с моим участием!

— Короткометражка, ее даже не выпустят на экраны, — уныло произнесла Люда, видевшая Савелия в окружении девиц, его сияющее лицо, и теперь своей холодностью мстила ему за измены, в существовании которых не сомневалась.

— Почему? — удивился Савелий. — Он может войти в сборники короткометражных фильмов. Их показывают в самых больших кинотеатрах!

— Но тебе даже не заплатили деньги за роль, — заметила Люда.

— Ну и что? — не понял ее Савелий. — Мама мечтала, чтобы я стал артистом. Ее мечта сбывается, и я бесконечно рад этому! Понимаешь?

— Конечно, — вздохнула Люда, и с этого дня что-то надломилось в ее отношении к нему. Она приходила с работы усталая, а он только собирался в ЦДРИ.

— Пойдем со мной! — предлагал он жене.

— Ты будешь снова передвигать рояль? Я это уже видела. Много раз. Я устала и останусь дома, — разочарованно говорила она, хотя готова была смотреть его номер бесконечно, но не могла спокойно относиться к его заигрыванию с другими девушками.

— Я сегодня попробую исполнить пародию на Афанасия Белова! — старался заинтересовать ее Савелий. — И другие ребята покажут новые номера! Пойдем, Людочка!

— Будешь показывать новый номер, но в старом костюме, — впервые нервно заметила она, и Савелий почувствовал, что ее былое восхищение его игрой куда-то и почему-то улетучилось.

— Я мало приношу денег, — догадался Савелий, — но пока помогают дяди. Плюс стипендия. Конечно, маловато, но сразу все не получается. Поверь мне, я стану хорошим артистом. Мною доволен педагог в институте. Хочет показать меня в одном из популярных театров.

— Поздравляю, — вяло произнесла Люда. — Иди на свой концерт, а я отдохну дома или пойду к подруге. Она живет в двухкомнатной квартире. Сменю обстановку. Поболтаем. К концу твоего спектакля я вернусь.

Савелий ждал Люду до полуночи. Потом позвонил подруге, к которой она пошла в гости. Сквозь трубку прорывались звук патефона, громкие голоса.

Юмор — обратная сторона трагедии

— Здесь очень весело! — перекрывая шумы, громко сказала Савелию Люда. — Я задержусь!

— Надолго? — встревожился Савелий.

— Не знаю. Если задержусь допоздна, то останусь здесь ночевать.

— А как же работа? — спросил Савелий.

— Прямо отсюда пойду на работу, — просто объяснила ему Люда. — В этом нет ничего страшного!

Вскоре фильм Чулюкина с участием Савелия Крамарова вышел на экраны больших кинотеатров, его имя красовалось в титрах, но отношения с Людой разлаживались. Савелия съедала ревность, он похудел, появилась резкость в движениях, стал путанным разговор, но стоило ему подумать о маме, о ее мечте увидеть его актером, и он ушел в работу, в репетиции, заглушавшие тоску и грусть от неудачной любви.

Савелий искал рассказ, с которым он мог бы показаться в театре. Читал Зощенко. Смеялся. Но не представлял себя в его героях. Один рассказ все-таки выучил, но увидел, как его исполняет непревзойденный мастер юмора артист Театра сатиры Хенкин, и отложил в сторону. Савелию хотелось во что бы то ни стало найти нового автора с таким произведением, которое бы органично ложилось на его фактуру, соответствовало бы его возрасту и могло поднять его пока еще не окрепшее актерское мастерство.

— Почитай Шукшина, — посоветовал ему Марк Розовский, — он народен, в хорошем смысле слова, его герои бывают нелепы и причудливы, выделяются своими характерами на фоне нашей серой и однообразной жизни.

Савелий стал занятым деловым человеком, много времени проводил в библиотеке, а вечерами выступал на сцене в ЦДРИ и не заметил, что Люда не приходит домой уже несколько дней. А когда понял, что произошло, сжалось до болей сердце, но вскоре они прекратились. «Наверное, у нас была не глубокая, а поверхностная любовь, — подумал Савелий, — и я виноват, что не предоставил Люде такую жизнь, на которую она рассчитывала со мной. Прости, Люда, и прощай!» — мысленно расстался он с ней. Они развелись и больше не виделись. Однажды ему показалось, что она сидит в зале на премьере нового фильма с его участием, но, возможно, он ошибся, и не в этом было дело. Люда навек ушла из его сердца, и о возврате к прошлому он даже не подумал. Когда он прочитал рассказ Василия Шукшина «Ванька, ты как здесь?», то почувствовал себя рыбаком, выудившим золотую рыбку, которая исполнит все его желания, по крайней мере, главное — выведет его на сцену Театра миниатюр, где его пытался показать педагог ГИТИСа Михаил Иосифович Рапоппорт. В рассказе был понятный Савелию герой, шли съемки фильма, и разворачивалась неудачная любовь, то есть то, что знал и даже пережил сам его будущий исполнитель. Рассказ понравился Рапоппорту, и он предложил Савелию написать заявку, а еще лучше — сделать его инсценировку, которую он покажет завлиту Театра миниатюр.

— Это как? — спросил Савелий. — Я не драматург.

Он сразу решил обратиться за помощью к Марку Розовскому, но передумал, считая, что слишком часто пользуется его советами. Можно было позвонить Виктору Славкину, но он сам писал сейчас пьесу, окунулся в работу с головой.

— Перепиши рассказ так, как будешь с ним выступать. Оставь только те места, с которыми выйдешь на сцену, но связанные между собой действием и мыслью. Понимаешь? — назидательно произнес Раппопорт.

— Вроде, — смутился Савелий, — попробую положить его на себя.

Театр миниатюр, куда привел Савелия режиссер, переживал труднейший момент в своей короткой жизни. Создал его и возглавил писатель Владимир Соломонович Поляков, известный как автор сценария фильма «Карнавальная ночь» (совместно с Борисом Ласкиным) и множества эстрадных программ для Аркадия Райкина. На афишах его фамилия значилась маленькими буквами в правом верхнем углу. Видимо, это ущемляло амбиции автора, но таково свойство эстрады: автор умирает в актере. Не может, к примеру, конференсье объявлять автора каждой репризы или связки к номеру. Зритель должен думать, что остроумный и веселый человек обязательно тот, кто выходит на сцену. Лавры успеха от исполненного текста должны доставаться актеру. Так было испокон веков. Но в последнее время авторы эстрады решили порушить эту традицию, громко заявить о себе, начали сами выступать на эстраде, в громадном количестве просочились на телевидение и, по существу, стали артистами. На мой взгляд, это вполне допустимо, если авторы не продают артистам те же тексты, что исполняют с эстрады. Владимир Соломонович Поляков, написавший для Райкина свыше десяти программ, поступил честнее, чем иные современные авторы эстрады. Он создал театр миниатюр под своим художественным

руководством, набрал в него способных артистов: Вадима Деранкова, ставшего ведущим артистом, Зиновия Высоковского, Эрика Арзуманяна, Марка Захарова, кстати, игравшего там роль Остапа Бендера, Рудольфа Рудина и даже совсем еще молодого Владимира Высоцкого. Владимир Соломонович писал для своего театра отличные злободневные программы, собиравшие в залах аншлаги, но, тем не менее, гений Аркадия Райкина все же превосходил успех театра Полякова. Впрочем, у двух ярчайших звезд эстрады – артиста и автора – сохранились хорошие отношения, и Аркадий Исаакович на шестидесятилетии Полякова в Центральном доме литераторов исполнил две его лучшие интермедии и сказал: «Нашему театру тридцать лет. За пятнадцать – спасибо тебе, Володя!»

Здоровая конкуренция не мешала работе двух театров миниатюр, но брал свое возраст Полякова, к тому же безумно пожалевшего о многих годах, потраченных на эстраду; он успел написать две прекрасные прозаические книжки, вышедшие в лучшем тогда издательстве страны – «Советский писатель» – и покинул свое эстрадное детище. Режиссер Михаил Рапопорт ставил там программу «Скрытой камерой» по рассказам авторов «Клуба 12 стульев» «Литературной газеты», куда, кстати, вошел и мой рассказ, инсценированный и исполненный Рудольфом Рудиным и его партнершей. Органично вливался в эту программу смешной рассказ Василия Шукшина, выбранный Савелием, на инсценировку его он потратил массу сил и времени, поскольку работа была для него новой. Опыт, полученный им от нее, я ощутил, когда писал для Савелия его телебенефис. Он боролся против

каждого лишнего слова, нарушающего органичность интермедии, требовал от меня краткости и точности в выражении каждой мысли.

Рассказ Шукшина, если мне не изменяет память, в исполнении Савелия Крамарова выглядел приблизительно так:

«У меня, у Проньки Лагутина, в городе училась сестра. Раз в месяц я привозил ей харчи, платил за квартиру, покупал ей и ее подругам пару бутылок красного вина и учил:

— Тут народ разный. Если он к тебе: «Вы, мол, мне глянетесь, то-се, разрешите вас под ручку», — вы его по руке: «Не лезь! Мне, мол, сперва выучиться надо, а потом уже разные там дела. У меня, мол, пока одна учеба на уме».

Однажды сижу я в парке, жду поезда, и вдруг подходит ко мне красивая молодая женщина с портфелем и присаживается на скамейку.

— Разрешите, я займу минутку вашего времени?

— Зачем?

— Мы в этом городе находимся в киноэкспедиции.

— Кино фотографируете?

— Да. И нам для эпизода нужен человек. Вот такого типа... вашего.

— А какой у меня тип?

— Ну, простой. Нам нужен простой сельский парень, который первый раз приезжает в город. У вас есть сейчас минут двадцать времени?

— Есть.

— Тогда пошли. Я покажу вас режиссеру.

— А этот тип, что вроде меня, зачем приезжает в город? — интересуюсь я.

— Он из тех, кто гонится за длинным рублем, — говорит женщина.

— Интересно, — говорю я, — мне длинный рубль тоже сейчас не помешал бы: домишко к осени хочу перебрать. Жениться надо, а в избе тесно. Пойдут детишки — повернутся негде будет. У вас хорошо платят?

Женщина засмеялась и повела меня в гостиницу к режиссеру. Тот усадил меня в кресло:

— Есть у нас в фильме эпизод: в город из деревни приезжает парень. Находит знакомых. Они летом отдыхали в деревне, в его доме. Это понятно?

— Ага.

— Пойдем дальше.

— Куда?

— В город. Городская семья недовольна приездом парня — лишняя волокита, неудобства...

— А как же так, — говорю я, — сами жили — ничего, а как к ним приехали — не нравится!

— Ну, бывает, — говорит мне режиссер, — они не так уж явно показывают, что недовольны.

— Значит, темнят.

— Да, — говорит режиссер, — попробуйте. Слова на ходу придумаем. Перед вами буду не я, те ваши городские знакомые. И вы не Пронька, а как по сценарию — Иван. Давайте!

Я выхожу из номера и снова вхожу.

— Здравствуйте.

— А постучаться? — говорит мне режиссер. — Еще раз входите.

Я выхожу, стучу в дверь.

— Да! — говорит режиссер.

Я вхожу. Мы долго смотрим друг на друга. Режиссер качает головой.

Юмор — обратная сторона трагедии

— А где «здравствуйте»?

— Я же здоровался.

— Мы же снова начали.

— Снова, да?

Я вышел и постучался.

— Да!

— Здравствуйте!

— Иван! Входите, входите, — радуется режиссер. —

Проходите! Каким ветром?

— Умеренным, — подхожу я к режиссеру, обнимаю, хлопаю по спине. — Как житуха?

— А ты чего радуешься? — спрашивает режиссер.

— Тебя увидел... ведь ты тоже обрадовался.

— Я — притворно. Доходит?

— А чего тебе притворяться-то? Я еще не сказал, что буду жить у вас. Может, я только на часок.

Режиссер наморщил лоб:

— Я поторопился, верно. Давай еще раз.

Все повторилось.

— Ну, как житуха? — спрашиваю я, улыбаясь.

— Да так себе... А ты что, по делам в город?

— Нет, насовсем. Хочу стать артистом.

— Чего? — выпучивает глаза режиссер.

— Не артистом, — поправляюсь я, — а на трикотажную фабрику.

— А где жить будешь?

— У тебя. Вы же у меня жили, теперь я у вас живу.

Режиссер в раздумье заходил по номеру.

— Тоньше надо. Хитрее. Давай оба притворяться: я недоволен, что ты приехал, но как будто обрадован; ты заметил, что я недоволен, но не показываешь виду, тоже радуешься. Попробуем?

— Попробуем, — говорю я. — Если меня увидят в кино в нашей деревне, это будет огромный удар по клубу, его просто разнесут по бревнышку. От удивления. Меня же на руках вынесут! Ну, давайте еще пробовать!

Я вышел в коридор, постучался, вошел, поздоровался.

— Ваня! Ты как здесь? — кричит режиссер.

— А тебя как зовут?

— Ну, допустим, Николай Петрович.

— Давай снова, — команду я.

— Ваня, ты как здесь? — удивляется режиссер.

— Хочу перебраться в город.

— Совсем?

— Ага. Хочу на фабрику устроиться...

— А жить-то где будешь?

— У тебя, Николай Петрович, будем вместе смотреть телевизор.

— Да, но у меня тесновато, Иван...

— Проживем! В тесноте — не в обиде...

— Но я уже недоволен, Иван... то есть Проня. А ты все улыбаешься.

— Ну и хрен с тобой, что ты недоволен. Ничего не случится, если я проживу у тебя с полмесяца. Устроюсь на работу, потом переберусь в общагу.

— Но тогда надо другой фильм делать.

— Давай другой! Вот приезжаю я из Колунды.

— Откуда?

— Из Колунды, я оттуда родом. Так?

— Нет, — говорит режиссер, — у нас другой парень написан. Почитай сценарий, пока я выйду покурю. Подумай, может, останешься? Не ехать же обратно в деревню?

Он вышел, а мне стало тоскливо. Представилось, что приеду я завтра к станции в битком набитом поезде, как побегут все бегом на площадь, занимать места в автобусе, а меня не будет там, не заору я весело на бегу: «Давай, бабушка, кочегарь, а то на буфере поедешь!» И не мелькнут потом среди деревьев первые избы моей деревни, не пахнёт кизячным дымом... Не увижу я на крыльце маму с немим вопросом в глазах: как дела?

Я положил сценарий на стол, взял толстый цветной карандаш и на чистом листке бумаги крупно написал: «Не выйдет у нас. *Лагутин Прокопий*. И ушел».

Савелий показал инсценировку самому молодому актеру театра и мало занятому на сцене — Высоцкому. Тот читал инсценировку с интересом, при этом у него лукаво смеялись глаза.

— Мне особенно концовка понравилась, — заметил он: «Не увижу я на крыльце маму с немим вопросом в глазах: как дела?» Читал и свою маму представил. И смешно стало, и грустно... Мама... А твоя жива?

— Нет, — вздохнул Савелий.

— Небось, сирота, — заметил Высоцкий, — а отца когда забрали? Наверное, по 58-й?

— А ты почему так думаешь? — удивился и покраснел Савелий.

— Загадка простая. У каждого второго нашего ровесника отцы — «враги народа». Разве я не прав?

— Похоже, — смущенно вымолвил Савелий.

— И ведешь ты себя скромно, доброжелательно, словом, честный парень. А такой мог родиться только в приличной семье, в семье «врагов народа». Я тебя не обижаю?

— Нисколько. Забавно рассуждаешь, — заметил Савелий.

— А как у тебя личная жизнь? Сложилась? — неожиданно спросил Высоцкий. — Тут у тебя тоже могут возникнуть сложности. Таких, как мы с тобою, начинающих артистов могут полюбить только добрые бабы. У меня есть... Всем хороша... Но стихи не любит. Пастернака не понимает. Как Сталин!

— При чем здесь Сталин? — удивился Савелий.

— Спрашиваешь? Значит, не читал Мандельштама: о горце, не понимавшем Пастернака.

— Наверное, у тебя очень молодая девушка? — поинтересовался Савелий.

— Молодая. Ладная. Красивая. Но беда моя в другом. Не женюсь я на ней. Стремления в жизни разные. И поговорить не о чем. Мне перед ее отцом стыдно. Он понимает, что я не женюсь на его дочери. Но знает, что я ей солидно помогаю. А он не может. Выпивает. Хороший мужик. В результате мы друг друга стесняемся, боимся объясниться. Одно успокаивает. Она — броская баба, одна не останется. Тебе, наверное, это все неинтересно?

— Почему? О жизни необычной всегда интересно. Как в рассказе Шукшина.

— Хороший рассказ. И читаешь его нормально. И актеры в театре хорошие. Но я с ними мало монтируюсь. Они больше по смеху, а я — по иронии. Бог не наделил смешной рожей. Чересчур серьезная. И еще жалею, что Поляков разошелся с Райкиным. Погибло доброе, талантливое дело. Жаль... — искренно произнес Высоцкий.

— Мне тоже, — сказал Савелий, — и еще я переживаю, когда уходит любовь. Моя, чужая... Любая... Куда девается?

— Еще не открытый закон природы! — улыбнулся Высоцкий. — Куда уходит? Откуда приходит? Знает только сердце. И еще оно очень многое знает. Все значительное проходит через сердце. Оно и любит, и негодует. Твой рассказ почему понравился? Мое сердце приняло. Расчувствовалося.

— Спасибо, — поблагодарил Савелий.

— Кому? Мне или моему сердцу? Иди на сцену, Савелий, твой выход. А я тебя еще раз послушаю.

Юмористическая ситуация инсценировки внезапно переходила в лирическую, с грустинкой, задушевную исповедь, что искренне передавал Савелий, и рассказ в его исполнении имел оглушительный успех. Номер Савелия заканчивал программу Театра миниатюр. Он быстро подружился с коллегами, и когда администраторы приглашали его в свои концерты, он требовал, чтобы они взяли с ним других артистов театра. Администраторы хмурились, жались, но, как правило, уступали его просьбе. Успех не вскружил Савелию голову, но сделал его намного жизнерадостнее, чем прежде. Еще не ушли, но постепенно затуманивались в памяти невзгоды прошлых лет. И он понял, что боли, нанесенные ему злыми людьми, могут покинуть его лишь на время. Тепло зрительских сердец согревает, радует душу, но никогда не заменит ему тепла материнского. Об этом он думал, оставаясь один, в старой коммунальной комнате. Но стоило ему оказаться среди друзей-артистов, как он преображался. Он даже веселел. Артист Эрик Арзумян однажды показал Савелию пародию на него. «Он так смеялся, так свободно и раскованно, что рассмеялся даже я», — рассказывал мне Эрик. Однажды Савелий

поехал с артистами театра на шефский концерт в Сокольническую туберкулезную больницу, где работала главврачом Нина Самуиловна Горячко. Отличный доктор и человек. В свое время она вылечила Савелия от туберкулеза на опасной стадии. Потом она уехала в Израиль, в Хайфу. И там, через много лет, открылась дверь ее дома. На пороге стоял Савелий с букетом роз и бутылкой коньяка в руках.

— А где же традиционные конфеты? — спросила она после радостных объятий.

— Я запомнил ваши слова, — сказал Савелий, — слова о том, что больные специально дарят конфеты врачам, чтобы они захворали диабетом.

Савелий помнил доброту и внимание к себе, как никто другой. Мы договорились с ним о совместных гастролях в Липецке, но через несколько дней он позвонил мне и сказал, что ему предлагают сниматься в кино.

— Снимайся, — без раздумий ответил я.

— Извини, но я обещал поехать с тобой в Липецк. Ты мне делал в жизни только хорошее. Как ты скажешь, так я поступлю.

Я настоял на киносъемках, зная, что сниматься в кино — мечта его жизни.

— Ладно, — согласился он, — но запомни, что теперь я твой должник. Навсегда. Что бы ты ни попросил, я исполню. Даже будет нужно — выступлю в ЖЭКе или на телефонной станции.

Сам познавший нужду и нищету, Савелий не мог не сопереживать людям, находившимся в бедственном положении, и вообще старался хоть чем-нибудь отблагодарить любого человека за добро, которое тот проявил к нему.

И в театре артисты любили Савелия за его отзывчивость. Он никому не завидовал. Был не способен ни на ложь, ни даже на плохие слова о своих коллегах. Но в душе и по своей природе он был артистом кино. В этом плане он напоминал артиста Леонида Куравлева. И тот и другой имели большой успех на сцене, но в кино, в своем жанре, им не было равных, на сцене они играли, а в кино творили искусство. И ни для кого из коллег по Театру миниатюр не стало удивительным известие о том, что Савелий Крамаров ушел в кино.

В Театре миниатюр его номер стал исполнять Михаил Кокшенов — тоже хороший артист, но он не имел того громового успеха, что был у Савелия, и, наверное, потому, что Савелий этот номер «вынянчил» и действительно прочувствовал глубоко, до мельчайших деталей и нюансов. Ему было жаль расставаться с друзьями по театру, где он стал актером, творчески рос, внимательно наблюдая и изучая их игру. «Давайте махнемся рубашками. Не глядя!» — предложил он Эрику Арзумянну. Разговор происходил в электричке, в один из последних совместных выездов Савелия с театром. «У него была рубашка намного моднее, чем моя, — вспоминает Эрик, — но, видимо, ему хотелось сделать добро, своеобразный подарок кому-нибудь из нас. Он увидел, что я бросаю взгляд на его рубашку, и выбрал меня для своего поступка. Конечно, моя безрукавка затерялась в потоке его странствий, а его рубашку я храню по сей день как память о добром искреннем человеке, тонко чувствующем души людей».

Киножизнь

И закрутилась бурная киножизнь Савелия Крамарова. Его роли, даже не очень смешные при чтении в сценариях, вызывали в зале непереносимый смех. Наступило время, когда Савелий, как говорится, был нарасхват у режиссеров.

Создатели фильма «Трембита» по мотивам одноименной классической оперетты очень хотели, чтобы в нем участвовал Крамаров, но роли для него в сценарии не было. И тогда режиссеры фильма обратились ко мне с просьбой, разумеется, по предложению Савелия, написать для него роль в этом фильме. Действие кинокартины разворачивалось после войны, в закарпатской деревне, рядом с которой располагалась военная часть. И я придумал для Савелия образ сапера, который в наушниках, со специальным приспособлением в руках повсюду искал мины. Потом Савелий признался мне, что это один из его любимых фильмов.

— Почему? — удивился я. — Сюжет фильма известен по оперетте. И в других картинах ты вызывал смех.

— Вызывал. Но какой? — своим вопросом озадачил меня Савелий. — Надо мною чаще всего смеются как над идиотом или недоумком, еще более глупым, чем сами кинозрители. Им приятно, что есть люди, дурачливее их. А в «Трембите» я играю сапера, честно исполняющего свой долг, ищущего мины даже там, где их не нужно было прятать, но думающего, что коварный враг мог заложить их повсюду. Отсюда возникают смешные ситуации. А главное, что роль получилась незлая, так как люди видят во мне чересчур старательного, но доброго человека, и смеются они по-доброму, смеются, а не ржут. Роль сильно сократили. Ты постарался на всю катушку, и после съемки выяснилось, что я по объему и качеству исполнения затмеваю первые роли, которые играли Весник и Аросева.

Однажды Евгений Яковлевич Весник прервал съемки на два дня. Улетел в Кривой Рог. Там, в местном драмтеатре, он играет в спектакле роль своего отца — бывшего главы города, арестованного в 37-м.

— А мы с Весником прикреплены к одной поликлинике, как льготники района, как дети реабилитированных. Кстати, отец Аросевой, в прошлом крупный партийный работник, тоже был незаконно репрессирован.

— Выходит, в одном фильме встретились трое детей бывших «врагов народа», — заметил Савелий.

— Может, и больше, — откликнулся я, — именно поэтому незатейливая по юмору комедия получилась доброй. Один из авторов сценария — Владимир Захарович Масс, говорят, тоже пострадал в период культа личности. Пережившие люди, понимающие беды других, не могут сотворить что-либо злое.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Савелий. — Аросева и Весник — прекрасные артисты и люди. Я их очень люблю. Но после этого фильма я понял, что могу быть занят не только в эпизодах, могу играть главную роль. Но кто из режиссеров пойдет на это? Кто им разрешит?

Лицо Савелия помрачнело. Он, наверное, осознал, что в жизни ему навсегда уготованы лишь маленькие комические роли. Режиссеры консервативны и привыкают к его образу, вряд ли среди них найдется новатор, который решится построить фильм на Крамарове — главном герое. Савелий сумрачно глядел в окно моей комнаты, выходящей во двор. Отказываться от предлагаемых ему ролей он не мог. Тогда, по существу, у артистов не было возможности выбора — в каком фильме участвовать, в каком — нет. Соглашались на то, что предлагали. Исчезнешь с экрана на два-три года, и о тебе забудут.

Савелий не раз заходил в соседнюю комнату, где лежала моя мама, страдающая от стенокардии. О чем они беседовали — я не знаю. А заходил он к ней поговорить, наверное, потому, что ему не хватало материнской теплоты.

— У тебя есть мама, — однажды вырвались из его уст слова, в которых звучала не зависть ко мне, а горечь утраты своих родителей, невосполнимой и несправедливой.

Любил говорить с мамой еще один мой друг того времени — экс-чемпион мира по шахматам Михаил Таль. У Миши недавно умерла мама, тоже перенесшая в жизни немало невзгод, и в беседах с моей мамой он, видимо, находил отдохновение, то, от чего не мог отвыкнуть. Однажды, во время опалы, когда он был

объявлен невыездным и не участвовал в международных турнирах, Миша и его жена Геля признались мне, что у них не хватало денег, чтобы купить Мишиной маме необходимые для ее лечения лекарства. Заходил к маме и внешне всегда бодрый, готовый к борьбе с врагами поэт Андрей Вознесенский. Мы с ним вместе выступали в Харькове, он в те годы часто бывал у меня и, разговаривая с мамой, невольно становился обычным молодым человеком, в облике которого проглядывала сиротливость или, как бы он сказал, одиночество, тоска по своему литературному наследнику.

Я думаю, что занятость Савелия, съемки в многочисленных фильмах, хороших и не очень, отвлекали его от грустных дум.

И я уверен, что чем чаще звучала его фамилия в кино и на телеэкране, тем чаще он выполнял свой зарок о том, что фамилия Крамаров не исчезнет из бытия.

Он заботился о своем здоровье, увлекся хатха-йогой. Его можно было застать дома стоящим на голове. Он никому не говорил, что развитие тела, его физических способностей при хатха-йоге приближает его к общению с Богом. Изучая философию хатха-йоги, познакомился с профессором МГУ Зубковым, который прошел курс учения этого вида йоги в Индии, в специальном институте. Зубков описывал в журнале «Наука и жизнь» упражнения йогов — глотание огня, хождение по битому стеклу, прокалывание тела и шеи гвоздями. Савелий, конечно, не решался на подобные эксперименты, но не потому, что боялся их, а потому, что считал себя не готовым к ним, не достигшим вершин в искусстве хатха-йоги.

Зато выполнял другие предписания Зубкова: ел пищу без соли, без острых подлив, изучал совместимость продуктов, ложился спать строго по заведенному расписанию, разворачиваясь на кровати по компасу, как требовало учение. Не пил, не курил. Не ходил один в ресторан, опасаясь, что его поклонники уговорят выпить. Разочаровался в Зубкове, когда тот напился в стельку на его юбилее и делал то, что запрещало учение, которое он проповедовал. Тем не менее на занятиях Савелия самой йогой это не отразилось. Позднее увлекся сыроедением, в простейшей форме, ел сырые фрукты и овощи, а не рыбу и мясо, как утверждали слухи о знаменитом артисте. Слава его как смешнейшего артиста набирала силу. Он отлично отснялся в фильме режиссера Кеосаяна «Приключения неуловимых». Этот фильм по количеству просмотревших его зрителей почти не уступал давно прошедшему у нас индийскому фильму «Бродяга», где ситуация была схожа с нашей послевоенной и герой попадал в тюрьму за кражу батона хлеба, и советскому фантазийному фильму «Человек-амфибия» с красивым и романтичным артистом Корневым в главной роли.

Савелий в «Неуловимых» играл небольшую роль, но столь ярко, столь точно и характерно вошел в образ трусливого и богобоязненного белого солдата, что его слова, по существу не относящиеся к нашей жизни, вошли в ее словесный обиход: «А вдоль дороги – мертвые с косами стоят!» Может, зрители понимали эти слова аллегорично, думали, что вдоль пути их жизни стоят живые и опасные люди с настоящими косами. Может, у каждого человека возникали с этими словами другие ассоциации,

сказать трудно, но ясно, что Савелий нашел в этом образе ту черту народа, которая была близка и понятна каждому человеку. Популярность его достигла апогея. Как вспоминает артист Театра миниатюр, а позднее – театра «Эрмитаж» Эрик Арзуманян: «Стоило Савелию выйти на улицу, как его окружала толпа. Столь полюбившееся людям лицо, может, было только у Аркадия Райкина, Леонида Утесова, Игоря Ильинского, но удивительная для популярного актера демократичность Савелия покорила буквально всех людей».

На мой взгляд, широта и открытость его души со временем сыграют с ним злую шутку. Райкин, выходя на улицу, надвигал на глаза шляпу, чтобы его не узнавали, а с Савелием люди вели себя панибратски, что рано или поздно должно будет ему надоест и даже раздражать. А тогда он, еще молодой, считал, что счастье буквально привалило к нему, и купался в нем, забыв, как трудно, до пота работал над рассказом Василия Шукшина «Ваня, как ты здесь?», что лишь с четвертого варианта его инсценировка понравилась партнеру по театру Алексею Горизонтову и режиссеру Нине Городецкой.

После «Неуловимых» Савелий стал кассовым аншлаговым гастролером, но не носился по стране, как другие артисты, ставшие популярными после фильма о неуловимых. Савелия удивил режиссер Кеосаян, внезапно собравшийся уезжать в Ереван.

– Зачем вы уезжаете? – выпучив глаза, спросил у него Савелий. – Будете снимать новые фильмы! Вас завалят предложениями!

– Я показал, что могу работать, и неплохо, – сказал режиссер, – ведь многие коллеги считали меня неспо-

собным режиссером или в лучшем случае — неудачником. Я доказал им, что могу снимать картины не хуже, чем они. А доказывать это всю жизнь — не собираюсь. Жизнь состоит не только из работы, — многозначительно заметил Кеосаян.

— Разве? — удивился Савелий. — Ведь люди получили много радости от вашего фильма!

— Значит, я тоже заслужил право на свою радость, — вздохнул Кеосаян, — поеду на родину, куплю дом, поживу среди любящих меня сородичей, буду беседовать с ними, проводить вечера, петь народные песни...

Кеосаян уехал в Ереван, купил там себе дом и вскоре скончался. Может, и спешил на родину, потому что предчувствовал уход из жизни, а может, потому, что не мог жить без кино. Он был темпераментным человеком, бурно работая на киносъёмочной площадке, а вне ее с каждым артистом говорил о его роли мягко, спокойно и разумно. Вероятно, поэтому удались роли в этом фильме многим артистам. Молодой актер, игравший цыганенка, стал стадионным гастролером, и Борис Сичкин, сыгравший одесского куплетиста Бубу Касторского, по сути самого себя, стал неистово использовать свою популярность, полученную после этой, долгие годы единственной в своей кинокарьере роли. Я хорошо знал возможности этого артиста, танцора по профессии. Работая с женой, Галиной Рыбак, в Москонцерте, они исполняли оригинальный, смешной номер «Танцы сидя», предназначенный для живущих в малогабаритных хрущевках. Борис Сичкин обладал природным юмором, был незаменим в капустниках, остроумен, как тамада за столом, но на сцене в сатирических номерах выглядел столь

неубедительно, особенно в пародии на священнослужителя, что сам отказался от их исполнения. Кеосаян попал в десятку, выделив ему в фильме роль куплетиста. Борис Сичкин хотя и не поет в фильме куплеты, фактически исполняет лишь вступление к ним, но всем своим «одесским» видом и манерами, даже в танце показывает, что умеет это делать мастерски, и ему веришь. Зато фальшиво и даже пародийно выглядит гибель его героя от белой пули, но полюбивший его в течение фильма зритель не замечает этого. И вот Борис Сичкин, обретя популярность, бросается с сольными концертами по стране, выступая на сцене по двадцать минут вместо полагающихся полутора часов, и... попадает в тюремный изолятор. К тому же оказывается, что его жена, Галина Рыбак, вообще не выезжает на гастроли, но числится в ведомости на получение зарплаты. Смешной в капустнике в роли одесского куплетиста, он предстает в жизни весьма жестким человеком. Я слишком много места уделил этому человеку, чтобы потом рассказать, почему покидали родину такие честные и принципиальные киноартисты, как Савелий Крамаров, Олег Видов, и такие, как Борис Сичкин, над которым висело уголовное дело, условно закрытое после того, как он возвратил в казну незаконно полученные деньги. Увы, он был такой не один, и пусть несовершенно было тогда законодательство, но он его нарушил. Может сетовать лишь на то, что другие его коллеги в подобных случаях обошлись без суда. Они были более известны, чем он, и их защитили влиятельные в искусстве деятели.

Савелий Крамаров тоже мечтает заработать, но не в ущерб основному делу жизни — кино; редко,

лишь в свободное от съемок время, выезжает на гастроли. У него одна цель — вырваться из коммуналки в однокомнатную отдельную квартиру, с телефоном, без которого связь с работниками искусства почти немислима. Наконец он собирает деньги на покупку квартиры, но она оказывается без телефона. Он расположен в соседнем доме.

Он, уже будучи популярен, выстаивает очередь к аппарату за другими жильцами и начинает разговор, удивляющий стоящих рядом соседей.

— Алло, с вами говорит актер Савелий Крамаров.

— Зачем вы так официально представляетесь? — замечает ему одна из соседок. — Вас все узнают. Даже по голосу!

— Я иначе не могу, — говорит ей Савелий, — меня тоже поражает, как вы в наше время воспитываете четырех детей?! Вам не хватило бы двух?!

— Я не могла иначе, — вздыхает соседка, — а почему вы уже целую неделю дома? У вас что, нет киносъемок?

— А какой сегодня день? — серьезно спрашивает Савелий, вызывая смех соседки и окружающих их людей.

Савелий часто отвечает людям невпопад. Он много снимается, но на ролях сосредоточивается с трудом, осунулся, питается нерегулярно, потерял аппетит. Его не раз видели около дома с букетом цветов в руках. Люди, как обычно, с интересом смотрят на него, улыбаются. На улице ему редко удается избавиться от толпы, шествующей за ним. Чтобы скрыться от людей, он заходит в подъезд своего дома. Стоит на площадке между двумя этажами и смотрит на часы. Время приближается к семи вечера, когда к его дому должна подойти Маша. Он влюблен в нее, и настолько

сильно, что сомневается, ответит ли она на его чувства. Маша — обаятельная стройная девушка. Савелий повидал на киностудиях массу смазливых и длинноногих девушек, мечтающих покорить кинорежиссеров своими внешними данными, считая, что они важнее актерского мастерства и опыта. Маша — совсем другая девушка. Когда Савелий познакомился с ней, то она даже не знала, что он студент ВГИКа, киноартист.

— Вы смотрели фильм «Парни с нашего двора?» — спросил он у нее.

Она отрицательно покачала головой.

— А вы там заняты? — спокойно поинтересовалась она.

— Играю роль Васьки Ржавого! — гордо вымолвил Савелий.

— Кого? — удивленно переспросила она.

— Васьки Ржавого!

— Почему именно Ржавого?

— Не знаю, — смутился Савелий, — это его так прозвали во дворе. Хотите посмотреть?

— Можно, — подумав, согласилась Маша. Она смотрела фильм с любопытством, но не более.

— Быстро закончился, — заметила она.

— Так это ведь короткометражка! — объяснил Савелий.

— А мне было интересно, что станет с Васькой, когда он вырастет. Не вечно же будет околачиваться во дворе?

— Он влюбится! — решительно произнес Савелий, поставив себя сегодняшнего на место Васьки.

— Вы уверены? — улыбнулась Маша, разглядывая подаренные Савелием цветы. — Вы всем девушкам преподносите цветы?

— Всем... которые нравятся, — покраснел Савелий и вспомнил совет матери о том, что когда не знаешь, что сказать, то говори правду. — Вам... первой... А вообще-то я люблю цветы, посадил их на могиле мамы. Многолетники...

— Вы понимаете толк в цветах?

— Вроде бы... Я учился в лесотехническом институте. Потом ушел.

— Почему?

Савелий почувствовал неодолимое желание рассказать именно этой девушке всю свою жизнь, об аресте отца и мучениях мамы, о том, как трудно приходилось ему в жизни, как пробивается в кино...

— И после этого вы смешите народ? — удивилась Маша.

— Пусть смеются, — улыбнулся Савелий, — мне это тоже доставляет радость.

— А у вас неплохо вышел Васька Ржавый. Я таких, как он, встречаю в нашем дворе.

— Вы там гуляете? — удивился Савелий.

— Во дворе гуляет моя собачка, когда я вывожу ее туда. По вечерам. А днем я работаю в архитектурной мастерской.

— Вы архитектор?! — изумился Савелий. — Такая молодая!

— Архитекторы, как и артисты, бывают молодые и старые, — сказала она, и они вместе рассмеялись. Через неделю Савелий пришел на свидание с большим букетом.

— Вы так потратились... зачем? — без упрека, ласково, но напряженно вымолвила она.

— Я люблю вас, Маша! — выпалил Савелий.

— Мы знакомы всего неделю, — смутилась Маша.

— А мне кажется, что давно, я вас часто видел....

— Где?

— В своих мечтах. Честное слово. Я не знал, кто вы по профессии, но видел, что вы обаятельная девушка, чувствовал, что очень умная...

— Не очень. Не люблю формальных комплиментов, — посуровела Маша.

— А я говорю не формально, а от всей души! — приложил к своему сердцу руку Савелий, и сделал это настолько искренне и простодушно, что Маша улыбнулась.

— Я вам верю.

— Правда?! — едва не подпрыгнул от радости Савелий, а Маша подтвердила свои слова жестом, которым клялся Васька Ржавый.

— Так вы тоже артистка! — похвалил ее Савелий.

— Как все женщины; они в какой-то мере артистки.

— Вы — не как все! — чистосердечно произнес Савелий, и потеплевшие глаза Маши встретились с его горящим взором. — С вами можно пойти на край света!

— Можно, — согласилась Маша, — и вы бросите кино?

Савелий растерялся. Он обожал эту девушку, любил ее безумно, но не понимал, как сможет жить без кино.

— Вот отсняюсь в первом полнометражном фильме, и пойдем! — нашелся Савелий.

Маша улыбнулась. Она понимала, что он одержим творчеством, и перевела разговор в другое русло, рассматривая букет.

— Вы любите гвоздики?

— Да, — сказал он, поневоле лукавя, потому что на букет роз у него не хватило денег.

Тут я вспоминаю рассказ о Савелии его коллеги по жанру, другого популярного артиста кино Евгения Моргунова: «С моей точки зрения, Савелий Крамаров был удивительным человеком. Он не пил водку, и это у нас, в России! Он любил сцену, кинематограф и друзей. А тех людей, кто ему не нравился, обходил стороной. Российское кино гибнет без таких творцов, как Петр Алейников, Новосельцев, Крамаров... Они — настоящие актеры и люди. Актером нельзя стать, им надо родиться. С Савелием Крамаровым я пошел бы в разведку. Порядочный человек. Мне казалось, что никто с таким вниманием не слушает режиссера, как он. Некоторые опытные артисты только делают вид, что понимают режиссера, формально выслушивают его, а он внимал ему, как верный ученик, пытаясь до мельчайших тонкостей понять указания учителя. Если чего-то не понимал, то не боялся переспросить. Он любил красоту, цветы, был артистом в лучшем смысле этого слова. Даже у плохого и злобного артиста не поднималась рука его оттолкнуть или обидеть. При этом он жил жизнью, которой жил. Однажды сказал ретивому администратору: «Берегите артистов — они ваша среда, ваш воздух, которым вы дышите». Приходя в Театр киноактера, где мы выступали, он приносил с собой гвоздику и выходил с ней на сцену. Видимо, гвоздика ему напоминала о чем-то важном и серьезном в его жизни, наверное, о нежной и красивой любви. Держа в руках гвоздику, он улыбался счастливой улыбкой, и вслед за ним радостно улыбались зрители».

Это была не свадьба в общепринятом понятии, а было знакомство друзей с невестой. Савелий пригласил только самых близких товарищей. Пришли супруги Волины: Неля и Оскар, Михаил Кокшенов, певец Володя Макаров, Ахмед Маликов — помощник режиссера телевидения, но не как нужный человек, а как друг. Не было никакого начальства, наподобие свадебного генерала, ни особой творческой личности, хотя Савелию хотелось, чтобы на этом торжестве присутствовали Марк Розовский, Виктор Славкин, Юрий Чулюкин, но он не считал возможным занимать их время не на творческое дело, а больше поступил так из-за скромности. Были друзья, проверенные пусть небольшим, но нелегким временем начала его творческой жизни. А в центре стола, в фаянсовой вазе, красовался яркий букет нежных роз.

Пили за новобрачных. Савелий пригубил рюмку с водкой, а потом пил только минеральную воду. Друзья знали эту его странность, раньше подшучивали над ним, а сегодня, в торжественный для него вечер, сделали вид, что не замечают его безалкогольное питье.

Конферансье Оскар Волин непринужденно вел застолье, как эстрадный концерт, представлял выступающих с тостами. Последним пришлось выступать певцу Владимиру Макарову, лауреату третьей премии Всесоюзного телевизионного конкурса.

— Желаю вам счастья, Маша и Савелий! — качнувшись, с налитыми водкой глазами, проговорил он. — Тебе, Савелий, хочу сказать... А может, не надо? Не знаю. Я ведь почему третью премию получил? Пел песню об узниках гетто. А белорус

Вуячич — первую за «Бухенвальдский набат». Вторую премию дали Мулерману — за красивый голос, за актерское мастерство. Я скоро сойду со сцены... Точно!

— Брось бузить! — сказал Миша Кокшенов. — Звание лауреата действительно до конца жизни!

— Звание, — пьяно усмехнулся Макаров, — с моей физиономией и звание не поможет. На меня даже хорошие песни о любви не ложатся; только с приклатненным мотивом: «Опять от меня сбежала последняя электричка». Пою о шахтерах. «Вышел в степь донецкую парень молодой». Зрители хлопают. В общем-то, добрая песня, а по содержанию липовая. Плохо живут шахтеры. Тупеют от тяжелой однообразной работы. Раньше обвалы сваливали на шпионов, а теперь на кого? На евреев, что ли? Я к чему все это говорю, Савелий. Я мордой не вышел. Не Магомаев. Не Гуляев.

— Я тоже — не Ален Делон! — вставил Савелий.

— Но тебя запомнят зрители. Я тебе завидую. И боюсь за тебя. Честное слово, Савелий, Маша, не обижайтесь. У тебя, Савелий, яркая актерская фактура, а у нас таких, как ты, начальство не любит. Набирай популярность, тогда с тобой труднее будет справиться. Я выпил. Может, несвязно говорю, но от души. Ты же добрый человек, Савелий. А о таких люди быстро забывают. Я когда пел песню о гетто, то ни у кого не мог узнать, кто там организовал восстание. Кто создал гетто — знают все. Гитлер! Фашизм! А кто с палками и камнями бросался под немецкие танки — поди узнай у историков, если кто из них в курсе.

— Зло остается навечно в памяти людей. Даже женщины больше любят тех мужчин, кто их обидел, кто заставлял страдать, — заметила Маша.

— Что же мне прикажете делать? Как относиться к жене? — серьезно произнес Савелий, и все рассмеялись, даже перебравший лишнего Владимир Макаров. — Я люблю Машу и поэтому обнимаю Нелю, чтобы страдала Маша. Извини, Оскар, но ради Машинкой любви ко мне я даже поцелую твою жену. Тем более что она готовит обеды лучше, чем известные мне в Москве хозяйки.

— О присутствующих не говорят! — встал из-за стола Миша Кокшенов и поцеловал Машу. — Счастья вам и вашему дому. И будем считать, что зло не вечно на земле, и мы не вечны, и все сущее.

— Бог — вечен! — неожиданно для окружающих серьезно вымолвил Савелий, и настолько непререкаемым тоном, что все замолчали.

— С женихом не спорят! — улыбнулся Кокшенов.

Оскар Волин исполнил свои самые удачные шутки, но после слов Савелия о Боге никто на них не отреагировал.

— Я дал тебе слово никогда не играть в кино священнослужителей.

— А кто тебе доверит роль архиепископа? С твоей внешностью! Ведь ты — не Вертинский! — захохотал Кокшенов.

— Я надеюсь, что не доверят, — наконец улыбнулся Савелий.

Маша принесла пышный узорчатый торт.

— Это не торт, а новаторское кулинарно-архитектурное произведение! — констатировал Оскар Волин.

Савелий Крамаров

Вскоре гости ушли. Дорогой подарок оставил Ахмед Маликов. Неля успела помочь Маше убрать на кухне посуду.

Савелий приблизил лицо к букету роз.

— Чудесные цветы. Кто их принес?

— Володя Макаров, — ответила Маша.

— Надеюсь, что он простит меня, — сказал Савелий и вместо роз поставил в вазу букет гвоздик.

«Друг мой, Колька!»

На какие средства существует студент, если не подрабатывает? Конкретно – Савелий Крамаров. Пять рублей в месяц присылала ему жена дяди из Львова – тетя Лиза. Она работает бухгалтером, и эта сумма для нее немаленькая, впрочем, как и для Савелия. К тому же он сдает угол студенту своего института. Неприхотливый ни в еде, ни в одежде, Савелий старается впитать в себя новый и интересный для него мир. Его не смущает, что сосед по коммуналке разводит за городом собак и днем готовит на общей кухне варево, вокруг которого летают большие и мерзкие мясные мухи. Савелий увлечен фильмом, где судьба подарила ему интересную роль. Ему, как настоящему артисту, дают возможность ознакомиться со сценарием и его ролью. Фильм называется «Друг мой, Колька!» и навсегда останется в его памяти самым добрым из фильмов, в которых он принимал участие. Савелий знакомится с содержанием сценария, и оно сразу захватывает его, потому что в конце

пятидесятых, несмотря на хрущевскую оттепель, оно звучало остро и злободневно. В школе, где старшей пионервожатой работает Лидия Михайловна Иванова, внешне царит благополучие и спокойствие, но за ее апробированными комсомолом планами работы стоят формализм, равнодушие и скука. Спасаясь от уныния, семиклассники организуют тайное общество с девизом: помогать обиженным и слабым, мстить ябедникам, зубрилам и выскочкам. В фильме находит продолжение тема добра Тимура и его команды. Не хочет мириться с внешним благополучием школьной жизни новый вожатый – производственник, шофер Сергей Руденко. Он хочет заинтересовать ребят живым делом. Находит старую автомашину и начинает вместе с ребятами ремонтировать ее, предварительно построив для этого гараж. Ребята учатся езде на машине. Раздосадованная тем, что ребята предпочли ее сухим, формальным планам живое, интересное дело, Иванова желает исключить из школы самого смелого из ребят, поддержавших вожатого-производственника, а именно – Кольку Снегирева. Она пытается представить его детскую шалость как политическое преступление, используя для этого демагогию и запугивание ребят. Но ребята и учителя активно включаются... в борьбу за Сергея Руденко. С Савелием серьезно беседует один из постановщиков фильма, Александр Митта.

Митта: Как ты понимаешь свою роль, Савелий?

Савелий: Смешная роль. Одно прозвище чего стоит – Пимен!

Митта: Но у тебя есть еще фамилия. Ты что, забыл о ней?

Савелий: Забыл. Все говорят Пимен и Пимен. Я привык. Считают, что меня назвали так в честь летописца.

Митга: А на самом деле? Ты кто по фамилии?

Савелий: Ну... Пименов.

Митга: Зачем же ты безропотно отзывается на кличку?

Савелий: По сценарию. Как там положено.

Митга: Хорошо. Но при этом должен помнить, что ты Пименов. Должен обижаться на кличку, а не радоваться ей. Ведь, в общем-то, несмотря на леность и распушенность, ты честный и добрый парень. Или я ошибаюсь?

Савелий (*нехотя*): Честный. Когда я играю в расшибалку с Исаевым и тот бьет по монете ребром, то я делаю ему замечание. Согласно сценарию.

Митга: Исаев тебя толкает, и ты попадаешь на тачку.

Савелий: Точно. Падаю.

Митга: Но как-то обреченно, даже не пытаюсь оказать сопротивление. Пусть ремарок об этом нет в сценарии. Но у тебя есть характер, есть свои принципы.

Савелий: Конечно. Я девчонок не бью.

Митга: Это ты опять говоришь по сценарию, но вяло.

Савелий: Но ребята смеются, говорят, что бить девчонок мне мешает воспитание.

Митга: А ты гордо вскинь голову, покажи, что да, мешает воспитание, не бойся, а гордись этим. И увереннее говори, что тебя зовут Вова, а когда напяливают кепку на глаза, то поправляй ее быстрее и увереннее. Выражай не только обиду, покажи, что у тебя есть чувство достоинства.

Савелий: А чего он, большой, что ли? Значит, ему все позволено... Издеваться... По сценарию выходит, что так.

Митга: Тебя проверяют Колька и его друзья, думают, что ты их не поддержишь, что ты отпетый лентяй.

Савелий: Лентяй всегда вызывает смех. Я это проверил. Даже кинооператор смеялся, когда я говорил: «Ха-ха-ха... Работа... она... дураков любит... Ха-ха-ха...»

Митга: У каждого человека бывают недостатки, но, в конце концов, он выбирает для себя путь в жизни. И пусть ты с виду ленивый, нелепый парень, но внутри добрый, девчонок не бьешь?

Савелий: Ни в коем случае.

Митга: Говори об этом смелее. Ты точно вошел в образ. У меня такое впечатление, что ты играешь самого себя.

Савелий: Нет. У меня в жизни забот выше крыши.

Митга: Значит, ты можешь перевоплощаться, и весьма умело. Ты — артист. Я тебя поругивал, а теперь и похваляю — ты очень органично встаешь на сторону Кольки и его друзей.

Савелий (*улыбаясь*): Иначе не могу. Воспитание не позволяет поступить иначе. И громче всех пою песню: «Когда машина мчится по лесной дороге и уводит в путь далекий от школьного крыльца, и нет конца дороге, и песне нет конца».

Митга: А кто автор музыки, знаешь?

Савелий: Композитор Леонид Шварц. Из Ленинграда.

Митга: Значит, действительно заразился кино!

Савелий: Очень. Победил туберкулез. Занудная болезнь, и лекарства противные. Но лечился изо

всех сил. Ведь артист кино должен быть здоровым и сильным.

Митта: Сильным и мужественным. Желаю тебе успехов, Савелий Крамаров!

Савелий в своей длительной кинокарьере больше не снимался у Митты и Салтыкова — режиссеров фильма «Друг мой, Колька!», но советы их запомнил на всю жизнь, и фильм, добрый и гуманный, и свою роль в нем, играя которую он рос как артист и как человек.

А от туберкулеза вылечился перед самыми съемками. Буквально за месяц до их начала его сняли с учета в тубдиспансере. Там лечила его доктор Горячко. И районный врач ему помогала. Добрейшая женщина. У нее был сын Додик, страдающий тяжелой, неизлечимой болезнью. Молодой парень, небольшого роста, с пышной шевелюрой, в дни, когда утихала болезнь, выглядел нормальным и умным юношей. Савелий жалел его и привязался к этому парню, душевно и искренне. И в благодарность за заботу его матери о нем, и просто по-человечески. Кино стало единственным увлечением Додика, светом в искаженном и затуманенном болезнью окошке. Савелий водил его с собою на все кинопросмотры, а иногда, когда было можно, беседовал с ним о кино, и Додик в эти часы не чувствовал себя неполноценным человеком.

А когда серьезно заболела мать Додика, то Савелий добился у врачебного начальства созыва консилиума. А после того как Додик осиротел, Савелий помогал ему материально. Через многие годы, вернувшись из-за границы, он сразу спросил у встречавшего его в Шереметьеве Оскара Волина:

— Как Додик?

— Жив.

— Тогда поедем к нему, — сказал Савелий и поспешил к машине. Он оставил Додиду значительную сумму денег. «Его мама заботилась обо мне, как о втором сыне, — сказал он Оскару, — и я хочу хоть в какой-то степени заменить ему отца».

Вернемся обратно на пару десятков лет. Фильм «Друг мой, Колька!» стал визитной и рекламной карточкой для Савелия. Его начали снимать во многих кинокартинах лучшие режиссеры. Пусть иногда в маленьких, но ярких, запоминающихся ролях. В фильме Георгия Данелия «Мимино» Савелий говорит всего одну фразу: когда его в роли осужденного ведут по затемненному коридору суда и к нему бросается незнакомый человек (артист Фрунзик Мкртчян): «Мужик, побудь свидетелем!», то осужденный (артист Савелий Крамаров), не обращая внимания на конвой, с иронией и болью в душе отвечает: «Подожди. Всего шесть лет!»

Савелий Крамаров был одним из любимых актеров выдающегося комедиографа Леонида Гайдая. Однажды, в совместных выступлениях с этим режиссером во Дворце спорта города Томска, где во втором отделении демонстрировался его фильм «Не может быть!», Гайдай сказал мне, «что жалеет о том, что не снял Савелия ни в одной главной роли. А он мог стать суперзвездой, не меньшей, чем Андрей Миронов, Анатолий Папанов, но, конечно, в другой ипостаси — комика гэга, мастера смешного действия. Для него нужно было писать сценарий, но, увы, драматурги, с которыми я работаю, имеют связи в Госкино, особенно Аркадий Инин, и рассчитывать на более талантливых, чем ему подобные, мне сложно, тем более что такие

авторы, как Фазиль Искандер, Василий Аксенов и Владимир Войнович, находятся в опале. А союз, сплав истинной сатиры с на вид простодушным и наивным Крамаровым мог родить чудесный плод».

Савелия любил блестящий актер кино Леонид Куравлев. Они играли с ним у Гайдая в фильме по мотивам пьесы Михаила Булгакова, названном «Иван Васильевич меняет профессию», и в новелле «Женихи» из фильма «Не может быть!», снятого по сюжетам Михаила Зощенко. Это был на редкость слаженный и смешной дуэт. Куравлев играл жениха, Крамаров — его товарища, и когда жених путал невесту с матерью, то товарищ очень комично разбирался в том, кто из них кто, и давал приятелю правильный совет.

Дружба артистов и режиссеров зачастую в нашем кинематографе имела келейный характер. И те, кто снимался у одного режиссера, редко шли играть у другого. Иначе, наверное, нас радовал бы во многих фильмах дуэт Куравлев — Крамаров, взаимно дополняющий индивидуальное творчество этих великих мастеров смешного. Их связывала и творческая, и человеческая дружба. И не случайно Леонид Куравлев после расставания с Крамаровым на съемках подарил ему свою фотокарточку с необычным пожеланием: находить понимание с режиссерами и с администрацией кино, какое было у них на съемках.

Новый стимул к совершенствованию и развитию творчества Савелия принесла его встреча с Машей. Они познакомились 8 марта 1964 года в Доме отдыха ВТО в Рузе, в баре «Уголек». Тогда это было очень модное место отдыха артистов, и бар славился своей оригинальностью и задушевной атмосферой на весь театральный мир. Любовь пришла с первого взгляда, а

нарастала с каждым из двенадцати дней лыжных прогулок. Савелий любил лыжи, плавание в бассейнах, наверное, и по зову сердца, и вспоминая опасную болезнь, от которой он спасся с трудом и в довольно зрелом возрасте. В Маше Савелий чувствовал более серьезного, более культурного и больше знающего человека, чем он. А она чувствовала его наивность, чистоту души, которые проглядывали и в жизни, и с экрана. Она попыталась придать его героям в кино более интеллигентный вид. «Зачем на экране ты задираешь нос и говоришь иногда грубовато, даже нахально? — удивлялась она. — Ведь в жизни ты добрый и нежный человек». — «Иначе пропадет комический эффект, — объяснял он ей, — у каждого актера, особенно у комика, должна быть своя маска». Она внутренне не соглашалась с ним, но не спорила. И оказалась права. В телевизионном многосерийном фильме «Большая перемена» он поначалу играл жадного парня, который за копейки готов был на спор выпить ведро воды, а после того как влюбился, выяснилось, что он вовсе не жадный человек, эта черта характера была наносной, пришедшей к нему, видимо, из тяжелого и бедного детства, а внутренне он оказался добрым и даже щедрым парнем, готовым открыть миру всю свою душу, и раскрыться ему таким, каким он является на самом деле, помогло великое чувство любви. И в новом для себя образе Савелий не потерял ни обаяния, ни комических черт.

Савелий внимательно прислушивался к тому, что говорила Маша. Она незаметно для окружающих, жестом или взглядом, одергивала его, когда он говорил лишнее, ненужное и любил грубовато выразиться ради красного словца.

Ее нервировало число его поклонниц. Одна из них помогла Савелию переселиться в дом с коридорной системой, который называли «старушечьим». Там, в каждой отдельной комнате, жили пенсионерки, и это успокоило Машу. Они с Савелием уединялись в своей комнатке и забывали об окружающем мире. Она любила видеть его на водных лыжах, несущимся за катером. Савелий делал виртуозные повороты и прыжки на воде. Она даже не знала, когда он успел научиться этому. Видимо, он был талантливым все-сторонне. Ничем не избалованный в детстве, он поселился рядом с водой, в сарае, стоящем на берегу Клязьминского водохранилища. И Машу не смущало это весьма скромное жилье. Когда она утром ехала на работу, ее радовало, что кондуктор непременно рассказывал пассажирам, что они проезжают мимо дома, где живет известный киноартист Савелий Крамаров. И больше всего согревали сердце Маше улыбки пассажиров после этого объявления кондуктора.

Увы, счастье не бывает вечным, и первая ссора между ними возникла неожиданно. Савелия и Машу пригласили на комсомольский корабль, совершавший путешествие по Москве-реке. После ужина с захваченными в городе напитками начались танцы. Разгоряченные от выпитого, от близости популярного артиста, девицы буквально облепили его, а он, растерявшийся и еще не насытившийся популярностью, благодарно улыбался им. Как показалось Маше, с одной из них он нырнул в каюту. А она сидела, глядя на воду и ожидая его. Каждая минута казалась ей вечностью. Она посмотрела на часы. Он отсутствовал ровно два часа, и вскоре, когда появился, она, как могла спокойно и небрежно, заметила ему:

— Почему ты вернулся так быстро?

Савелий покраснел от смущения и сел перед ней. Она его ни о чем не спрашивала, он ни о чем не говорил, сидел, опустив глаза. Потом взял ее руку в свою. Она отвернулась, чтобы скрыть набежавшие на ресницы слезы. Он крепче сжал ее руку, словно извиняясь за происшедшее. В душе она простила его, но оба они почувствовали, что именно тогда первая, но уже различимая тень пролегла между ними. Савелий хотел, чтобы Маша заговорила, облегчила свою душу, а сам боялся сказать даже слово, понимая, что совершил глупость, не достойную даже воспоминания. Они молча, каждый думая о своем, просидели на носу корабля, пока он не причалил к берегу. Савелий хотел взять Машу под руку, но она вежливо отстранилась от него. Они шли к Беговой улице, где жила Маша и куда переселился он. Дома Маша приготовила чай, бутерброды, но все это сделала молча. В как будто нежилой квартире стояла тишина. Потом Маша тихо расстелила постель.

— Прости меня, — виновато произнес Савелий.

Она ничего не ответила, хотя он обнимал и целовал ее так крепко, как никогда.

— Давай спать, — наконец-то вымолвила Маша, — у тебя завтра съемки. А когда уезжаешь в Среднюю Азию?

— Через два дня, — грустно вымолвил Савелий, — а потом куда-то под Ярославль.

«Тебя долго не будет», — подумала Маша и отвернулась, чтобы скрыть от него проступившие на ресницы слезы, возникшие при мысли о длительной разлуке с ним.

Она любила Савелия, но тень, павшая на их отношения во время речного путешествия, не исчезала. Маша постаралась избавиться от гнетущего состояния.

— Савелий, — сказала она по-женски ласково и загадочно, — не кажется ли тебе, что нам пора иметь ребенка?

— Нет, не кажется, — неожиданно для нее резко и грубо произнес Савелий.

— Почему?! — поразилась она.

— С маленьким ребенком! В одной комнате! Ты понимаешь, о чем говоришь?! — занервничал Савелий, и спокойствие покинуло его лицо. — Я не смогу репетировать, учить тексты! Пеленки! Беготня за детским питанием! А не выспавшись ночью, я просто не смогу работать! Ты помнишь, как ко мне в коммуналку приезжал Жванецкий. Я просил его написать мне тексты для эстрадных выступлений, а он, осмотревшись вокруг, ядовито заметил, что здесь ничего нельзя родить, даже тексты для выступлений, не говоря уже о ребенке. Он хотел остановиться у меня, но уехал к другому товарищу.

Маша побледнела. Это была ее последняя попытка возродить их прежнюю любовь. Она не стала спорить с Савелием. Он сам через минуту продолжил разговор, наверное, не чувствуя себя полностью правым.

— Я хочу ребенка, Маша! Но когда для этого будут условия. Три-четыре комнаты! Нянька. Понимаешь?!

Маша молчала. Отчаяние окутало ее лицо и заставило оправдываться Савелия.

— Я знаю одного автора. Поверь мне, доброго человека. Да и ты его знаешь. Мы были у него в гостях.

Он тоже не решился иметь ребенка. Заставил жену, которую он любил больше жизни, сделать аборт. Он понимал, что маленький ребенок не позволит ему работать, а творчество для него — это жизнь.

— И любит жену больше жизни, и готов ее потерять ради жизни творческой, — вздохнула Маша, — не пойму я его, Савелий. Жизнь одна... и любовь, и творчество... Если их нельзя совместить, то это не жизнь.

— От него я видел только добро, — сказал Савелий, — я понимаю его, я верю ему...

— А не кажется ли тебе, Савелий, что он губит свою жизнь, только пока не понимает этого? А вслед за ним по той же неверной тропке начинаешь плутать ты?

Савелий замолчал, интуитивно чувствуя истину в ее словах. Они лежали, подложив под головы руки. Каждый думал о своем. За окном светлело, но тень от их невеселых дум росла, и вскоре чернота стала разъедать их души.

Рецидивы звездной болезни

В отличие от многих артистов в нашей стране, Савелий ощутил время звездного полета. Не успевал он отсняться в новом фильме, как на экран выходила уже озвученная и смонтированная прежде снятая кинокартина. Число премьер перевалило за два десятка, и режиссер детского фильма «Приключения капитана Врунгеля» захотел его видеть среди своих артистов. Звездный полет породил у Крамарова звездную болезнь — самую опасную для артиста, но, к счастью, она не зашла далеко, выражалась в случаях, больше говорящих о ребячестве артиста, чем о головокружении от успехов и зазнайстве.

Однажды повез Оскара Волина и его жену Нелю на просмотр фильма Владимира Мотыля «Белое солнце пустыни». Опаздывал к началу и направил машину на красный свет. За ним в погоню помчалась милиция. Он не отвечал на ее сигналы остановиться и заглушил мотор только у кинотеатра. Полковник милиции увидел лицо нарушителя и, улыбаясь, взял под козырек.

Инцидент, к обоюдному согласию сторон, был мгновенно исчерпан.

Для меня этот проступок Савелия до сих пор необъясним, даже захлестом звездной болезни. Я думаю, что он тогда потерял самообладание, не будучи в состоянии простить себе ошибку. Режиссер Мотыль, до этого не снимавший шлягерных фильмов, наверное поэтому или чисто внешне не приглянулся Савелию, и он отказался сниматься у него в этом фильме в роли Петрухи, да еще рядом с таким актером, как Луспекаев, о котором в театральном мире ходили легенды. Возможно, поэтому, узнав от друзей о небывалом успехе кинокартины и снедаемый обидой за собственную ошибку, он очертя голову гнал машину, не соблюдая правил движения. Популярность его достигла апогея. Стоило ему появиться в Управлении делами дипломатического корпуса, где распределяли машины, оставленные уехавшими в свои страны работниками посольств, как начальник Управления расплылся в улыбке до ушей и беспрепятственно выдал артисту разрешение на приобретение белого «фольксвагена», в котором он потом щеголял по улицам Москвы. Появились признаки капризности, потом перешедшие в обоснованное недовольство. После хатха-йоги занялся медитацией. Пытался наладить полезное для здоровья питание, разыскивая в магазинах изюм, урюк, орехи. Целый час выпрашивал у директрисы продуктового магазина две банки китайского чая, в то время очень дефицитного, а потом нервничал: «Все, что меня привлекает, либо находится под запретом, либо недоступно». Но несмотря на дикую загруженность, не забывал о друзьях, особенно помогавших ему. Часто звонил в

семью Волиных: «Нелек, у тебя есть что перекусить? У меня два часа свободных от просмотра. Спасибо. Лечу!» Однажды, в 1967 году, Савелий звонит Оскару Волину и говорит, что по большому благу достал ему финский холодильник фирмы «Хелкама» коричневого цвета. Оскар Волин вспоминает, что этот холодильник считался в то время чудом и работает уже сорок лет без ремонта, по всей видимости, потому, что подарен Савелием, вложившим в него частицу своей бессмертной души.

Тем не менее, я считаю, что все-таки он был подвержен звездной болезни, и когда очнулся от нее, то рядом не оказалось Маши. Он тогда думал, что жизнь впереди и он встретит лучшую, чем она, подругу, которая не будет делать ему замечания, станет лишь боготворить его. Но проходил год за годом, и он с горечью понимал, что, разлучившись с нею, совершил непростительную ошибку, и никого, кроме себя, в этом не винил. От тоски и грусти спасала работа. В начале повествования я уже рассказывал о телебенефисе Савелия — передаче, которая затем стала цикловой. Ее даже отметила газета «Правда» как легкую и цельную, в отличие от бессюжетных последующих. А секрет ее успеха был прост. Последующие передачи с участием С. Мартинсона, Л. Гурченко, Л. Голубкиной лишь демонстрировали мастерство этих прекрасных актеров и не имели общей смысловой линии.

Сценарий телебенефиса Савелия создавался у меня дома. Каждая интермедия, предлагаемая мною, тут же оценивалась редактором Борисом Пургалиным и исполнителем Савелием Крамаровым.

— Извини, — говорил он мне, — эту фразу надо сократить, а эту сделать более разговорной.

И я тут же исправлял текст так, как требовали редактор и артист, а поскольку цель у нас была одна — создать веселую передачу с умным, но не заумным героем в ее центре, который как радушный хозяин встречал друзей-артистов, а среди них был и артист Театра сатиры Михаил Державин, и певица Людмила Гурченко... Номера исполнялись на одном дыхании. А в конце телебенефиса Савелий, искрящийся от веселья, от того, что встретился с любимыми артистами, пел песенку, возможно даже не подозревая, что она была и в дальнейшем станет девизом его жизни: «Меня судьба по всей земле бросает, и ночью снятся розовые сны, а мне опять чего-то не хватает, зимою — лета, зимою — лета, зимою — лета, осенью — весны!»

Я думаю, что в то время ему было тяжело жить без советов Маши, без ее тепла и радушия, было трудно совершенствоваться в творчестве. Он даже устроился в Театр Пушкина, где занимался с главным режиссером Равенских и лишний раз убедился, что не театр, а кино — единственная и притягательная для него сфера деятельности. Порою он снимался в неважных, мелкотемных комедиях. Работа заглушала тоску о потере любимой, раскрывала возможности для поиска новых творческих форм. Одна средняя картина сменяла другую, но количество сыгранных фильмов не приводило к росту мастерства Савелия, пока судьба не свела его с опытным и великолепным мастером комедии Георгием Михайловичем Вициным. Он дружески отнесся к Савелию, как опытный мастер к талантливому ученику, не старался навязать ему свою манеру игры, а лишь подправлял им сыгранное, объяснял, чего не хватает в той или иной роли.

«Я обязан был помогать ему, как и артист Евгений Леонов, — рассказывал мне Вицин, — Савелий не прошел школу МХАТа, не играл рядом с выдающимися мастерами сцены, такими, как Хмелев, Яншин... не имел нашего опыта. Тем не менее, у него был природный юмор. Я объяснял Савелию, что сатирический герой, даже самый отрицательный, должен вызвать сопереживание у зрителей, артист обязан найти у своего героя хотя бы одну, но симпатичную или понятную им человеческую черту. Я в некоторых фильмах играю трусливого человека, надо мною смеются, но не зло, зная, что трусливость свойственна многим людям. Горький говорил: «Быть вором — тоже трудно». И хотя создателями фильма «Джентльмены удачи» были асы кино: сценаристы Данелия и Токарева, режиссер Александр Серый, — мы с Леоновым предложили для Крамарова маленькую сценку, где он, находясь на свободе, встречается с другом детства — бывшим детдомовцем, и тот спрашивает у Савелия (по фильму — Феди Первякова): «Что сейчас делаешь?» — «Ворует он», — серьезно говорит бандит, которого играет Леонов. В глазах детдомовца — недоумение, на лице персонажа Крамарова — вынужденное признание и стыд. Потом Савелий с досадой замечает бандиту, что тот совершенно зря унизил его перед другом детства. И потом персонаж Савелия все-таки мечтает о том, что на свободе обязательно устроится на работу, на любую, даже согласен очищать улицы от снега. И клятва у него связана с мечтой об освобождении: «Век воли не видать», и мечта вполне человеческая: «купить машину с магнитофоном и махнуть в Ялту». И в свободное от «жульничества» время наши с Савелием герои предаются в фильме приятным воспоминаниям».

нениям: мой — о том, как его жена в Москве таскала на балет; герой Савелия — о том, как пек в детдоме картошечку...

У Савелия была, как говорят артисты, «фартовая» роль, и удалась она ему еще и потому, что, помимо меня и Леонова, в фильме снимались Эраст Гарин — жаль только, что не в ярко сатирической роли, — Наталья Фатеева, украшение любого фильма, Олег Видов... А такой состав актеров заставляет каждого подтянуться, показать то лучшее, на что он способен, а кое-кого даже прыгнуть выше своей головы. Я пересмотрел этот фильм недавно и радовался за Савелия — он там навеки останется молодым, а главное, как мы говорим, нашел свое лицо, и бегаёт и прыгает без дублера, энергия молодости и таланта просто брызжет из него, любо глядеть на такого героя. Перед отъездом Савелий зашел ко мне проститься. Долго не задержался, видя, что я расстроен. Причины этой беды были заложены в его тяжелой юности, затем — в обидах, гонениях и трудностях нашего кино. Я думаю, что он снимался в иных слабых фильмах не из жадности, а из страха выйти из обоймы комиков, куда он прорвался с боем, несмотря на свою малопримлемую по тем временам для кинокадров анкету. На прощанье я ему подарил картинку с английскими словами: «Предупреждаю против трудностей в Голливуде. Оступись — заменят!» Я читал книгу о таком актере, не выдержавшем там конкуренции. За Савелием захлопнулась дверь, и вдруг я, всеми признанный и любимый артист, позавидовал ему, получившему шанс стать всемирно известным. Мы никогда не пели песен безумству храбрых, мы их уничтожали, чтобы они не выделялись среди нас. А в Голливуде блистали актер

и режиссер Питер Устинов, Дина Дурбин — актриса с русскими корнями, композитор Самуил Покрасс, старший из трех братьев, написавший в России на слова Володи Агатова песню «И от тайги до британских морей Красная армия всей сильнее» и прелестную музыку для голливудского фильма-пародии «Три мушкетера», шедшего у нас сразу после войны».

Когда Вицин говорил о трудностях Савелия в нашем кино, то я думаю, что, кроме препятствий, чинимых ему отделом кадров, он подразумевал нападки на него очень известных и авторитетных артистов, таких, как Борис Андреев и Владимир Дружников. Борис Андреев, отлично сыгравший в «Двух бойцах» у режиссера Леонида Лукова, далее не находил или ему не предлагали достойные роли в других фильмах. Кажется, он сыграл еще одного бойца — в фильме «Сталин», положенного историей на полку. Я видел его на творческом вечере в Доме журналиста, наверное, выпившего для смелости перед выходом на сцену и вызывавшего в зале смех ежеминутным подтягиванием спадавших с него брюк, используя этот, видимо им самим придуманный, невысокого вкуса трюк. Он сыграл великолепную роль в лучшем фильме о войне, остался этой ролью в истории нашего киноискусства, но бесконечный актерский простой вызывал у него раздражение, и он выливал его на молодого артиста Савелия Крамарова, не сходящего с экрана. Владимир Дружников — красивый и талантливый драматический артист — тоже не нашел, за редким исключением, своего актерского воплощения в кино и тоже перешел в разряд ненавистников тех актеров, что мелькают на экране. Увы, эти оба выдающихся актера не разглядели или не хотели замечать своеобразного

таланта Савелия, относя его к категории везунчиков и поливая грязью на собраниях, на художественных советах, в которых они заседали. И совершенно по-другому относился к Савелию великий артист театра и кино Евгений Евстигнеев. Маша вспоминает, как после вечера в ЦДРИ ее с Савелием и Мишу Козакова повез к себе домой Евстигнеев. Ушел на кухню и жарил для гостей бифштексы. Михаил Козаков был у него частым гостем, а Савелий был приглашен впервые, поэтому чувствовал себя робко, хотя знал, что Евстигнеев презирает людей с национальной нетерпимостью, что для него главное в человеке — доброта и талант, и если пригласил человека к себе домой, то значит, что уважает его.

Евстигнеев сразу заметил робость Савелия:

— Ты знаешь, с кого я начинал в искусстве?

— Нет, — признался Савелий.

— С барабанщика в оркестре. Не веришь?

— Верю, — тихо произнес Савелий.

Евстигнеев оглянулся вокруг, хотя знал, что барабана в доме нет, и снял со стены гитару.

— Будешь петь про улицу? — улыбнулся Михаил Козаков.

— Широкий репертуаром не владеем, — вздохнул Евстигнеев и заиграл, не фальшивя, запел четко: — «Улица, улица, улица широкая, отчего ты, улица, стала кривобокая?» Вот так!

Савелий молчал, потрясенный мастерством актера даже в далеком от его творчества жанре.

— Ты разве хулиган?! — набросился Евстигнеев на Савелия. — Не красней. Я знаю, что ты артист. Уже артист. И чувствуй себя увереннее. Ты артист, а не хулиган или вор, которых играешь в кино. Я прошел

через это. Сыграл немало сатирических героев и заметил, что сходство с героями всегда есть, но это не значит, что ты такой же, как они. А есть зрители, которые считают, что если актер удачно сыграл Отелло, то может задушить свою жену.

Потом все ели приготовленные Евстигнеевым бифштексы.

— Водку не пьешь. Я слышал, — усмехнулся Евстигнеев, глядя на оторопевшего Савелия. — Значит, в тебе есть другой порок. Может, чрезмерно шалишь по женской линии, заранее извиняюсь перед твоей женой, или играешь в карты, на бегах... Хотя бы ходишь на футбол?

— Я верующий, — впервые вслух произнес Савелий. Об этом не знал никто, даже Маша. Видимо, был один человек на свете, которому Савелий не мог не признаться в том, что тщательно скрывал от других, даже от жены.

— Верующий! — серьезно посмотрел на Савелия Евстигнеев. — Все правильно. Вера без дела мертва. Играешь ты много. Чаще думай, кого играешь. Ведь я тоже ошибался. Кого приказывали — того играл. В «Сталеварах». Сталь нужно варить не на сцене, а в домне.

Время шло к полуночи. Неожиданно труба отопления издала громкий звук, повторившийся еще дважды.

— Это меня вызывает к себе Смоктуновский. Позвоню ему, узнаю, в чем дело, — объяснил гостям Евстигнеев и вышел в коридор. За ним в переднюю потянулись гости.

Когда Савелий с Машей вышли на улицу, накрапывал мелкий дождик. Савелий не замечал его.

— Ты знаешь, у какого артиста мы были? — сказал он Маше. — У творца искусства. Он играл великие роли и невеликие, но ни разу не сфальшивил, он органичен настолько, что в любой роли люди ему верят. Я никогда не смогу сыграть так, как это делает он... Он не знает себе цены и, как великие артисты, полностью ушедшие в творчество, никогда не спорит с администраторами. Сколько предложат денег за концерт — на столько соглашается. И не следит за здоровьем. Жаль...

— А ты? — иронически усмехнулась Маша. — Ты торгуешься с каждым администратором! А за своим здоровьем следишь лучше всяких врачей!

— Я — последний Крамаров, — тихо произнес Савелий и всю дорогу до дома, посадив жену в метро, прошагал пешком.

Маша потом сожалела о сказанных словах. У нее в душе накопились на Савелия обиды и внезапно выплеснулись наружу. Она подумала, что Савелий скромен, почитает родителей, боготворит Евстигнеева. За спиной Савелия не было ни МХАТа, ни «Современника»... Все, чего он достиг, пусть очень малого, он достиг своим трудолюбием и талантом. И пусть живет как можно дольше...

Прощай, Маша. На пути к Богу

Когда Савелий узнал, что ему присвоили звание заслуженного артиста СССР, то лицо его засветилось радостью. Ночью он плакал, вспоминая маму, не дожившую до триумфа сына. Они вместе растили в горшке на подоконнике лимонное дерево, надеясь на чудо, на то, что дерево даст в северных условиях плоды, но этого не произошло. Случилась беда — в один день погибли и мама, и дерево. Вспомнил трагическую судьбу отца.

В один из приездов Савелия в Москву из Америки я сказал ему, что можно получить дело отца в приемной КГБ на Кузнецком Мосту. Савелий обрадовался и обещал этим заняться в ближайший прилет в столицу.

— Не может быть! — сказал он. — Но я обязательно зайду на Кузнецкий.

— Лучше сделать запрос заранее, — предупредил я. — На розыск дела может уйти больше месяца.

— Хорошо, — поблагодарил он меня, но особенного желания я в его словах не почувствовал.

— А кто тебе рассказал о моем отце? — вдруг удивился Савелий.

— Оскар Волин.

Савелий утвердительно, кивнул, мол, Оскар знал о жизни его родителей. И больше к разговору об отце Савелий не возвращался.

Итак, Савелий Крамаров — заслуженный артист СССР. Многие люди, не знающие подоплеки присвоения и прохождения любого звания в те годы, не удивились этому факту. Яркий комик, сыгравший в десятках фильмов, давно заслужил это почетное звание.

Я верю в судьбу, а не в случай. Благоприятный случай может только помочь предначертанной судьбе человека. Вероятно, таким счастливым случаем был для Савелия фильм Якова Сегеля «Прощайте, голуби!», пусть с маленькой, не слишком выразительной ролью, но позволившей запечатлеть в памяти других режиссеров до смеха простодушное лицо юного героя. И уже второй показ Савелия, в кинокартине «Друг мой, Колька!», вылился в большой успех, и фильм стал одним из любимейших его фильмов, о котором он всегда, до конца жизни, вспоминал с искренней теплотой.

В зарубежной прессе указывается, что до отъезда в Америку Савелий Крамаров сыграл в СССР в 45 фильмах. Мне он называл иную цифру — 34 кинокартины. На мой взгляд, не менее впечатляющая цифра, чем предыдущая. Перечислю хотя бы ряд его фильмов: «Прощайте, голуби!», «Друг мой, Колька!», «Двенадцать стульев», «Неуловимые мстители», «Джентльмены удачи», «Афоня», «Не может быть!», «Соло для слона с оркестром», «Большая перемена»,

«Без страха и упрека», «На завтрашней улице», «Город мастеров», «Приключения капитана Врунгеля»... К тому же он успел пройти репетиции спектаклей в таких театрах, как Ленком, «Современник», имени Моссовета. Ему было трудно сразу войти в замечательную плеяду драматических актеров этих театров. Не сомневаюсь, что при огромном желании и свойственном ему трудолюбию, умении схватывать на лету мысль режиссера, при дружелюбном отношении к коллегам, при своем уникальном таланте юмористического актера он мог постепенно занять достойное положение в этих театрах, но не желал играть средне и уходил сам из театров, попасть в труппы которых было заветною мечтою многих актеров. Это – официальная версия его театральных поступков. Существует и другая, которую, возможно, он доверил только мне. «Мне не хватает актерского мастерства, – однажды признался он мне, – я специально поступаю в театры, где репетирую с величайшими мастерами своего дела, учусь у них, у великолепных театральных режиссеров, именно театральных, и, понабравшись там умения, возвращаюсь в кино». – «Но ты подводишь театры, – заметил я ему, – они вводят тебя в спектакли, рассчитывают на тебя, а ты вдруг уходишь».

Савелий не ожидал от меня такого упрека и покраснел.

– Ты прав, – сказал он, – обещаю тебе, что больше не буду пускаться в подобные театральные эксперименты.

И он сдержал свое слово. Я спросил у Савелия после присвоения ему звания заслуженного артиста:

– Каковы твои дальнейшие творческие планы?

— Буду копить на народного, — с тонкой иронией ответил он. И сказал правду. Продвижение документов на присвоение званий артистам, за которым стояли крупные министерские чиновники, проистекало чрезвычайно медленно и с одной целью — выудить взятку у претендента. И редко у кого выдерживали нервы. Один периферийный и весьма одаренный эстрадник удрученно признался мне, что за присвоение звания народного артиста РСФСР отвалил министерскому чиновнику дорогой мебельный гарнитур. Почти уверен, что не обошелся без «благодарности» и Савелий, но это не было ударом по его престижу. Он бросил «кость» алчным чиновникам, глядящим на него жадными собачьими взглядами. Он давно уже был любимым в народе артистом.

— А Володя Высоцкий... такой артист... — однажды сказал он Маше, — мне кажется, что он никогда не станет заслуженным. Он просто не доживет до этого времени...

— Ты плачешь или мне это показалось? — заметила Маша.

— Слезы сами льются из глаз, — опустил голову Савелий.

— Ведь ты дружил с Володей. Мне рассказывали, — сказала Маша.

— Было прекрасное время! — оживился Савелий. — Общаясь с Володей, еще совсем молодым, я чувствовал, что попал в иное измерение, поднялся на орбиту выше, чем находился. Мы служили в Театре миниатюр. Видя мой успех, он смотрел на меня как на Бога, сотворяющего чудо со зрителями. Он вообще боготворил многих артистов, бывших популярными.

Прощай, Маша. На пути к Богу

— Вы разошлись с Володей? — удивилась Маша.

— С чего ты это взяла? — усмехнулся Савелий. — Как бы тебе объяснить... Лучше... Мы разминулись. У нас не складывались вечера. Он писал даже ночью. Отменялись его концерты. Он заглушал тоску встречами с друзьями, застольями... Смеялся над тем, что я слишком много времени уделяю своему здоровью.

— По-моему — тоже, — сказала Маша. Савелий замер в темноте, потом взял руку Маши в свою.

— Не смейся. Мама умерла от рака. Очень рано. Ее несчастная жизнь стимулировала болезнь. У меня тоже были нелады с нервами и со здоровьем.

— Я знаю, — сказала Маша и сжала руку Савелия в своей. — Я могу тебе чем-нибудь помочь еще?

— Ты любишь меня, Маша, а для меня это очень много и важно, — искренне произнес Савелий. — Наша разминка с Володей Высоцким должна была случиться рано или поздно. Я остался на своей прежней актерской и творческой орбите, а он поднялся на несколько орбит выше. Он — ближе к Богу! Но боюсь, и путь его на небеса будет короче... Он безумно тратит себя. Как святой... Раздает свою душу людям очень щедро. Иначе не может.

— Разве ты веришь в Бога? — удивилась Маша.

— Верю! В путь Высоцкого верю! Он — посланник Бога на земле! В грехах кается. Но истинные Божьи мысли несет людям! И я уверен, что даже не думает, есть ли у него актерское звание или отсутствует. Он актер от Бога. На эстраде был известный артист и честнейший человек — Михаил Наумович Гаркави.

— Конферансье?

— Артист. Его тринадцать раз представлял к званию Москонцерт, и каждый раз чья-то злая рука вычеркивала его фамилию. Поговаривали, что он не понравился самому Сталину, когда вел концерт в Большом театре. Умер Сталин — его дело продолжил серый кардинал нашей идеологии Суслов. А ведь Михаил Наумович прошел с нашими войсками всю войну, вел концерты Лидии Андреевны Руслановой. Его любили солдаты и генералы, любовно называли «Гаркавием». И с ним случилось чудо, его, даже без звания заслуженного артиста, похоронили на Новодевичьем кладбище. Я знаю, что этому помогло Политуправление армии. Тем не менее, в этом факте есть что-то божественное. Человек посвятил свою жизнь, свое творчество людям, и Бог заметил это. Может, я ошибаюсь, Маша?

Маша ничего не ответила ему.

— Почему ты молчишь? — удивился Савелий.

— Потому что ты все реже обращаешься ко мне за советами. Мне кажется, что мы разлетаемся по разным орбитам. Не уходи от меня, Савелий. Лучше меня ты не найдешь...

Савелий не понял серьезности ее слов и улыбнулся:

— Есть Клаудиа Кардинале! Софи Лорен!

— Есть. Но где они? Рядом с тобою? — обидчиво заметила Маша.

— Летают на других орбитах! — выпренно произнес Савелий.

— Вот именно, — тихо произнесла Маша.

Ушли прошлые переживания, и грусть Маши показалась Савелию сегодня несвоевременной. Он — заслуженный артист СССР, его искренне лю-

бят зрители. Чего еще надо популярному артисту в расцвете сил?! Он поймет это вскоре. Как любому человеку, ему станет необходимой как воздух любящая верная подруга, особенно в трудные времена, о возможности которых он тогда даже не подозревал. И немудрено. Вокруг улыбки, веселые глаза, поздравления, чьи-то руки обнимают его, среди них — те, которые прежде даже не пожимали его руки, а теперь свойски бьют по плечу, прижимают к себе. И не ведал тогда Савелий, сколько зависти вызовет у коллег присвоение ему звания. Позднее одна из лучших артисток советского кино назовет время, когда часто снимался Савелий, эпохой киноартистов с физическими недостатками и как пример приведет Савелия Крамарова, забыв о том, как он уважал и ценил ее мастерство, брал в гастрольные поездки, где он был ведущим артистом. Быстро промелькнут дни радостной эйфории, вызванной официальным успехом. Стихнет хор поздравлений. Улыбки при встрече станут такими же, как и прежде, дежурными, формальными. И самое странное — большинство девушек, с которыми он попытается познакомиться, сначала улыбнутся ему, как известному актеру, но потом всячески попытаются прервать с ним разговоры, извиняясь, что они очень заняты и не ходят на свидания.

Савелия видят у нового модного магазина «Лейпциг», куда любят заезжать московские красотки, стоящего у своего белого «фольксвагена» и для видимости безмятежно перебирающего ключи от машины. Путь от «Лейпцига» до центра неблизкий, и Савелий надеется, что кто-нибудь из красоток, улыбаясь и изнывая от усталости, попросит довести ее до центра. Он это

сделает с удовольствием, ради знакомства. Он ни в коей мере не ловелас, но желание познакомиться с красивой и умной девушкой не покидает его. Он не знает вывода знаменитого врача и психолога Зигмунда Фрейда о том, что дети, не испытывавшие в детстве ласки, нежности и теплоты, со временем, став взрослыми, стараются доказать, что достойны этого, что их эгоцентрическое «я» делает их людьми заметными, порою знаменитыми, но их тяга к женской теплоте, семейному уюту не только не ослабевает, а, наоборот, только усиливается. Но не знает Зигмунд Фрейд, что возникнет на планете странное государство, в котором многие понятия будут поставлены с ног на голову, и самые яркие, даже эрудированные женщины станут отождествлять популярных артистов с героями, которых они играют в кино. У кроватей киноманок на стенах появятся фотографии романтического артиста Коренева — главного героя фильма «Человек-амфибия», позднее — более зрелого, романтического и мужественного киногероя Олега Видова, кстати, которого судьба сведет с Савелием Крамаровым еще в фильме «Джентльмены удачи». Отождествление девушками его хулиганистых и растяпистых героев с ним самим сначала паразит Савелия, а потом доведет до растерянности. Вот тогда он вспомнит слова Маши: «Не уходи от меня, Савелий. Лучше меня ты не найдешь».

Однажды днем мне домой позвонил заведующий «Клубом 12 стульев» «Литературной газеты» журналист Виктор Веселовский. «Слушай, Варлен, мне сейчас звонил Савелий Крамаров. Ты знаешь его лучше меня. Не рехнулся ли он?» — «А что случилось?» — поинтересовался я. «Савелий попросил меня познако-

мать его с интеллигентной девушкой!» — насмешливо-издевательским тоном произнес Веселовский. «Ну и что? — спокойно изрек я. — Если можешь, то помоги ему. Умную и симпатичную девушку сейчас найти нелегко. Сам знаешь». — «Ничего такого я не знаю, — усмехнулся Веселовский. — У меня в жизни были две жены — законная и все остальные!» — улыбнулся он своей шутке и перевел разговор в другое русло, но я опять вернул его к просьбе Савелия: «Человеку трудно, и очень, если он обратился за помощью к тебе. Неужели не понимаешь? Он думает, что ты возвращаешься в высшем свете, где можно встретить именно такую девушку, умную, красивую и верную, которая сможет стать ему женой». — «Он спятил окончательно! — резюмировал Веселовский. — Вокруг меня одни авторши, которые ради того, чтобы их произведение появилось на моей полосе, готовы на все. Одна вдруг заерепенилась ни с того ни с сего. Поэтому на гастролях в Омске я ее оставил на рынке, куда мы поехали за зимними шапками. Рынок находился километрах в тридцати от города. Пусть знает свое место. Потом она, конечно иносказательно, изобразила меня в своем рассказе в виде палача. Я очень смеялся. Чем я могу помочь Савелию Крамарову?» — «Ничем, — согласился я, — но как отреагировали другие авторы, когда ты оставлял молодую женщину, кстати их весьма способную коллегу, на рынке? Вдали от города? Там были Иванов, Арканов, Измайлов, Влади́н, Бахнов...» — «Я сказал водителю автобуса: «Трогай!», и мы поехали. Они даже не пикнули! А ты что, поддерживаешь просьбу Крамарова?» — «Нет, — сказал я, — он просто обратился не по адресу. Он представлял тебя, читая твою полосу, на редкость добрым и гуманным человеком,

считал, что ты сможешь ему, но ты не в состоянии сделать то, о чем он тебя просил. Видимо, позвонил тебе от безысходности. Ты прости его». — «Ладно, — снисходительно согласился Веселовский. — От любви можно потерять голову. Мне однажды на выступлении настолько понравилась девушка, что я прямо со сцены продиктовал ей номер своего телефона в гостинице и просил прийти ко мне!»

Я с сожалением наблюдал, как под коварными лучами славы теряет нить жизни Веселовский, особенно при помощи вечно пишущего вместе с соавторами пробивного человечка, поставляющего ему, и отнюдь не бескорыстно, спиртное и покорных девиц. В конце концов Веселовского уволили с работы, но я помог ему остаться на сцене, несмотря на то, что его тут же выбросили из организованной им телепередачи «Вокруг смеха». Я старался помнить только хорошее, что было между нами, а бойкот, созданный им вокруг меня в печати, простил ему, простил четыре мучительных года замалчивания.

Наверное, такова судьба очень многих творцов. В конце концов не выдержал удара судьбы, в большей части им заслуженного, Виктор Веселовский. А Савелий Крамаров, как говорят боксеры, держал удар. Все реже звонил телефон в его квартире, все реже звучали по нему творческие разговоры. Зато эстрадные администраторы не отставали от Савелия. Крамаров — это по-прежнему гарантированные аншлаги, большие сборы... Мне кажется, что Савелий не любил выступать на сцене, делал это во многом из-за заработка, но это тоже была работа. Зашумели завистники. В кинокулуарах и даже на собраниях. Они считали, что комический успех артиста заключен в

асимметричном расположении его зрачков, говорили глупость. Это все равно что объяснять успех Чарли Чаплина его нелепой походкой, комизм Юрия Никулина — его простоватым видом и выражающим вечное удивление лицом, успех Евгения Моргунова — его толщиной... У каждого выдающегося комического актера есть своя маска. У Георгия Вицина — маска труса, на первый взгляд, человека вяловатого, безразличного ко всему, а на поверку — трусоватого и жадного, стремящегося поживиться за чужой счет. Была своя, и яркая, комическая маска у Савелия Крамарова — маска жизнерадостного неунывающего совидаота, в результате своей ограниченности и наивности попадающего в смешные положения и ситуации. Она осталась и тогда, когда ему выправили зрение, уже в Штатах, и там он имел успех, потому что жизнерадостный, но нелепый по сути человек всегда смешон, это явление общечеловеческое.

Савелий завоевал невероятную популярность у зрителей, но как истинно творческого артиста со временем его стало мучить отсутствие в его кинорепертуаре ролей значительных по характеру и мысли. Ведь, повторяю, юмор и сатира — обратная сторона трагедии. Душа Савелия Крамарова, сумевшего наперекор судьбе стать любимым в народе артистом, подготовила его к серьезным ролям в кино и поступкам в жизни, что ему пришлось вскоре доказывать. Кто-то с киноверхов спустил вниз негласное указание прекратить снимать Савелия Крамарова, поскольку он играет недоумков и кретинов, что не соответствует составу нашего общества, а вызывая своей игрой смех, он оглуляет его, самое передовое в мире. А ведь в его фильмах «Друг мой, Колька!» и осо-

бенно в телесериале «Большая перемена», где любовь к девушке пересиливала, казалось, укоренившиеся в нем отрицательные качества, даже жадность, именно пересиливала, органично, через внутреннее борение, проступали сквозь смех, сквозь слезы именно его, крамаровские жалость и сочувствие к несчастным и оступившимся людям.

Я не уверен, что выступление двух завистливых артистов на собрании Кинокомитета решило творческую судьбу Савелия. Одного из них действительно снимали мало. У него была интеллигентная внешность и он, даже при умелом гриме, не мог играть передовиков производства и тружеников полей, не было для него тогда подходящих ролей. Второй «завистник» — вернее, «завистница», была задействована в фильмах много и успешно. Вне всякого сомнения, что их антикрамаровское выступление было инициировано верхами и послужило приказным сигналом всем киностудиям страны: не снимать больше этого артиста. Верхи поначалу не обращали особого внимания на его маленькие эпизодические роли, посмеиваясь над ним вместе со всей страной. Но когда увидели, что эти, на первый взгляд крошечные, появления Крамарова на экране запоминались зрителями и создавали один большой и глубокий образ оболваненного тоталитарным режимом человека, при этом наивного, проявляющего доброту, оптимизм и не показные, а идущие от души, да еще в комической и гротескной форме, делающих их яркими, к тому же узнаваемыми. Зрители видели в ролях Савелия самих себя, по сути, таких же униженных и нелепых людей, как и его герои. Там, где полагалось, открыли его досье, именуемое делом, и

легко обнаружили, что он является сыном врага народа, хотя и реабилитированного, но убитого лагерной системой, и расценили смелое поведение сына как своего рода месть за погубленного отца. Пожурили друг друга за легковёрность и остановили кинокарьеру Крамарова, к тому же своей религиозностью подающего дурной пример людям.

Поклонников у Савелия было — целая страна, знакомых — множество, друзей — немало, истинных друзей, которым бы он доверял беспредельно свои мысли и чувства, — единицы, но, вероятно, он считал, что есть в жизни дела, которые надо решать самостоятельно.

Очень известный мастер сцены однажды признался мне, что в галерее сыгранных им героев не хватает секретаря партийной организации. Тогда ему простили бы и резкие сатирические высказывания в адрес других актеров и дали бы звание народного артиста.

Великий писатель, а в двадцатых годах еще молодой литератор Михаил Булгаков участвовал во Всесоюзном литературном конкурсе на лучшую пьесу о Парижской коммуне. Живя во Владикавказе, в полной бедности и неизвестности, он захотел заявить о себе как драматурге, поддавшись общему восхвалению Французской революции, а уже через несколько лет просил свою сестру Надежду уничтожить хранящийся у нее оригинал пьесы, как слабой, не отвечающей его замыслам и пониманию жизни. В конце своих дней он все же согласился написать пьесу «Батум» о молодом Сталине, надеясь, что после этого издадут «Мастера и Маргариту», «Собачье сердце»... Надеюсь,

что откроется для читателей кладезь его классических произведений.

Великий юморист Михаил Михайлович Зощенко, изгнанный из Союза писателей, вынужден был писать рассказы о Ленине — добром и искреннем, любящем народ партийном старичке. Нечто схожее есть в судьбах Михаила Зощенко и Савелия Крамарова — писателя и артиста, людей разных жанров и талантов. Зощенко поначалу много печатали, играли на сцене, передавали по радио. Не понимали, о ком он пишет. Помните, в рассказе «О чем поют соловьи» один обыватель спрашивает у другого: «А чего это соловушка поет, заливается?», на что получает ответ: «Жрать хочет — вот заливается». Зощенко писал об обывателе, пришедшем к власти, и был обвинен в очернении действительности. Савелия Крамарова обвинили в оглуплении образа советского человека. Савелию пойти бы в Союз кинематографистов, предложить себя на роль паренька, перековавшегося из тунядца в передовики производства где-нибудь на БАМе, Талнахе или Уренгое, и, того гляди, простили бы, сняли табу, допустили бы до съемок, как и прежде, во многих фильмах. Только враг мог посоветовать ему это. А врагов он обходил стороной. И «друга» с таким советом он не послушался бы. Социалистическое тоталитарное общество отвергло талантливого артиста. Я уверен, что у Савелия, лишенного, по существу, любимой работы, были дни и месяцы отчаяния, раздумий о дальнейшей своей судьбе, и он сам, самостоятельно пришел к выбору опоры, надежды на лучшее, к выбору веры, Бога, который поможет ему в трудные времена, которых он испытал уже немало.

Режиссер и друг Савелия, Марк Григорьевич Розовский, один из немногих людей, чьему творческому направлению и художественному вкусу по мере сил следовал артист, поначалу был поражен, узнав, что Савелий стал верующим человеком. Действительно, среди нас, так или иначе соприкасающихся с сатирой, это был первый случай ухода человека в религию иудаизма, всячески поносимую прессой и общественным мнением. «Он не был Иванушкой, не помнящим родства, в данном случае — еврейского, — вспоминает Марк Розовский. — Я был поначалу шокирован его поступком, поскольку чересчур неожиданным он был для меня, а потом даже восхищен». Ну а я узнал об этом совершенно случайно, когда Савелий был у меня в гостях. «Извини, мне пора ехать домой, — сказал Савелий, — двадцать минут пятого. Скоро начнется заход солнца. Я должен молиться». Сказал убедительно, уверенно, так, как это и должно было быть, и его спокойствие передалось мне. Он уехал, а я подумал, что Савелий уже такой человек, который может общаться с Богом. И пусть Бог даст ему удачи, убережет от навязываемых ему киноштампов.

В Штатах Савелий женился дважды. Первая его жена Марина (Фаина) Крамарова дает свое истолкование его религиозности, на мой взгляд, чересчур мистическое, но я обязан привести его. Марина пишет, что как-то с советской делегацией он попал в Египет. Гуляя по Каиру, заблудился. На одной из глухих заброшенных улочек набрел на лавку старьевщика. Среди хлама увидел необыкновенный медальон, на котором была изображена голова святого, купил. Вернувшись в Москву, показал медальон антиквару и специалистам

в музеях, те признали в святом Моисея. Савелий истолковал это событие по-своему: Бог не зря послал его в Египет, не зря достался ему этот амулет, мол, Бог решил напомнить ему, что он — еврей и должен посещать синагогу.

В этой истории есть странная нелогичность. Не ясно, почему Савелий лишь через несколько лет после поездки в Египет стал верующим. Может быть, скрывал это от властей, зная их негативное отношение к верующим и боясь потерять работу? Многих даже смутила его «внезапная» религиозность. Может быть, он перестал скрывать ее, когда его перестали снимать? Но с другой стороны, он отменял по субботам свои выступления в грандиозном шоу «Товарищ кино», вызывая гнев начальства, поскольку публика валом валила именно на Савелия Крамарова.

Не могу точно определить день и даже год, когда Савелий принял иудаизм, но могу без сомнения утверждать, что его вера была искренней, и не она одна послужила предлогом войти в конфликт с начальством и покинуть страну.

Зато помогла, кому требовалось, нанести еще один удар по Савелию, которого он никак не ожидал, не зная, что все религиозные конфессии в стране подчиняются Комитету по делам церкви, курируемому КГБ или просто-напросто являющемуся его подразделением. Савелий регулярно молился в синагоге, и, как более или менее состоятельный прихожанин, делал денежные взносы, необходимые синагоге для хозяйственных и других нужд. Был своего рода почетным прихожанином и имел личное постоянное место в молельном зале. Каково же было его удивление и

Прощай, Маша. На пути к Богу

возмущение, когда синагогальный староста объявил ему, что его место занято.

— Почему?! — изумился Савелий.

— Потому, что вы лишены этого места, — пробубнил староста.

— Этого? Дайте мне другое. Мне личное место предоставил сам раввин! — объяснил Савелий.

— Сам предоставил, сам лишил, — безапелляционно, как приговор, произнес староста, — не шумите, вы мешаете богослужению.

Позднее Савелий узнал, что последний не завербованный властями раввин служил в хасидской синагоге на Малой Бронной в 1936 году. На следующий год его там не стало.

Первые конфликты

Савелий Крамаров запомнил слова Евгения Евстигнеева, как-то сказанные на совместной вечеринке: «Я не комик и думаю, что зритель ждет от меня не смешного, а остроты. В нашей жизни наряду с трагедией много смешного, и это та емкость, из которой я черпаю материал для образа. Одной краски всегда маловато». Савелий долго размышлял над этими словами и понял, что если ему удалось в некоторых ролях разнообразить характеры героев, показать их в развитии, то остроты — сатирической — в его героях явно не хватает. На яркость, выразительность, доведенную в образе до гротеска, ему не хватало и сил и мастерства, а остроты, глубины, философичности зачастую просто не было, не заложена она была в характер его героя ни автором, ни режиссером. Непревзойденным кумиром в умении работать с авторами и текстами Савелий считал Аркадия Райкина. Мысленно он разыгрывал сатирические сценки с

перевоплощением, но попытки, даже в домашних условиях, повторить интонации, мизансцены Аркадия Исааковича приводили к плачевным результатам. Савелий понял, что Райкиным стать нельзя. У него свое, только ему свойственное мастерство, своя интеллигентность, высочайшая культура и главное — своя гражданская позиция. Аркадий Исаакович был советским сатириком, пытался сделать жизнь людей лучше, честнее, не подрывая основ строя, но столь остры и реакционны были иные его персонажи, что заставляли людей думать о правильности выбранного ими жизненного пути.

Слухи будоражили души его поклонников. Было известно, что кампанию травли Райкина развязал министр культуры Александров. Начальник Управления культуры Москвы Шкодин, чья фамилия на редкость гармонировала с его деятельностью, запретил к исполнению программу Райкина, а после разноса в кабинете заведующего отделом пропаганды ЦК Шаура Аркадия Исааковича увезли в больницу с инфарктом. Савелию вновь вспомнились слова Евгения Евстигнеева: «Нельзя изворачиваться между драматургией, критикой, зрителем... Если драматург соврет, мы соврем — представляете, каким получится искусство?»

Савелий восхищался смелостью и одержимостью Райкина. Казалось, что у него не было слабостей, от него нельзя было рано избавиться, как от Владимира Высоцкого, а до этого — от Сергея Есенина, Владимира Маяковского... Разумеется, гонения сильно подорвали здоровье Райкина, но власти были вынуждены выдать ему все возможные награды: и звание народного артиста, и звание Героя Социали-

стического Труда, и Ленинскую премию... И после его первого появления на сцене вставал зал и около пяти минут безудержно аплодировал артисту — наверное, и за его мастерство, и за героизм гражданина. Савелий поражался выдержке артиста. Мучимый остеохондрозом и от этого слегка покачивающийся, он держался на сцене, как и во времена юности, три часа, немыслимое по напряжению время даже для вполне здорового артиста. Я уверен, что если актерское влияние Райкина на Крамарова было не столь велико, то в развитии чувства собственного достоинства, роста Савелия как личности Аркадий Исаакович Райкин, сам того не подозревая, сыграл громадную роль. Они не были знакомы. Но Райкин наверняка видел его на экране и потом узнал, что этот на вид простоватый актер проявил твердость характера в претворении своей идеи и ради нее даже пошел на конфликт с начальством, зная, что это грозит ему отлучением от любимой профессии. Вспоминает Марина Крамарова: «Когда в Лос-Анджелес приехал с концертом Аркадий Райкин, в антракте представители искусства и прессы пошли на сцену с ним повидаться. Аркадий Исаакович на каждого смотрел своими умными, добрыми и уставшими глазами. Когда его взгляд остановился на Савелии Крамарове, он просветлел. Савелий подошел к нему и с восторгом сказал: «Аркадий Исаакович, я преклоняюсь перед вашим талантом!» Райкин обнял его и при этом прослезился».

Томительные месяцы, а потом и годы без съемок выматывали душу артиста. Предложений на роли в кино не поступало, но оставалась концертная работа. Савелий не хватился за нее, как утопающий за

соломинку. Как рассказывает Марк Розовский, в его присутствии Савелию Крамарову предложили за три концерта тысячу рублей — по тем временам сумму весьма немалую. Но узнав, что в эти три дня входит шабат — суббота, когда верующие евреи не имеют права работать, Савелий от гастролей отказался. Наотрез. Не помогло администратору даже увеличение размера гонорара. Вскоре эстрадные администраторы убедились, что имеют дело не с прежним Савелием Крамаровым, без особых условий согласным на любую халтурку, а с серьезным артистом, деловым и требовательным. Я беседую о Савелии с одним из ведущих продюсеров шоу-бизнеса Эдуардом Смольным, прекрасно и досконально знающим эстраду. Еще недавно он на карте разбил нашу страну на районы, куда посылал лучших и всяких артистов с целью помочь предвыборной президентской кампании Бориса Николаевича Ельцина, и этим способствовал его победе.

Я сижу в офисе Смольного. Вспоминаем о Савелии Крамарове. Эдуард Смольный тепло говорит о его выступлениях на «Юморе» в Москве, в Олимпийском комплексе, ежедневно, в присутствии семнадцати тысяч зрителей. «Потом я договариваюсь с Савелием по телефону о его гастролях в Тамбове. Он требует моего приезда в Сочи, где сейчас находится, — рассказывает Смольный, — приезжаю. В вестибюле мне передают его записку: «Жду на кортах в парке Ривьера». Встречаю его с перекинутым через плечо полотенцем, с ракеткой в руках. Через полчаса сидим в ресторане. Вид у Савелия не как прежде, улыбочатый, беспечный, а серьезный и деловой. «Летим ближайшим самолетом Сочи — Там-

бов», — предлагаю я. Савелий обеспокоен: «А если не достанем билеты?» — «Полетим в кабине летчиков. У меня свои связи в Тамбовском авиаотряде», — объясняю я. Приезжаем в Тамбов в пятницу. На субботу проданы все билеты на три концерта. Зал вмещает 1250 зрителей. Когда я узнаю, что Савелий отказывается работать в этот день, то бегу в молельный дом к раввину. Синагоги тогда в Тамбове еще не было. Договариваюсь, как могу, с раввином. Тот обращается к Савелию от имени всех тамбовских евреев, взявших билеты на его концерты, обещает, что концерты ему простятся, сам лично готов отпустить ему грехи. «Если хотите, евреи сами вынесут вас на сцену», — предлагает раввин. Савелий молчит. Неуверенно выходит из «Театральной» гостиницы, расположенной в нескольких десятках метров от концертного зала. На этом пятачке выстроились евреи в ермолках и дарят Савелию цветы. Он входит в зал. Смотрит в окно. Еще не зашло солнце. Объясняет зрителям, что по этой причине не может начать концерт. Никто из зрителей не ропщет. И евреи, и русские понимают его, когда он говорит: «Я уважаю любую религию, и вы должны понять меня». Первый концерт начинается с полуторачасовым опозданием. Последний — за полночь. На следующий день едем в районный центр Инжеватово. Савелий недоволен: «Можно было работать еще в Тамбове. Сколько километров до Инжеватова?» — «Сто», — говорю я, чтобы успокоить артиста. Садимся в машину. Савелий постоянно смотрит в окно, наверное, интересуется природой черноземной полосы. Я ему рассказываю, что одним из губернаторов Тамбова был Державин. «Стоп!» — неожиданно говорит Савелий водителю, просит вый-

ти его из машины. Я подхожу к ним и столбенею — Савелий читает водителю свой вступительный монолог. «Мы проехали ровно сто километров, — показывает он мне на дорожную отметку, — а Инжеватова нет. Я начал первый концерт. Значит, их будет не три, а четыре». Я соглашаюсь и наличными выплачиваю Крамарову деньги за «дорожный» концерт. Этот случай не повлиял на наши отношения, и когда я приехал в Сан-Франциско и позвонил Савелию, то он сказал, что сидит с ребенком и если я не приеду, то он мне не простит этого. Поговорить удалось немного: Савелию позвонили из какой-то рекламной компании, и он долго договаривался об условиях съемки ролика для этой компании. Но не в этом главное. У одних артистов бывает только популярность, а у Савелия Крамарова, помимо популярности, было признание. Это — важнее. Есть актеры, загорающие, как звездочки, и вскоре гаснущие. Савелий Крамаров — звезда другой величины. Я жалею, что нет на Аллее звезд памятного знака о Савелии Крамарове. Зрители должны знать прошлое и настоящее нашего искусства, тем более что Крамаров — настоящее. Я считаю за великую радость общение с этим ярким, неповторимым актером и жалею, безмерно жалею, что во время его приездов из Штатов в Москву не организовал ему концерты в столице».

К пространному монологу Эдуарда Смольного необходимо сделать несколько пояснений. В годы их общения артисты получали за сольный концерт всего несколько десятков рублей, принося государству немислимую по сравнению с их оплатой прибыль. Особенно это было обидно таким гастролерам, как Крамаров, собиравшим битковые аншлаги.

К тому же нередким было пренебрежительное отношение администраторов к актерам, и Савелий не мог в своем положении ничего придумать лучшего, чем заставить уважать себя. Он не был ни скуп, ни алчен, и если взял у Смольного деньги за лишний концерт, то, наверное, для того, чтобы помочь синагоге, в которой молился и которой регулярно делал взносы.

Савелий даже не представлял, что в стране, где официально разрешается вероисповедание, верующий может подвергаться гонениям.

— Вы сорвали представление «Товарищ кино»! — гневался на него киноначальник, — а просите путевку в ФРГ?! На Олимпийские игры!

— Туристическую всего-навсего, — замылся Савелий, — к тому же представление состоялось и без меня. Я не понимаю, в чем моя вина?!

— В том, — побагровел чиновник, — что советский артист, которому мы дали имя, сделали известным, мотается по синагогам! Строит из себя верующего! Представляете, что будет, если об этом узнает молодежь?!

Савелий побледнел, не ожидая такого натиска.

— Да, я бываю на богослужениях в центральной синагоге, — согласился Савелий, — но кому я мешаю этим? Я никогда не играл роли священнослужителей.

— Не играли, — усмехнулся кинодеятель, — нам докладывали, но мы не думали, что ваше дурачество достигнет таких вопиющих размеров. И после этого вы хотите, чтобы мы вам дали путевку в ФРГ?!

— Можно во Францию, в Италию, — предложил Савелий.

— В капстрану захотелось, а в Болгарию не желаете?

— Я люблю отдыхать в Ялте, вы же знаете, — сказал Савелий.

— Знаю, — запнулся киноначальник, выдавая этим внимание органов к артисту. — Вы — еще молодой человек, чего вам не хватает?

— «Зимую — лета, осенью — зимы», — речитативом произнес Савелий, но поскольку это была песенка из его телебенефиса, из сферы, к которой не имел отношения киноначальник, то недоумение на его лице было искренним и оправданным.

Выходя из его кабинета, Савелий вспомнил о том, что через неделю он должен выехать на трехдневные съемки на Ялтинскую киностудию, и надежда на то, что ему не запретят сниматься в кино, забрезжила в его сердце.

В Ялту он поехал с товарищем, Юрой Александровым, неплохим юмористом, и задержался там, наслаждаясь морем, чудотворным ялтинским воздухом. На пляже, разглядывая симпатичных девушек, Савелий признался Юре, что если ему закроют дорогу в кино, то он покинет страну.

— Не может быть! — воскликнул Александров. — Ведь тебя снимают!

— Нет, — покачал головой Савелий, — идут до съемки фильма. Легче дать мне доиграть три дня, чем кого-то отснимать в моей роли с самого начала. Я многое понял за последнее время. Ведь они столько лет боролись с религией! Даже создали Комитет по делам церкви! Чтобы держать верующих и пастырей под своим оком. Будучи верующим в Бога, а не в победу коммунизма, я в один момент стал для них

инакомыслящим. Мне рассказывал Варлен Стронгин, чей отец был директором Издательства еврейской литературы, что после 1937-го в синагогах не осталось ни одного раввина, не служащего в КГБ или не доносящего туда на своих верующих. Я делал большие взносы в синагогу. Раввин был благодарен мне. И вдруг недавно он заявил мне, что мое постоянное место отдано другому верующему. Он не мог это сделать без чьего-то, и резкого, давления на него. Ты понимаешь — чьего?

— Не может быть! — выпучил глаза Александров.

— Ты повторяешь мою любимую фразу, — улыбнулся Савелий, — в нашей жизни все может быть. Я не удивлюсь, если узнаю, что весь Святейший синод на крючке у КГБ.

Александров привстал с топчана:

— Ты собираешься уезжать, Савелий?

— Собираюсь, — вздохнул Савелий, — у меня дядя в Израиле. Может прислать вызов, если я попрошу его, — и грустно посмотрел на Ялтинскую бухту, обгоренную заходящим солнцем.

— Прощаешься, — догадался Александров.

— Запоминаю, — сказал Савелий, — здесь я много снимался, любил плавать. Ялтинский воздух всегда окрылял меня.

Через день после возвращения в Москву Александров под большим секретом поведал мне, что один известнейший артист собирается покинуть страну. Я сразу подумал о Крамарове, хотя не знал о его тренингах в Гюскино.

— Его не хотят снимать даже на Ташкентской студии! — заметил Александров. — А еще год назад там ухватились бы за него руками и ногами!

— А он звонил на телевидение? Евгению Гинзбургу? Борису Пургалину? Они очень тепло относились к нему...

— Не знаю, — ответил Александров, — туда сейчас рвется Жванецкий. Опасайся его мафиозности.

— Почему? — удивился я. — Миша — способный человек!

— Тем более! — добавил Александров. — Талант и злодейство, к сожалению, совместимы. Я тоже уезжаю в Штаты. Там у меня одиннадцать родственников!

— А что будешь там делать? Недавно Владимир Этуш исполнил по телевизору твою очень смешную интермедию.

— Этушу не могли отказать, — возразил мне Александров, — на телевидении сейчас тоже сколачивается мафия. Без больших денег туда не проникнешь. Уже выбросили Бена Бенцианова...

— Странно, — удивился я, — ведь он многие годы был украшением экрана. А его выступление на «Голубом огоньке», посвященном городу-герою Москве, было воистину триумфальным. Аплодировал и улыбался сам Брежнев.

— Ты — наивный человек, — скорчил недовольную гримасу Александров. — Деньги сильнее Генсека. Исчез с телеэкрана Петр Лукич Муравский, Герман Орлов... На очереди Вадим Мулерман... Наступает эра Иосифа Кобзона. Вспомнишь меня!

Я действительно не раз потом вспоминал Юру Александрова, но не столько по поводу его предсказаний, а узнав, что он умер в Америке, в сорок два года. Умер от рака, надеясь, что в Штатах его вылечат.

Я думаю, что Савелий скромничал или не понимал, когда называл себя артистом чисто юмористическим. Наверное, таковым считало его и киноначальство, когда открыло ему для съемок зеленую улицу. В те времена редко вспыхивали молодые яркие сатирические звезды, такие, как Михаил Ножкин или Геннадий Хазанов — на эстраде, Владимир Енгибаров — в цирке. Хазанова с первых же гастролей стали возвращать в Москву местные обкомы партии. Его взял под свое покровительственное крыло Леонид Утесов, в оркестре которого он выступал ведущим и делал свой номер. А заведующий отделом сатиры и юмора Москонцерта Аркадий Юльевич Галь, прослушав Хазанова, высказался безапелляционно: «С таким репертуаром вы никогда не будете работать в нашей организации!»

Михаила Ножкина, чья фамилия в афише сборного концерта собирала аншлаг, «урезонило» высшее партийное начальство, заодно усмирив уже немолодого, но талантливого и острого конферансье Анатолия Милявского.

Завистливые коллеги просто выгнали своеобразного и злободневного клоуна Владимира Енгибарова из цирка, и он вынужден был выступать с вечерами пантомимы, увы, недолго, — вскоре умер после нервного заболевания. Но уже во Дворцах спорта прозвучали звонкие голоса славных поэтов-шестидесятников. В журнале «Юность» была напечатана остроумнейшая повесть «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова, напористая сатира преобладала в повести Фазиля Искандера «Созвездие Козлотура». Потом на «усиление» руководства «Юности» прислали комсомольского работника

поэта Андрея Дементьева, но джинна свободы уже выпустили из, казалось, навеки закупоренной бутылки; вышла на экраны, правда третьей степени, то есть на экраны сельских клубов, правдивая кинокартина Отара Иоселиани «Листопад», на коробке с пленкой которой, поговаривали, лично восседал целых три года первый секретарь ЦК партии Грузии Мжаванадзе, регулярно выходила 16-я полоса «Литературки», чтение которой многие читатели газеты начинали именно с этой сатирической полосы...

В творчестве Савелия Крамарова были и лиричные герои с доброй душой, но более запоминались зрителям такие же, как и они сами, «совки», оглушенные тоталитарной системой и доведенные артистом до гротеска, до такой узнаваемости и выразительности, что вызывали в кинозалах раскаты смеха, столь точно и образно были отражены артистом их тупость и незащитность перед властью, вытравливающей у людей здравомыслие и живые чувства.

Я думаю, даже в этом уверен, что Савелий не сразу, а после больших сомнений и переживаний решился покинуть родину. Как позже писал о себе Василий Аксенов, он уехал преподавать славистику в одном из американских университетов и, проезжая по новой для себя стране, настроил радиоприемник на Россию и услышал официальное сообщение о том, что он лишен советского гражданства. Он предполагал, что такое может случиться. Первый секретарь Московского отделения Союза писателей однажды доверительно посоветовал ему: «Уезжайте! Этому будут рады и наши и ваши!» Под «вашими» он подразумевал сторонников писателя по общепризнанному тогда крамольным литературному сборнику «Метрополь».

Кто эти «ваши» — сейчас легко проверить. Вероятно, один из них изображен в повести Аксенова «Ожог» под фамилией предателя Штейнбока (настоящая фамилия писателя, давно работающего под псевдонимом). Кстати, именно этому писателю была открыта дорога в печать и на радио вскоре после партийного осуждения «Метрополя», в то время, когда остальные его участники еще долго находились в запретном для издания их произведений списке.

Савелий, кстати, как и Аксенов, решил уехать из страны честно и без скандала, юридически обоснованно, на воссоединение с дядей, проживающим в Израиле. Он подал в ОВИР необходимые документы и со дня на день ждал разрешения на выезд.

Он пришел прощаться со мною, зная, что я печатаюсь в центральной прессе, а на его отвальную наверняка просочатся сотрудники органов и переписут всех, кто пришел прощаться с артистом, покидающим, а следовательно, как считалось тогда, и предающим родину. Один из них тогда смело пришел на прощание с Савелием, человек и в сатире отважный, и, на удивление многих, в самые трудные времена держащийся на плаву, об истинном лице которого люди узнали сравнительно недавно из публикации в газете «Московский комсомолец» рассказа Андрея Яхонтова «Король смеха». Меня поразили внешний вид Савелия. В его взгляде не чувствовалось даже тени веселья. Казалось, что осунувшееся, почерневшее лицо вот-вот оживет и взорвется обаятельной улыбкой, или шуткой, или задорной фразой, но оно оставалось грустным и обреченным на печаль. Савелий принес мне на память книгу об Ильфе и Петро-

В молодости Савелий был неотразим

Из тридцати с лишним фильмов, в которых сыграл, сам Крамаров любил лишь несколько. В конце жизни он просил указать их в бронзовой книге на своем надгробии. Один из его любимых фильмов – «Друг мой, Коляка!» (1961)

Один из первых фильмов Крамарова – «Прощайте, голуби!» (1961)

«Бей, барабан!» (1962)

«Ход конем» (1962)

«Ход конем» (1962)

«Город мастеров» (1965)

«Трембита» (1968)

«Неуловимые мистители» (1968)

*На Крамарова обратил
внимание знаменитый Леонид
Гайдай. В 1974 году актер
снялся у него в комедии «Иван
Васильевич меняет профессию»
в роли дьяка Феофана*

В 1975 году он великолепно сыграл друга детства главного героя в кинокомедии «Афоня» Георгия Данелии

После «Неуловимых мстителей» и «Джентльменов удачи» Крамаров прочно занял место в десятке лучших советских комиков. В 1974 году ему присвоили звание Заслуженного артиста

Савелий мечтал о создании семьи. В Доме творчества актеров в Рузе он познакомился с архитектором Машей, но их связь продолжалась недолго

Молодой, но уже заслуженный. Сигарета – блеф. В действительности Савелий никогда не курил, он трепетно относился к своему здоровью

В 1971 году Савелий Крамаров сыграл свою лучшую роль – уголовника Косого в фильме «Джентльмены удачи». На съемках Савелий познакомился с Георгием Вициным и Евгением Леоновым, и великие комики щедро делились с ним своим опытом и мастерством. С Вициным Крамаров крепко подружился. Именно он предложил для Савелия небольшую трогательную сценку, где тот встречается с другом детства, с которым воспитывался в одном детдоме

Савелию трудно было раскрыться как артисту. Смешливое лицо не только помогало, но и мешало. Стоило ему появиться на экране – зритель начинал хохотать. Режиссеры, не мудрствуя лукаво, стали бесжалостно эксплуатировать его имидж

Партийные боссы дали негласное указание прекратить снимать Крамарова, поскольку он играет «одних недоумков», что порочит светлый облик строителя коммунизма

«Гуд бай, Совок! Возможно я еще вернусь!»

ве — редкое издание, несомненно, ценное для него, а маме — коробку конфет. Он знал, что она больна, и рассказом о своем отъезде не хотел расстраивать ее. Позднее это был вынужден сделать я, и лицо мамы побелело от волнения.

— Когда из страны уезжают такие артисты, это очень плохо для страны, — с трудом вымолвила мама, у которой начался приступ стенокардии.

— Ты сделал мне в жизни только хорошее, — сказал Савелий и перехватил мой взгляд на телефон, — зря боишься, на всех пленки не хватит. И стукачей боишься, что могут прийти на мою отвальную. Поэтому я сам пришел прощаться с тобой. Совершаю объезд друзей, которых больше не увижу никогда. — Тут его глаза увлажнились, задрожал голос, но он взял себя в руки. — Когда я поехал на свою первую кинопремьеру, у меня даже не было пальто. Прямо в машине мне передал свое Оскар Волин, и я, без примерки, заявился в нем в Дом кино. Слава богу, пальто оказалось моего размера. Другое пальто, демисезонное, мне подарил Лифшиц — партнер Левенбука, а сам Левенбук — модную рубашку, в которой я снялся для фотографии из серии «Артисты кино». Разве такое забудешь... Здесь я пережил немало... Радости тоже были... Они останутся в моей душе... Леонид Петрович Гайдай... Внешне строгий, но добрейший человек. Я надеялся на него. Ты не знаком с ним?

Я промолчал, и к этому были основания. Я сравнительно недавно познакомился с Леонидом Петровичем Гайдаем и даже успел поговорить с ним о Крамарове. А произошло это так. В середине

семидесятых мы с ним летели в Томск для выступлений во Дворце спорта. Мы — заведующий отделом юмора и фельетонов «Литературной газеты» Виктор Веселовский, писатели Владлен Бахнов и Борис Ласкин, ваш автор и кинорежиссер Леонид Гайдай с фильмом «Не может быть!», еще не вышедшим на экраны страны. В первом отделении вечера выступали писатели, во втором — на сцену выходил Леонид Гайдай, обычно под бурные аплодисменты, внешне — хмурый, казалось, что недовольный собой. Немногословно рассказывал о работе над новой кинокомедией и предлагал зрителям самим оценить его фильм.

Но первое же наше представление закончилось скандално. У меня в программе был номер «Тосты». Пользуясь трехчасовой разницей между Москвой и Томском и в результате этого бессонницей, я, лежа в кровати, придумал томский тост.

«Я поднимаю бокал за то, чтобы в Москве было построено такое высотное здание, из которого был бы виден город Томск! И было бы видно, что в этом городе живут сотни тысяч честных тружеников, десятки тысяч замечательных студентов и футбольная команда «Томич»!

Еще на два этажа надстроить это здание, да так, чтобы было видно, что в этом городе живут умные интеллигентные люди, к которым нужно присылать не только артистов Большого театра, Аркадия Райкина и Аллу Пугачеву, но и французский оркестр Поля Мориа!

Еще на два-три этажа надстроить это здание, да так, чтобы было видно — есть ли в магазинах Томска

селедка и другие неизвестно куда исчезнувшие «дефициты»!

Поэтому я поднимаю бокал за то, чтобы в Москве было построено такое высотное здание, из которого всегда и в любую погоду был бы виден славный город Томск!»

Об отсутствии на прилавках города селедки и других продуктов и о том, как это переживают томичи, мне рассказал водитель, подвозивший нас из аэропорта в гостиницу.

Едва я успел сойти со сцены, как в артистическую ворвался директор дворца спорта, у которого дрожали губы и руки.

— Там, в ложе, — Лигачев, — еле вымолвил он, — другие секретари обкома... Был скандал. Мне сказали, кого я вызвал... Я отвечаю за концерт... А вы, — обратился он ко мне, — про селедку говорите...

— Ну и что? — сказал я. — Вы слышали, как бурно реагировал зал?

— Это вы его спровоцировали, — выпучил глаза директор Дворца. — Снимите селедку! Тем более что она есть только в обкомовском буфете... Снимите! Иначе снимут меня...

Мне стало искренне жаль этого, по сути, ни в чем не повинного человека.

— Подумаю, — заметил я, — чем-нибудь ее заменим. Чего у вас еще не хватает в городе?

Директор дернулся и побледнел, казалось, у него вот-вот остановится сердце.

Первым за директора заступился позитивный сатирик Борис Ласкин, печатавшийся аж в газете «Правда» с юмористическими рассказами, в которых

хорошие люди после ряда комических недоразумений оказывались еще лучшими.

— Варлен Львович, я — член парткома Союза писателей, и если вы не снимете этот тост, то я откажусь от совместных выступлений. И кстати, зачем вы лезете в бутылку, когда уже одной ногой стоите в СП?!

— Чем-нибудь замени этот номер! — угрожающе прошипел мне Веселовский. Осуждающе смотрел на меня Владлен Бахнов, и когда через год я попросил у него рекомендацию в Союз писателей, то он отказал мне в этом резко и безоговорочно.

Никак не проявил себя Леонид Гайдай. Был по-прежнему мрачен и сосредоточен на своих мыслях.

Я заменил предпоследний абзац в тосте, предложив построить здание, из которого было бы видно, что в городе Томске есть и что еще нужно прислать. Эта формулировка всех удовлетворила, и оставшиеся концерты прошли без нареканий. Уже в те годы начались перебои с продуктами, особенно на периферии. Для нас специально готовили обеды, но кроме почерневших куриц и вареных рожков ничего предложить не могли. Гайдай сумрачно жевал жесткую курицу, запивая ее жидко заваренным чаем и ни на кого не поднимая глаз.

Потом мы сели в самолет, но он вместо Москвы приземлился в Горьком. Через час ожидания нас снова пригласили в самолет, затем попросили покинуть его. До ночи мы промаялись в аэропорту. Бахнов и Веселовский пытались шутить, но Гайдай не реагировал даже на анекдоты, полностью уйдя в свои мысли. Посадку объявили посреди ночи, и мы из Горького в Москву

летели три часа вместо положенного часа. Почему — нам не сказал никто. Может, не открывались шасси или посадке мешала другая поломка в самолете? Или обледеневшая полоса? Леонид Гайдай поднял глаза, и они гневно сверкнули в полумраке, когда пассажиров-японцев стали пересаживать из носа в хвост самолета. Перелет длился более семи часов. Многих пассажиров тошнило. Гайдай стал еще сумрачнее, а выходя из самолета, буркнул коллегам по гастролям:

— Все-таки Стронгин был прав. Всюду бардак, и молчать об этом нельзя.

Мы остановились в вестибюле аэропорта в ожидании получения багажа. Улучив момент, я обратился к Леониду Петровичу:

— Мне очень понравился дуэт — Куравлев и Крамаров. Не собираетесь ли вы использовать его в других фильмах?

От неожиданности вопроса Гайдай вскинул брови:

— Не собираюсь. В моем плане фильм, где для них нет ролей, хотя я очень люблю обоих. Крамаров растет от фильма к фильму. Только спешит часто сниматься. Надо выбирать роли. Впрочем, он еще сравнительно молодой, неопытный артист, и выбирать ему особенно не из чего. К тому же есть такие колоссы, как Леонов, Никулин, Вицин, Моргунов, Пуговкин, Филиппов, Этуш, такой талантище, как Андрей Миронов. Но я знаю, что даже он не в милости у Лапина (начальник телевидения. — В.С.), нашего у артиста семитские черты. Я догадываюсь, что вы дружите с Савелием. Я тоже симпатизирую ему. Если бы он проявил себя в театре, мне было бы легче добиваться его утверждения на роль.

Тут объявили о приходе багажа нашего рейса, и мы с Гайдаем расстались. Мне показалось, что он недоволен не только сервисом в Томске, тяжелым перелетом, но и тем, что очередной фильм, прекрасно принятый зрителем, все-таки не стал новой вершиной в его творчестве. Успех его всегда состоял в умелом синтезе сатиры и эксцентрики, но, наверное, рамки сатиры в фильмах сужали, и это нервировало режиссера. О разговоре с ним я не решился рассказать Савелию, тем более что он уже не мог ничего решить в его судьбе, даже поднять ему настроение.

Я стал отговаривать Савелия от отъезда:

— Тебя знает вся страна! Помнишь встречу в «Березках»? Где ты еще будешь так любим, так популярен, как здесь?

Неожиданно Савелий напрягся, словно что-то неожиданное вошло в его душу, и внимательно посмотрел на меня:

— Мне никто еще не говорил такое!

Он задумался. А я, наверное, понял, почему никто из «друзей» не отговаривал его от отъезда. Одни хотели избавиться от талантливого конкурента, другие внутренне злорадствовали, наблюдая, как дошедшая до маразма тоталитарщина разбрасывается своими талантами.

Недругов Савелия я обнаружил вскоре после его отъезда, когда на сцене и экранах возник артист Ярмольник.

— Смотрите! — вопили они. — Появился новый Крамаров!

— Двух Крамаровых быть не может! — возразил я. — Как двух Ильинских! Двух Петров Алейниковых!

Многие поют песни Булата Окуджавы, даже голосово сильнее, но обаяние Булата Шалвовича делает его исполнение не сравнимым ни с каким другим. Очень близка к душевному настрою автора, по глубине проникновения в суть его песен, польская певица Марыля Радович, близка, но никогда не заменит самого Булата. Еще меньшее число певцов отваживаются исполнять песни Владимира Высоцкого. Надо столько пережить, сколько он, столько работать на сцене душевно и физически, чтобы занять хотя бы голос Высоцкого, а глубину мышления, чувств, сопереживания людям — никогда не удастся никому. Может, появится певец с не меньшим накалом чувств, со своей манерой пения и весьма неглупый, но это все равно не будет второй Высоцкий.

Меня забавляли бесконечные газетные и телеинтервью Иосифа Кобзона, обещавшего подготовить программу из песен Высоцкого. Его обещания остались пустыми словами.

Уезжал из страны Савелий Викторович Крамаров — единственный и неповторимый.

Неожиданно он поник и посмотрел на меня полными грусти и боли глазами.

— За последние три года у меня было двенадцать съемочных дней. Ты понимаешь, что это значит для меня?! Здесь мое творчество закончилось, — вздохнул он, и мне показалось, что спазмы сдавили его горло, заставив собираться с силами для дальнейшего разговора, — попробую себя в другой стране. Если что-либо значу как артист, то пробуюсь и там. Хоть в какой-то мере. В Талмуде говорится о людях-странниках. Вероятно, таким странником стану я.

— Я не заглядывал в Талмуд, — сказал я Савелию, — но представляю, что судьба странника тяжела и полна опасностей.

— А когда мне было легко? — вдруг улыбнулся он. — Когда было приятно жить и работать? В пяти-шести фильмах, в нашем телебенефисе...

Он говорил проникновенно о том, что прочувствовал, пережил, и я перестал перечить ему. Снова вспомнилась песенка из телебенефиса: «А мне опять чего-то не хватает». Песня действительно была о нем, о Савелии Крамарове, ему всегда чего-то не хватало — новых ролей, удовлетворенности своей работой, любимой жены, ребенка и... своего бассейна, о котором он мечтал, пусть даже крохотного, но своего, куда можно бултыхнуться в любое время. «У меня однокомнатная квартира и машина, этим ограничено мое благосостояние, — как-то заметил он мне, — неужели я не заслужил на свои деньги купить то, что мне хочется?!» Похожее говорил Федор Шалапин, когда у него реквизировали небольшой особняк на Садовом кольце, где ныне расположили его музей.

— Я никого не эксплуатировал, не грабил, я зарабатывал деньги своим голосом. Почему у меня отнимают мой дом?!

Необычные «странные» люди — всегда не хотели жить и думать как все. В результате их странствия по миру становились их судьбою.

Я понял, что главная причина, из-за чего уезжает Крамаров, не ограничение в жилплощади, не отказ в туристической поездке в ФРГ, как позже утверждали на киностудии, а приостановление его творческой жизни, которой ему не хватало как воздуха. Я не помню деталей нашего прощания. Помню, что в квар-

тире царила гробовая тишина, изредка прерываемая обычными в такой ситуации словами, пожеланиями удачи. Ведь тогда считалось, что люди, покидающие страну, уезжают навсегда. Мы в последний раз встретились взглядами, прямо посмотрели в глаза друг другу, потому что были всегда откровенны и честны в отношениях между собой, и, наверное, еще что-то большее связывало нас, что могут понять только «сыновья врагов народа», какими мы числились долгое время.

Савелий тихо прикрыл за собою дверь, а у меня екнуло сердце, я понимал, что закончилась добрая и неповторимая часть моей жизни, что от меня ушел друг, который ни разу не предал, не обманул меня, который ждал от меня добра, а я всегда старался не обмануть его ожидания.

Передо мною две фотокарточки Савелия, вышедшие массовым тиражом для поклонников кино и продававшиеся в киосках «Союзпечати». Это две разные фотографии одного человека. На первой из них фотограф уловил его мягкие и нежные интеллигентные черты, добрые, проникновенные глаза. На оборотной стороне посвящение: «Моему лучшему другу Варлену Стронгину». «Здесь я похож на Алена Делона», — с долей шутки говорил о себе Савелий. Вероятно, он должен был выглядеть таким красивым и благообразным юношей, если бы его детство сложилось нормально, если бы в кино на роли главных положительных героев требовались не так называемые «социальные типы» деревенско-пролетарского характера, зачатые родителями в революционных условиях злобы, нищеты и веры в коммунистическую утопию, сражавшиеся с природой и уничтожавшие

Савелий Крамаров

ее, и от этого страшного сумбура их лица приобретали суровость и неправильные, но кажущиеся мужественными черты лица.

На второй фотографии Савелий ближе к типу героев, востребованных советским кино, но его вызывающий полууголовный задор смягчает улыбка, и кажется, что в нем борются человечность с грубостью, вера в доброту и социалистически оправданная нахальность, которой никто и ничто не сможет противостоять.

Каким Савелий Крамаров станет в Америке?

Век живи, век учись

Напротив метро «Баррикадная» подвыпивший писатель Юз Олешковский взасос, как говорили тогда, целует молодую привлекательную женщину, не обращая внимания на спешащих в метро людей. Для меня — это смелый поступок, на который я, даже будучи сильно влюблен и пьян, никогда не решился бы, для меня это непозволительная раскованность, граничащая с безрассудством. Юзеф Олешковский — известный детский писатель, автор знаменитой повести «Кыш и Два-Портфеля». Его книгу выбросили из плана выпуска в издательстве, где она пролежала четыре года, и он без колебаний, как кажется внешне, решил испытать свою судьбу в Америке. Он при встрече в Доме литераторов упорно зовет меня с собой.

— Сколько лет находится твоя книга в «Советском писателе»?! — наступает он.

— Пять лет, — растерянно отвечаю я.

— Ну, выйдет она на шестой-седьмой год, издашь еще одну-две книги, и, извини, жизнь закончится, —

уверяет меня Олешковский. — Не дури, поедем в Штаты. Я не могу тебе ничего обещать, но там есть шанс, понимаешь, есть шанс стать человеком. Ты станешь нашим Вуди Алленом! Нашим, то есть эмигрантским, пока не научишься писать по-английски. Поедем, Варлен. Я уговариваю тебя, потому что жалею. Иосиф Дик назвал тебя в «Литературке» ведущим писателем в жанре сатиры. И он прав. Вуди Аллена печатает вся Америка, он снимает свои незамысловатые фильмы. Маленького роста, обыкновенных внешних данных еврейчик. А ты, выступая на сцене, взрываешь смехом залы! Здесь ты погибнешь!

— Не погибну, — серьезно отвечаю я.

— С голоду не умрешь, хотя кто что знает, но дорогу на телевидение тебе прикроют. Уже закрыли. Юмористическая мафия, эти бандиты, никогда не выдержат сравнения с тобой. Даже твой друг, Александр Иванов, которого ты не раз выводил из запоя, на мой вопрос, почему тебя вырезают из телепередач, сказал мне такое... Я не хочу тебя расстраивать. Поедем, Варлен!

— Не могу, — уверенно говорю я, — не могу доставить врагам такую радость. Есть еще веские причины, и их немало, поверь мне, Юзик.

Олешковский обреченно машет на меня рукой.

— Савелий Крамаров едет! На пустое место! Думаешь, его ждут в Голливуде? Смелый человек!

— Смелый, — соглашаюсь я, и Юз Олешковский отходит в сторону, чтобы возобновить атаку на меня при очередной встрече.

Я не стал ему раскрывать наши с Савелием секреты. Все лето Савелий упорно учил английский язык, не расставаясь с учебником даже на ялтинском

пляже. Готовился он к переезду в неизвестную страну очень тщательно. Было ясно, что наши соцбытовские проблемы не интересуют даже эмигрантов, живущих в новых материальных условиях, в стране, где в почете общечеловеческие ценности и действуют законы.

— Возьми для примера рассказы Михаила Зощенко, — предложил я, — стали нормально работать бани — и рассказ о плохой бане устарел, зато его произведения, высмеивающие общечеловеческие пороки — пьянство, жадность, лицемерие, предательство, воровство, глупость и другие им подобные, — злободневны по сей день.

Развивая проблему, Савелий рассказал мне один из самых популярных в Штатах анекдотов:

«Жена звонит мужу с курорта: «Скажи, пожалуйста, как поживает наша кошечка?» — «Сдохла!» — «Ой, какой ужас, и зачем ты говоришь об этом так грубо?!» — «А как надо?» — «Нужно было бы сначала подготовить меня. К примеру, сказать, что наша кошечка сидела на крыше, случайно упала и разбилась. Кстати, как поживает наша тетя?» — «Сидит на крыше!»

Я про себя отметил блестящую юмористическую точку анекдота, но не засмеялся, так как подумал, что вряд ли смогу написать что-либо похожее для Савелия. Нас, советских эстрадных авторов, десятки лет приучали к написанию фельетонов, монологов и куплетов лишь на социальные темы, к тому же значимые с точки зрения нашей идеологии. Анекдот, рассказанный Савелием, наверное, отнесли бы к «юмору толстых».

— Смешной анекдот, — наконец признался я, — но конферансье Саша Лонгин, уехавший в Канаду, не

смог там работать по специальности, хотя у нас в стране считался лучшим артистом в своем жанре.

Действительно, Александр Лонгин был разговорником от Бога, но путь на самые престижные площадки ему перекрывали действующие заодно властные коллеги — Брунов и Радов. Мастерство Лонгина было столь велико, что даже фельетон газетного толка, примитивный и набивший оскомину от лозунговости, он мог прочесть так, что его внимательно слушали зрители. Помню, как в эстрадной программе, поставленной режиссером Галем в Летнем зале Центрального парка культуры и отдыха, Александр Лонгин по прихоти режиссера едва ли не в конце программы (!) исполнял стихотворный монолог о неизбежности прихода светлого будущего. Осоловевшие от перенасыщенности концерта социалистической идеологией зрители все-таки внимали Лонгину, его убедительности и красоте чтения, а он, закончив монолог, от досады и гадливости сплюнул, прямо на сцене.

— Отличный был артист, — согласился Крамаров, — но он работал с авторами, писавшими серые произведения, точнее, то, что легко проходило инстанции, что устраивало начальство. Ему, конечно, трудно было перестроиться на русского канадского зрителя. Учтем его ошибки! — улыбнулся Савелий, чтобы поддержать меня и себя.

Мне хотелось помочь другу, я старался, очень, но каждую вторую мою репризу Савелий браковал, и весьма доказательно. Я почти не сопротивлялся, не отстаивал свой текст, на самом деле не зная, как его примут на Западе.

Вспомнил очень старый, но мало кому известный анекдот, вернее сценку приезжавшего в Москву

Пражского театра миниатюр, переделанную мною в анекдот. «Шестнадцатый век. Холл древнего замка. По холлу прохаживаются маркиз и звездочет. За ними следует лакей с подносом, уставленным бокалами с шампанским. Маркиз волнуется, у него с минуты¹ на минуту должен родиться ребенок. И он спрашивает у звездочета: «Что говорят по этому поводу звезды?» Звездочет выглядывает в окно и замечает: «Если у вас родится девочка, то вы проживете длинную жизнь, если мальчик, то немедленно умрете». Внезапно в холл вбегают служанка: «Маркиз! У вас родился ребенок!» — «Кто?!» — восклицает маркиз. «Мальчик!» — сообщает служанка, и тут же замертво падает лакей с подносом». Савелий откровенно, радостно смеется:

— Беру! Спасибо!

— Не за что, — оправдываюсь я, — это не мой анекдот.

— Зато очень смешной и наверняка неизвестный в Штатах!

Мне кажется, что я нашел ключик к тому материалу, что нужен Савелию. Отбросив все остальные заказы, тружусь только над этим фельетоном. Ведь это не только моя последняя помощь другу, но и своего рода прощальный подарок.

Работа закончена. Савелий доволен материалом. Я даже не напечатал его. Отдал текст, написанный от руки. И сейчас, по прошествии десятков лет, помню лишь одну репризу из него, и то лишь потому, что с нее начинался фельетон и мы долго работали над ней. «Я снялся в России в тридцати четырех фильмах, — тут же репетировал начало фельетона Савелий, проверяя, ложится ли текст на него, разговорен ли он, не перегружен ли лишними словами, — я играл дураков,

недоумков, недотеп и подумал, что Америка страна богатая, сильная, и станет ли в ней одним дураком больше или меньше — ничего с ней не случится!»

По большому секрету Савелий рассказал мне, что у трапа самолета его встретит импресарио Виктор Шульман и во главе бригады из русских артистов-эмигрантов пошлет по Штатам, Англии, Израилю, Австралии и Новой Зеландии.

— А сколько ты получишь за эти гастролы? — задал я типичный «совковый» вопрос, который в те времена считался элементарным и даже приличным.

— Двадцать тысяч долларов, — ответил Савелий, — это много или мало? За шесть месяцев выступлений?

— Не знаю, — покачал я головой.

— Бригада вроде получается неплохая, — сказал Савелий, — конференсье Марк Горелик — бывший ведущий Красноярского мюзик-холла, певцы Жан Татлян, Лариса Мондрус, Нина Бродская и я — единственный юморист, кроме Горелика. Минут десять буду читать твой фельетон, затем показывать пантомимы...

— А потом, что будешь делать потом, после гастролей? — поинтересовался я.

Савелий ответил осторожно, но без раздумий:

— Стану перебираться поближе к Голливуду.

Я облегченно вздохнул — Савелий мечтает о кино, значит, не погрязнет в эстрадных выступлениях.

— Ты надеешься на успех в кино? — прямо посмотрел я ему в глаза.

Он молчал, раздумывал минуту, потом медленно рассказал мне, что видел, как фильм с его участием смотрели шведы. Когда он появлялся на экране, они смеялись.

— Это еще ничего не значит, — наверное, чтобы не сглазить, испуганно произнес он, — шведы не знали русского языка. И над Пуговкиным смеялись. Он — мастер юмора величайшего класса. Он учил меня естественно чувствовать себя перед киноаппаратом. Играть роль, а не юморить. «Бог подарил нам природный юмор, — говорил мне Михаил Иванович Пуговкин, — мы должны точно сыграть роль, смыслово и актерски, по возможности — вдохновенно, и ни в коем случае не жать, не переигрывать». У меня здесь были отличные учителя — Вицин, Пуговкин, Леонов, Куравлев, Гайдай... — задумался Савелий и перевел разговор в другое русло, чувствуя, что расставание с замечательными коллегами начинает разъедать его душу.

Он пришел ко мне прощаться через неделю, а еще через неделю я узнал, что ОВИР отказал Савелию Викторовичу Крамарову в разрешении ехать в Израиль на воссоединение с родным дядей.

— Дядя, даже родной, не является вашим прямым родственником, — объяснили Савелию в ОВИРе, — родители, дети — другое дело, с ними воссоединение разрешается. Поэтому извините! Мы вынуждены отказать вам в выезде в Израиль!

Савелий непонимающе оглянулся вокруг, как бы ища поддержки у здравомыслящих и добрых людей:

— Но у меня нет других родных! Более близких, чем этот дядя! Нет во всем мире!

В ответ последовало молчание. Сурово и бессмысленно глядели на него серые овировские стены.

Пугал висящий на стене черепообразный портрет Феликса Эдмундовича Дзержинского, исполненный в черном цвете.

«Где-то поблизости должен быть портрет Сталина», — подумал Савелий и не ошибся. Проходя мимо актового зала, в который была приоткрыта дверь, он увидел на сцене, за столом президиума, на специальном постаменте бюст Ленина, и над ним, на стене, портрет Вождя и Учителя, правда, небольшого размера, ненамного больше семейной фотографии.

Чиновник, разговаривающий с Савелием, нервно теребил в руках его документы. Он понимал, что ситуация необычная, что израильский родственник Крамарова действительно самый близкий ему, к тому же пенсионер, а не работник МОССАДа, фигура не опасная. Другого еврея в таком положении выпустили бы в Израиль, но только не артиста Крамарова. По соответствующей линии из Госкино в ОВИР пришло грозное указание: ни в коем случае не выпускать Крамарова из России, даже если найдется у него в Израиле прямой родственник, и даже не один. В любом случае протянуть волокиту с выездом максимально. Сколько именно месяцев или лет — не указывалось. Значит, никогда или до особого разрешения.

Чиновник резко протянул Савелию документы, и тот машинально взял их, при этом лицо его посерело, потускнели глаза, поникла фигура, и чиновнику стало жаль любимого артиста, и если бы не обстоятельства, разделяющие их, он набрался бы смелости попросить у Савелия автограф, а сейчас мог сказать лишь то, что разрешалось правилами, но тут впервые в жизни чиновник смягчился.

- Можете снова подать документы.
- Когда?! — встrepенулcя Савелий.
- Ровно через год, — ответил чиновник.

— А разве через год что-либо изменится? Мой родной дядя станет вдруг прямым родственником? — выпучил глаза Савелий, обретая уверенность в себе.

Чиновник пожал плечами и улыбнулся:

— Существует такое правило. После отказа в выезде можно снова подавать документы только через год. Я сказал все, что мог.

— Понимаю, — буркнул Савелий, не оценив доброжелательства работника ОВИРа, и вышел из его кабинета.

Он сразу позвонил и рассказал об этом Маше, мне, Ахмеду Маликову, Волиным, Розовскому...

Все мы, как могли, утешали его. Я даже хотел пошутить, сказав, что теперь у него будет время лучше выучить мой фельетон, но хватило ума сдержаться. Слишком серьезная была ситуация. Рушились надежды человека, талантливого артиста, на продолжение творчества. И тут я жалею, что не предложил ему попытаться ворваться в американское искусство на английском языке. Хотя бы перевести на английский язык рассказ Шукшина «Ванька, ты как здесь?» или другой, другие, понятные американскому зрителю. Тогда Савелий мог бы рассчитывать на успех и у эмигрантского зрителя, и у коренного американского. Возникали широкие возможности: перевести хотя бы несколько шуток на испанский язык, наконец, на идиш или иврит. Но, увы, эта мысль пришла ко мне слишком поздно, когда Савелий увлекся, и одержимо, борьбой за выезд из России. Я понимал степень его разочарования. Погиб контракт с Шульманом, уходят самые лучшие для творчества артиста годы. Причина отказа Госкино была вполне понятна. На экранах тогда еще обширнейшего Советского Союза

крутились тридцать четыре фильма с участием Савелия Крамарова, а отъезд его, который в те времена приравнивался к предательству родины, слава богу — в моральном аспекте, а не в правовом — приводил к запрещению показа его фильмов. Савелия вызвал к себе один из кинодеятелей.

— Вы обиделись на то, что вам не дали туристическую путевку в ФРГ? Меня не было тогда в Москве. Я пустил бы вас куда угодно. Я дал указание выдать вам путевку в любую страну, которую вы выберете, — тут чиновник сделал паузу и осклабился, — но, конечно, перед этим заберите свои документы из ОВИРа. Желаю успеха! — умильно улыбнулся кинодеятель.

Хочу сделать уточнение — Савелию отказали не в туристической путевке в ФРГ, а в поездке в составе актерской группы поддержки наших спортсменов на Олимпийские игры в Мюнхене. Желание видеть Савелия в Мюнхене единогласно выразили все спортсмены, а отказ в поездке выглядел как факт недоверия артисту, боязни, что он останется в Германии, будучи недоволен своим положением на родине, где погубили его отца.

Савелий посчитал этот отказ оскорбительным для себя и дискриминационным, что и было на самом деле.

Савелий потом объяснил мне подвох, крившийся в предложении кинодеятеля.

— Понимаешь, одно дело, когда я еду на воссоединение с родственником, с семьей. На это существует законодательство. Меня можно пожурить, поругать. Но в Госкино уверены, что я останусь в ФРГ или Италии, куда поеду по путевке, и тогда меня, как перебежчика,

как Нуреева или Годунова, можно будет беспощадно смешивать с грязью. Я никогда не позволю себе подставиться с выгодой для них. Я, конечно, отказался от путевки! — твердо произнес Савелий.

В моем сознании едва возник вопрос — какая для него в этом будет разница, если главное — продолжать карьеру киноартиста, — возник вопрос и тут же исчез: Савелий любил своих зрителей, друзей, всех людей, знавших его как порядочнейшего человека, он даже мысленно не мог допустить, чтобы они подумали о нем как о предателе родины. Возможно, работники Госкино не заходили в своих пакостных мыслях столь далеко. Наверное, для них более важной была финансовая сторона, проблема проката фильмов с участием Крамарова. Остается он на родине — и проблема отпадает сама собой. Ведь им уже пришлось немало повозиться с первыми пятью выпусками мультфильма «Ну, погоди!», после того как один из трех его авторов — писатель Феликс Камов (Кандель) — уехал с семьей в Израиль. Они были вынуждены из титров копии каждого мультфильма, отпечатанного массовым тиражом, вычищать его фамилию. Я встретил Феликса за несколько месяцев до отъезда на улице Герцена, когда он уже находился в отказе.

— Иду забирать последние деньги из Центральной сберкассy, — со вздохом произнес он. — Жду разрешения на выезд, но когда оно будет, точно не знаю.

— В любой момент я помогу тебе, — предложил я, бывший еще в то время отчасти автором эстрады и еще зарабатывающий прилично. Помимо того, я учился с Феликсом в одной школе, в параллельных классах. Считал его эталоном честности и очень

талантливым автором. Он работал в киножурнале «Фитиль», редактором по художественным сюжетам. Я дважды приносил ему свои мини-сценарии, они ему нравились, но считались по тем временам острыми и не проходили инстанцию главного режиссера «Фитиля» Столбова. Я знал, что Феликсу очень благоволит основатель сатирического киножурнала Сергей Владимирович Михалков, и был удивлен, что даже при таком положении Феликс пытается покинуть страну.

— У меня зарубили книгу в «Советском писателе», — признался он, — несмотря на предисловие Михалкова! Понимаешь?!

— Чьи были рецензии? — поинтересовался я.

— Отказали Виктор Ардов и Георгий Мунблит.

— Те же рецензенты зарубили мою книгу, — сказал я, — к тому же Мунблит сначала дал положительную рецензию, а потом отказался от нее. Директор издательства Николай Васильевич Лесючевский специально держит их рецензентами для зарубки книг не угодных ему евреев.

— Вот видишь, — сказал Феликс, — здесь для меня нет никаких перспектив. И я еще должен думать о судьбе своих детей. А ты почему не едешь?

— Работаю, болеет мама... Постараюсь пробиться, — неуверенно вымолвил я.

— Ты просто еще не созрел для отъезда! — объяснил мое состояние Феликс Камов и поспешил в сберкассу, до закрытия которой оставались минуты.

Я, правда субъективно, но считаю, что оставшись в стране, Феликс достиг бы больших успехов, чем в маленьком Израиле. Это понял артист Михаил Козаков, вернувшийся из Израиля в Россию. «И там и

здесь хватает хамства, бескультурья, но Россия громадная страна, здесь больше интеллигенции и есть для кого работать», — сказал он мне. То же самое я думал о Феликсе, когда отговаривал его от отъезда. Мы расстались лучшими друзьями, и по прошествии многих лет, когда мои враги пытались в его глазах опорочить меня, он остановил их: «Стронгин был единственным человеком, который в самое трудное время предложил мне материальную помощь. Единственным!»

Для Савелия Израиль был лишь возможностью вырваться из страны, всеми своими помыслами он был в Америке, в Мекке мирового киноискусства — Голливуде. А дядю в Хайфе, старого бедного пенсионера, он хотел отблагодарить за помощь в детстве. Это тоже было его заветной мечтой.

Есть в жизни момент, положение, судьба, которые ты изменить не можешь, хотя бы в данное время. И у Савелия хватило сил отрешиться от уныния. Сегодня он изменить свое положение не может, а завтра... Завтра надо ковать сегодня. И чтобы привлечь к своему бедственному положению внимание общественности, в первую очередь иностранной прессы, телевидения, частных лиц, — Савелий создает Театр отказников. Как такового, в нашем понимании, ни театра, ни спектаклей не было. Поочередно на квартирах участников театра показывались концерты, объединенные мыслью вырваться из страны тоталитарного режима, и рефреном представления звучала фраза: «Кто последний? Я за вами...» Предприятие, как говорится, было рискованным. КГБ сразу же узнал о нем. У подъезда, в квартире которого игрался концерт, постоянно дежурили чекисты, видимо путем

подслушек узнавшие место и начало представления. На пленку фиксировались все люди, заходившие в подъезд. Но по сути дела, это были любительские концерты, билеты на них не продавались, антисоветские тексты не исполнялись. Артисты хотели продемонстрировать свое мастерство с единственной целью — чтобы о них узнал мир и помог им показать свое творчество на Западе. Закрывать их КГБ не решился, понимая, об этом сообщат «голоса», к чему артисты и стремились. Чекисты побаивались и своих сограждан, могущих валом повалить в места, где выступает их любимец Савелий Крамаров, неизвестно почему не снимающийся в новых фильмах и прекративший свои выступления на эстраде.

Я не видел ни одного представления Театра, но участников его знал хорошо, прежде выступая с ними во множестве концертов. Кроме киноартиста Савелия Крамарова, в них принимали участие: артист Театра имени Евгения Вахтангова Эрик Зорин, лауреат первой премии Всероссийского конкурса артистов эстрады конференсье Альберт Писаренков, третий лауреат конкурса — певица и разговорница Люда Кравчук.

Эрик Зорин — незаурядный характерный артист, склонный к перевоплощению на сцене, уже много лет числился в Театре Вахтангова в когорте молодых, у которых еще вся жизнь впереди, и по этой причине и, вероятно, другой, связанной со своей национальностью, не получал более-менее сносных ролей. Незаслуженное забвение иногда приводило Эрика к запоям. На телевидение его тоже не пускали. Эрик Зорин видел для себя просвет в творчестве

только на Западе, где в конце концов очутившись, с успехом показывал эмигрантам свои «Театральные встречи» — отрывки из спектаклей и эстрадные номера. Как говорится, успел вспрыгнуть на подножку последнего вагона уходящего поезда творческой жизни.

Конферансье Альберт Писаренков — невысокого роста, более похожий на русского, чем на еврея, умело вел концерты, блестяще исполнял буриме — специфический и очень редкий жанр на эстраде. По заданным из зала рифмам составлял стихи, подражая Пушкину, Есенину, Маяковскому, Евтушенко, Вознесенскому и даже Пастернаку. Номер имел потрясающий успех у зрителей, и, вероятно, Альберт, находясь в эйфории от этого успеха, стал халатно относиться к конферансным обязанностям. В результате много раз показанный на телевидении номер приелся публике, ждущей от эстрадного артиста чего-то нового и злободневного, а удивить ее Альберт ничем не мог, так как остановился в росте, что непозволительно и губительно для любого артиста. Возможно, это, вкуче с недовольством тоталитарным режимом, заставило Альберта Писаренкова повернуть свои стопы на Запад. Уже находясь в отказе, он вел концерты народного артиста СССР Муслима Магомаева, депутата Верховного Совета страны. Муслим и его жена Тамара Синявская буквально умоляли Альберта не уезжать из страны, обещали восстановить его прежнее положение на эстраде, похлопотать о присвоении ему звания, получении более благоустроенной квартиры, но все их идущие от души советы Альберт оставил без внимания. В Америке как артист он не

нашел себя, да трезво рассчитывать на иное было трудно. Влиться в американское искусство он не смог, по-моему, даже не пытался, его буриме вместе с ним приехавшие в Штаты эмигранты слушали, и по многу раз, на родине. Пришлось работать тамадой на эмигрантских свадьбах. Работа есть работа, но эта, малопrestiжная для артиста, не доставляла Альберту радости.

Актрису Театра отказников Людмилу Кравчук я знал лучше других, так как она часто работала номером в моих сольных концертах. Для исполнения моего монолога «Мона Лиза» она даже пошила специальное платье. Но в сольных концертах я сам исполнял этот монолог, и поэтому Люда выступала у меня как чистая вокалистка. Высокая, стройная молодая женщина, с приятными добрыми чертами лица, с красивым баритональным тембром, она за пятнадцать минут, отведенных ей на сцене, наполняла зал гаммой глубоких и самых разнообразных чувств, исполняя песни Окуджавы, русские народные песни, и даже городской романс «Две гитары» звучал в ее устах не по-кабацки вульгарно, а задорно, и был наполнен русской удалой любовью, высокочувственной, то грустной, то веселой. Ее особенно хвалили присутствовавшие на концертах отказников западные журналисты. «Фольк! Фольк! Зеер гут! О'кей!» — хвалили они ее, предсказывая успех на Западе, где народные песни любых народов принимаются хорошо. Даже предложение играть сольные концерты, что резко повышало престиж и материальный успех, не остановило ее желания ехать на Запад. Она была замужем за евреем — врачом из Вильнюса, но, как потом оказалось, этот

брак был фиктивным и для Люды, украинки по национальности, он был своеобразным «пропуском» на Запад. Они доехали до Рима, где благополучно развелись. И была в этой истории детективная тайна. О ней говорили в эстрадных кругах, но насколько она была достоверна — не знаю. Впрочем, не бывает дыма без огня. У Люды был серьезный роман с гитаристом Москонцерта, цыганским бароном. Узнав об их встречах, жена барона приказала зятюм заколоть мужа, что они и сделали, а Люде угрожала смертью, если она не сделает аборт от барона и вообще не сгинет с ее глаз. Гнал ли Люду на Запад постоянный страх за свою жизнь и жизнь дочери от первого мужа или, как она говорила мне, ей надоело мотаться по Москве с гитарой за одиннадцать рублей в вечер, стоять в очередях за сосисками и не иметь возможности купить дочери даже бананы, — сейчас выяснять незачем. После долгих мытарств она прекрасно устроила свою личную жизнь, живет в Мюнхене. В первые дни после ее приезда в Мюнхен она пела в доме старейшего белого генерала — участника Гражданской войны, растрогала его до слез, и на следующий день дверь ее квартиры не закрывалась, заносили генеральские подарки: телевизор, холодильник, мебель... Но вскоре пришло грустное письмо маме:

«Дорогая мамочка! Жизнь моя сложилась чудесно, но петь на сцене я больше не буду. Только для гостей. Я не умею двигаться на сцене, а без этого артисту, тем более певице, здесь делать нечего.

Передай сердечный привет всем, кто помнит меня. Если встретишь Варлена Стронгина, кланяйся ему.

Добрейший человек и отличный артист, работающий два часа на одном дыхании! Наши концерты остались в моей памяти, как земное чудо! Интеллигентный зритель, отличные залы, теплейший прием. Лучших друзей и зрителей, чем в Союзе, я никогда уже не встречу.

Твоя Люда».

Театр отказников оправдал свое назначение — всех отказников выпустили за границу. КГБ надоело возиться с группой настырных и целеустремленных артистов, но для этого им пришлось поволноваться и потрудиться немало. Вероятно, не последнюю роль в решении КГБ сыграло письмо Крамарова президенту Америки Рональду Рейгану: «Как артиста артисту». Мысль об этом пришла Александру Левенбуку. Я лишь рассказал Савелию о встрече Рейгана с творческой общественностью столицы, происходившей в Дубовом (ресторанном) зале Центрального дома литераторов. В левом углу зала (у камина) за столиком сидели Рейган и первый секретарь Союза писателей Владимир Карпов, оба с супругами. За другими столиками расположились писатели, художники, артисты, музыканты... Рейган, помимо общих вопросов отношений двух великих держав, сказал, что немалую роль в его победе на выборах в Штатах сыграло кино и именно те образы, что он играл в фильмах, — людей добрых, справедливых и мужественных. «У нас в Штатах почитают людей, которых знают, которым доверяют, — улыбнулся Рейган, глядя в зал, — и надеюсь, сидящие передо мною писатели и артисты, хорошо и с хорошей стороны известные народу, имеют неплохие шансы на выборах любого уровня».

Вряд ли мой рассказ повлиял на содержание письма Савелия американскому президенту. Уверен, что нет. Я сам его не читал, но знаю, что оно выглядело приблизительно так:

«Уважаемый господин президент Рональд Рейган! Обращается к вам популярный в Советском Союзе киноартист Савелий Крамаров. Я не переоцениваю свою известность. Стоит вам, гуляя с супругой по Москве, спросить у любого москвича, у любой старушки, даже если вам ее подставят и она окажется агентом КГБ, знает ли она Савелия Крамарова, то она обязательно откроет рот (даже будучи чекисткой) и скажет: «А как же?! Смешной артист! Много раз смотрела фильмы с его участием. Кого он только не играл! Президентов, секретарей ЦК партии, работников обкомов и вообще коммунистов. Ему такие роли не доверяли, учитывая его хулиганское и порою даже воровское кинопрошлое».

Уважаемый господин президент! Старушка, кем бы она ни была, даже министром культуры, скажет вам правду, но не всю. Действительно, зрители до сих пор смеются над героями моих фильмов, но лично мне самому сейчас не до смеха. Я не умираю с голоду, но не одним хлебом жив человек. И хотя хлеб у нас с вами разный и питаемся мы по-разному, но мы оба любим творчество и не можем жить без него. Поэтому помогите мне обрести в вашей великой стране возможность работать по специальности. Моя нынешняя великая страна, видимо, помочь мне в этом вопросе не может. Что же касается моего так называемого воровского прошлого, то это относится к героям, которых я играл в советских фильмах. А в действительности я верующий в Бога и вполне законопослушный гражданин, в чем

пытаюсь убедить Америку и лично вас, если вы не откажете мне в моей просьбе. У вас масса очень важных государственных забот, но я не сомневаюсь, что в вашей груди по-прежнему бьется сердце актера, всегда готовое помочь другому актеру, оказавшемуся в беде.

С искренним уважением к вам и супруге артист *Савелий Крамаров*, ждущий от вас ответа: быть или не быть ему актером в Соединенных Штатах Америки, в любом из них, но желательно в Калифорнии, в Лос-Анджелесе, по вполне понятной вам причине».

Савелий несколько раз направлялся к посольству Америки и прогуливался вдоль него с почтовым конвертом в руке. Однажды его остановил работник посольства и спросил, не может ли он чем-либо помочь ему. Савелий передал ему свое письмо. Говорят, что его трижды читали по «Голосу Америки», и не исключено, что Рональд Рейган обратил на него внимание и по своим дипломатическим каналам ускорил получение визы на въезд в Америку Савелию Викторовичу Крамарову. Ну а теперь от домислов и шуточного тона вернемся к суровой действительности. Столько сил, нервов, а порою и страха испытал Савелий за три года борьбы отказника на право выезда из страны, что не был физически и нервно готов к серьезной, продуманной подготовке для выступлений в новой для себя зрительской среде. Три года нервотрепки, сомнений, растерянности...

Старый контракт с Виктором Шульманом, разумеется, прекратил существование. Шульман предлагает новые условия – работать сольный концерт и... при меньшей оплате. Америка перенасыщена русскими гастролерами, и не только евреями. Все лучшее, что

осталось в русском искусстве — от классики до цирка и эстрады, — уже побывало за океаном. У Савелия выхода нет, и он соглашается на новые условия. Я считаю, что вступительный фельетон у него есть. Но оказалось, что, кроме меня, Савелий обращался еще к двум авторам — Хаиту и Жванецкому. По словам Левенбука, это делалось ради конспирации, чтобы КГБ не знал, кто помогает отказнику. На мой взгляд, наивное и ошибочное решение. Вступительный фельетон — лицо артиста, а мысли, заложенные в тексте, дают настрой всему концерту. К тому же, как говорили опытные мастера сцены, материалы артист должен брать из одного чемодана, то есть они должны быть одной, и высокой, культуры. Боюсь, что компот из разных реприз различных авторов не стал тем фельетоном, что мог сразу поднять концерт Крамарова на высокую ноту. Но вины его в этом я не вижу. Он обращается ко всем, кому верит, и главное — кто возьмется помочь ему. Вслед за фельетоном должны были прокручиваться ролики из его лучших фильмов, а затем следовать показ пантомим, довольно известных, даже из репертуара Аркадия Райкина, но очень смешных. Савелий приезжал ко мне домой и показывал пантомимы.

— Кто их ставил? — спрашиваю я.

— В основном... — мнется Савелий и называет фамилию очень среднего режиссера, — другие со мною занимались меньше. И я не мог от них требовать большего. Марк Розовский писал за меня письма Брежневу, в Министерство культуры и другие инстанции, Александр Левенбук помогал сочинять письмо Рейгану. И Марку и Саше я обязан по гроб жизни. А что пантомимы? Не смешные?

— Веселые, — уклончиво говорю я, хотя вижу, что они ему не удалось, что это вообще не его жанр.

Я понимаю, что времени до отъезда остается немного, Савелий долго учит тексты, и те мысли, что роятся в моей голове, там и остаются. Жалею, что не высказал их Савелию. Они могли бы пригодиться ему в Штатах. Есть непочатый край еврейского классического юмора. В этом легко убедиться, раскрыв сочинения Шолом-Алейхема. Еще работает последний еврейский театр на языке идиш под руководством прекрасного режиссера Якова Губенко. Он мог бы предложить и поставить Савелию один из монологов Шолом-Алейхема, из творчества которого Жванецкий не постеснялся заимствовать характер, стиль и интонации разговора героев. Уверен, что для Савелия Крамарова Губенко нашел бы отрывок из пьес Шолом-Алейхема и он шел бы в Америке с не меньшим успехом, чем в России рассказ Василия Шукшина. Еще в полную силу играл в театре артист Эммануил Нелин, учившийся в студии Соломона Михоэлса. Этот артист видел на сцене Михоэлса, Зускина в роли бадхена в спектакле «Фрейлехс». Нелин мог припомнить что-нибудь из репертуара великого еврейского комика. Но время для нововведений упущено. И нервы у Савелия Крамарова на пределе. Ему запрещены всяческие выступления. После его гастролей в сверхзакрытом городе нагоняй получает филармоническое начальство. Хвост тянется за Крамаровым от его дома до синагоги и далее повсюду, где он бывает. Иногда Савелию удается улизнуть от наблюдения, укрывшись в одном из подмосковных домов отдыха. Там рады, что у них

отдыхает знаменитый актер, что он общается с их отдыхающими. Естественно, денег за проживание и питание не берут. С помощью администратора Лени Дубницкого — смешного конферансье и доброго человека — Савелию удастся провести время в нескольких санаториях. Он бродит по своим любимым лесам, прощается с ними. Прощается со страной, которой отдал свою душу. Обида приводит к спазмам в горле. Но его слез не видит никто. Он приезжает ко мне домой.

— Уезжаю, теперь уже точно, — говорит он грудным взволнованным голосом и дарит мне две американские пластинки. — Надеюсь, там они мне не пригодятся.

Заходит в комнату к маме. Они говорят несколько минут. О чем — я не знаю. Савелий выходит из комнаты еще более грустным, чем был несколько минут назад. Вероятно, говорил маме о странствиях, которые ему предстоят, и мама пожелала ему счастливого пути, нахес (счастья).

Он был удивительно корректен, понимал ситуацию и на отвальную сам не приглашал никого, зная, что КГБ зафиксирует всех, кто придет провожать его. Буквально за день до отъезда он встречает на Маяковке своего бывшего коллегу по Театру миниатюр Эрика Арзуманяна. Несмотря на лето, дул сильный пронизывающий ветер. Кутаясь в воротники пиджаков, они говорили долго, но все темы сводились к одному — отъезду.

— Эрик, я уезжаю и больше сюда не вернусь, — говорит Савелий. — Я не могу жить в стране, где человека преследуют за его национальность и религиозные

убеждения. Как артист я получил от страны славу, уважение людей. Я этого никогда не забуду.

— Ты — народный артист и если останешься, то официально получишь это звание, — убеждает Савелия Эрик.

— Нет, — качает головой Савелий, — я уезжаю потому, что в детстве испытал то, что не пожелаешь даже врагу. Впрочем, я сам был сыном «врага народа». Неимоверная тяжесть детства гонит меня отсюда. Я не хочу, чтобы дети, если они у меня появятся, испытали то же самое. А это может случиться. Ведь я отныне странный странник. Загадочные мужчины нравятся женщинам. Не только в России. А здесь, сейчас? При своей грандиозной славе я не могу даже сниматься в кино. Меня гонят отсюда... Мне надоели роли идиотов. Всякая пьянь при встрече бросается ко мне и панибратски обнимает меня, как своего, как тупого пьянчужку. Я — другой человек, Эрик. Ты это знаешь. Я многое люблю здесь, я вырос на этой земле, но она словно горит под моими ногами, гонит меня аж за океан. Может, там повезет страннику?

Последний звонок Савелия. Голос его бодр. Видимо, бодрым и неунывающим он хочет остаться в моей памяти.

— А как твои вещи? — интересуюсь я.

— Антиквариат таможня не пропустила. Я оставил его Маше, хотя она уже замужем.

— Было удобно?

— Варлен, ты же знаешь, что у меня не было другой жены и нет. Прощай, дорогой, за все тебе спасибо! — еле доводит до конца он наш последний разговор.

Мне тоже трудно говорить с Савелием. Нечто больше дружбы и творческого общения связывало нас.

И мы тогда знали только одно, что люди, покидающие страну, уезжают навечно. Поэтому в машине у Шереметьева, за час до отлета самолета, сидят Савелий, Маша, Ахмед Маликов, Неля и Оскар Волины и все плачут, горько и обреченно, не скрывая слез.

Савелий становится странником

Вид у авиапассажира Савелия Крамарова был весьма непрезентабельным. Чего стоила одна заштопанная кепка. Уезжает совершенно нищий человек — можно было подумать. Никто не знал, что в этой кепке он снимался в своем любимом фильме: «Друг мой, Колька!» И она служила ему своеобразным талисманом. С ним было два полупустых чемодана, где находились пара концертных рубашек, галстуки, лакированные туфли, рубашка и брюки на каждый день и, разумеется, зубная щетка и паста. Но вскоре один из мальчишек, разгуливающий по проходу автосалона, разглядел под заштопанной кепкой, надвинутой на лоб дремавшего человека, популярного актера Савелия Крамарова. Слух об этом мгновенно облетел самолет. Понурые, расстроенные люди, еще час назад потерявшие родину, которая была им матерью и мачехой, оживились: с ними летит сам Савелий Крамаров! И не на гастроли, а, как и они, навечно, будет жить в другой стране.

Значит, не так страшна эта новая жизнь, если ее выбрал их любимец. Ему как артисту местная еврейская община, конечно, окажет предпочтение, но мысль о том, что где-то рядом будет Савелий Крамаров, согревала их души.

Если бы вместо него в самолете сидел не сходящий с телеэкрана певец, то они поняли бы, что он — любимец властей — едет обслуживать с концертами контингенты советских войск в Европе и ему нет никакого дела до сидящих в самолете людей, поскольку они не будут его зрителями, а Савелий Крамаров — добрый человек и улыбается так, что из сердца уходит самая глубокая тоска.

Загудевший авиасалон разбудил Савелия. Он отстегнул привязные ремни, приподнялся с места и услышал: «Шалом, Савелий!» А затем услышал дружные аплодисменты. Это были его первые аплодисменты за границы. И они подняли его настроение и настроение пассажиров. По салону самолета забежали стюардессы и переодетые в стюардов чекисты, обоеспкоенные необычным поведением пассажиров, не удрученным и грустным, а веселым, словно впереди их ждали райские кущи.

Тридцать первого октября 1981 года самолет приземлился в Вене. Здесь его встречал импресарио Виктор Шульман. Они обнялись. Савелий — от души, крепко, Виктор — формально и настороженно, точно еще не зная, какие сборы сделает Савелий. Виктор накормил Савелия, снял ему номер в гостинице, чтобы он выспался после перелета. Но, увы, сон не принес Савелию желанной бодрости. Снились страшные рожи чекистов, проверяющих паспорта у зрителей, идущих на спектакли Театра отказни-

ков. Кагэбэшников не смущали даже вызванные Савелием иностранные журналисты, фиксирующие происходящее на видеопленку. Затем возник восседающий почему-то на высоченном стуле директор «Мосфильма» Сизов, методично швыряющий в Савелия острые, как камешки, слова-угрозы: «Заберите визу на выезд! Немедленно! И вы получите звание народного артиста! И перестаньте мотаться в синагогу! С сегодняшнего дня! Не разыгрывайте из себя верующего! Это вам не поможет!» Савелий хотел сказать, что он действительно искренне верит в Бога. И поможет в жизни ему не Сизов, а Бог, но язык то ли от волнения, то ли от страха прилип к гортани. Сизов спрыгнул с высоченного стула, неудачно упал и забился в конвульсиях. Савелий выскочил из его кабинета и проснулся. Он тогда не знал, что Сизов был уверен, что Савелий не откажется от его предложения, и уже был подписан приказ о новом звании и долго лежал на столе киновюрократа даже после отлета Савелия, который никогда в жизни не узнает о том, что официально был народным артистом СССР, пусть несколько недель, но был.

Савелий уже чувствовал себя жестким профессионалом, смело выходил на сцену, не сомневаясь в успехе, в общем успехе выступления, хотя знал, что его появление на сцене сопровождается шквалом аплодисментов — благодарностью за его киноискусство, а уход — аплодисментами приличия блестящему киноартисту, решившему на веселой ноте побеседовать со своим кинозрителем. Ударного номера в его концерте не было. Пантомимы не оказались таковыми. И Шульману показалось, что он приехал не готовым для выступления за границей, тем более он удивлялся

этому, зная трудолюбие Савелия и тщательную работу с репертуаром.

Начало концерта не предвещало однообразия и скуки. Савелий появлялся на сцене в брюках с порванным ремнем, в рубашке без рукава и тапочках: «Дамы и господа, извините за мой необычный вид. Это все, что оставила мне московская таможня». Далее шла переделанная для Европы моя реприза. «В России мне приходилось играть дураков, пьяниц, хулиганов, забудыг, и мне очень приятно, что вы встретили меня, как своего родного человека». Зал улыбался, а далее... Крамаров ничем не удивлял его. «Нужен хеппенинг! Нужен хеппенинг! — ворчал Шульман. — Это не мои слова, а Питера Брука, двоюродного брата режиссера из Театра сатиры Плучека. Этот Плучек писал в анкетах, что у него нет родственников за границей. А в Лондоне жил его брат — известнейший в мире режиссер, лучший постановщик пьес Шекспира. Наверное, Плучек считал себя не менее талантливым, чем зарубежный братец. Черт разберет, кто из этих братьев гениальнее и кто из них носит свою фамилию, является ли по метрике Плучек Бруком или Брук Плучеком, но именно английский Брук писал, что зритель, приходя в театр, должен удивиться или пьесе, или ее режиссерскому решению, или необыкновенной игре актеров. Иначе он не получит хеппенинга — удивления и жизнь его по-прежнему останется однообразной, скучной, и он поймет, что зря выбросил деньги за билет!

— Что же делать? — побледнел Савелий.

— Ты взял с собою фонограмму своей песни из телебенефиса?

— Нет.

— О чем же ты думал?

— Готовился к гастролям... Как мог... — растерянно пролепетал Савелий.

— Обычная история, — вздохнул Шульман, — едущие сюда русские артисты не учитывают, что эмигранты быстро впитывают новую культуру, новый быт, социальные новшества. Здесь нет растяп, простофиль, недоумков... Они есть, но над ними не смеются. Их просто не возьмут на работу. Определят в благотворительное учреждение. Не более.

Савелий почернел от переживаний, от жестокой правды и пожалел, что не подумал об этом, что не зашел посоветоваться с Евстигнеевым, Леоновым, Вициным... Ведь из всех пантомим на публике пользовалась успехом только та, чье решение подсказал Георгий Михайлович. Хирург во время операции наматывает на руку кишки человека, а потом бросает их обратно в полость живота, при этом выпучивая глаза, покачиваясь от выпитого и делая вид, что пьяному и море по колено. Самое невероятное нашло форму сценически оправданного условного выражения. Савелий обескуражен.

— Может, вместо части пантомимы рассказывать о том, как препятствовали моему выезду из России? — предлагает Савелий.

— Уже лучше, — говорит Шульман, — но это надо рассказывать с улыбкой, с анекдотами. Где ты здесь найдешь автора? Надо придумать неожиданную концовку. Пусть крошечную, но неожиданную! — требует Шульман.

— Конечно, — соглашается Савелий. Он берется за новую и мучительную профессию автора. И через неделю вместе с Шульманом придумывает концовку,

иронически оправдывающую приглашение зрителей на свой концерт.

«Спасибо за то, что вы пришли, — говорит Савелий, — а могли бы и не прийти. Сэкономили бы десяток шиллингов. Но зато! — с пафосом говорит он. — Но зато вы до конца жизни не узнали бы, что Савелий Крамаров — еврей!»

Кто-то из зрителей улыбается, кто-то смеется и даже аплодирует.

— Гут! Зеер гут! — хлопает Савелия по плечу Шульман. — А я уже собирался разрывать с тобою контракт! Теперь еще поработаем...

«Сколько времени?» — не терпится узнать Савелию, но он сдерживает любопытство и только сейчас понимает, какому риску подвергал себя, рассчитывая за границей выехать только на эстрадных выступлениях. Сольный эстрадный концерт надо готовить годами, и вообще эстрада — не его дело. Бешеные аншлаги в России — это дань ему, киноартисту, желание увидеть его «живым». Надо было еще в России налаживать зарубежные киносвязи, искать себе другое амплуа. Он часто вспоминал американские фильмы, увиденные в детстве, после войны, вспоминал сюжеты, эпизоды, но не находил там места ролям, что играл в Союзе. Там другая жизнь, там не надо высмеивать и воспитывать высокопоставленных дураков, их никуда не выберут и никуда не назначат, а хулиганам, да еще чокнутым, место — за решеткой или в тюремной больнице, где лечат принудительно.

Но Савелий, не снижая накала мысли, фантазии, и в американском кино представлял себя неудачным влюбленным, хорошим, но нелепым человеком, над

странностью которого смеются, но не зло, а соперничая герою. «Странствия мои еще не закончены, — думает Савелий, — заработаю немного денег в Европе и начну перебираться поближе к Голливуду».

Савелий вспоминает трогательную и щемящую душу сценку в аэропорту Шереметьево. К очереди, регистрирующей билеты в Америку, неожиданно и несмело подходит его знакомый — бывший конференсье Гарик Беленький. Рядом с ним жмутся его жена и сын. Савелий знал Гарика как конференсье, читающего позитивные гражданские фельетоны. Когда в «Москонцерте» редактор по эстраде Маргарита Зосимовна Парфенова узнала, что он собирается в Америку, то упала в обморок, и к ней пришлось вызывать «скорую помощь». Беленький, впавший в уныние, не видит Крамарова — наверное, ушел в думы о предстоящем бытии. Неожиданно перед ним возникает здоровенный одессит с походкой и повадками биндюжника. Он несколько секунд удивленно смотрит на жалкую, с его точки зрения, троицу и обращается к Гарика:

— Специальность есть?

— Нет, — лепечет Гарик.

— Тогда сдохнешь, к чертовой матери! — сквернословит одессит и проходит мимо.

Гарик сгорбливается, слезы выступают на его ресницах. Савелий решает подбодрить его:

— Привет, Гарик! Летишь в Штаты?

— Ага, — еле выговаривает Гарик.

— Молодец! Здорово! — говорит Савелий.

— Ты думаешь? — удивляется Гарик.

— Не сомневаюсь! — бодро говорит Савелий. — Ведь у тебя была своя машина!

— «Москвич» старой модели, — грустно произносит Гарик.

— Не играет роли! — восклицает Савелий. — Поначалу устроишься в таксисты!

— Я тоже так думаю, — неуверенно выдавливая из себя Гарик.

— Еще отвезешь меня в Манхэттен! — улыбается Савелий.

— Ты тоже собираешься в Америку?! — оживляется Гарик, а за ним веселеют жена и сын.

— А как же?! — гордо заявляет Савелий. — До встречи в Штатах!

Они встречаются через десяток лет в Сан-Франциско, где Гарик владеет русским книжным магазином «Арлекин», выпускает одноименный журнал. А начинал, как и предполагал Савелий, таксистом. Трижды наган бандитов впивался в его затылок, а однажды он сам бил головой о крыло машины бандита, пытавшегося отнять у него выручку. Постепенно осваивал работу импресарио. Горел до последнего цента, брал ссуду в банке и вновь начинал с нуля. Привез из Одессы капустник артистов одесского Театра музыкальной комедии: «Ша! Мы едем в США!» К первому дню гастролей было продано десять билетов. Тогда Гарик, остановив автобус посреди Брайтон-Бич, заставил выйти из него артистов и пойти перед автобусом, и тут же раздались восторженные крики бывших одесситов: «Валечка Сатосова! Ленечка Крупник!» Через два часа местные магазины, закрыв гастрономические и другие отделы, торговали только билетами на одесский капустник. Позднее Гарик возил по Америке Геннадия Хазанова, Софию Ротару и стал вполне уважаемым русским американцем. Но

Савелия удивляло, что, несмотря на удачную ныне жизнь Гарика, на то, что он помог перебраться в Америку семье умершего в России соавтора, лицо Гарика Беленького часто грустнело, и, вероятно, потому, что он навеки расстался с любимой профессией — артиста. Савелий даже не помышлял об этом. Путь его лежал в Лос-Анджелес. Чтобы освоиться с киногородом, он зашел на представление, устраиваемое ежедневно студией «Юниверсал пикчерс», показывающей зрителям самые сложные кинотрюки, в том числе крушение поезда, нападение на него индейцев, танец привидений, мастерски инсценированный при помощи лазеров и другой супертехники.

А вот шоу «Дикий Запад» разочаровало его — непродуманное, без четкого сценария, оно состояло из набора примитивных сценок, имитирующих жизнь Дикого Запада прошлого столетия. Редкие номера вызвали смех у явно скучающих зрителей. Много шума, выстрелов, пьяной болтовни, даже женщина, пьющая и стреляющая не хуже мужчины, играла столь нарочито, с таким нажимом, что даже неискушенному зрителю ее роль казалась фальшивой. Закончилось шоу. Его исполнители, не рассчитывая на аплодисменты, даже не вышли на поклон и стали восстанавливать разрушенные ими декорации. Савелий удивился, что в Америке может быть столь низкое искусство. Значит, здесь, как и в России, есть искусство с большой буквы и с маленькой, но, видимо, для настоящего творчества здесь больше возможностей, в чем через несколько минут он убедился, попав в небольшой зал, где кукла Авраама Линкольна исполняла отрывки из его речи на объединительном конгрессе Севера и Юга. То, что Савелий увидел на сцене, поразило его,

и вскоре он вместо куклы увидел живого, неистового Линкольна, уверенного в своей правоте, несущего свои слова из глубины души, настолько убедительно звучал его голос, настолько синхронно, как у живого человека, открывался и закрывался рот, в ритме речи двигалось его тело, поднимались и опускались руки. Так мог говорить только человек, обуреваемый добрыми, высокогуманными чувствами. Техника этого номера была на грани фантастики, даже переступила ее, оживив давно почившего человека и сохранив при этом его темперамент, силу слов и обаяние ума. Зрители, даже не знавшие английского языка, слушали Линкольна замороженно и когда он закончил свою речь, даже не спешили расходиться, находясь под сильным впечатлением от увиденного и услышанного. «Я, наверное, не сыграл бы так», — подумал Савелий и даже испугался, осознав, что, по сути, робот может сыграть столь блестяще трудную историческую роль. Его успокоило, что, наверное, это стоит бешеных денег и все-таки дешевле и проще приглашать на роли в фильмах живых артистов. Потом Савелий прошелся по улице, где оставили свои отпечатки рук или ног величайшие мастера американского кино. Вот и старая знакомая, принцесса его детства — Дина Дурбин. Вот современный киногерой, оставивший на асфальте свою мощную пятерню, Шварценеггер. Савелий остановился у его своеобразного автографа, не подозревая, что вскоре жизнь сведет их в одном кинофильме.

Савелий разыскивает Олега Видова — своего старого знакомого. Они снимались вместе еще в «Джентльменах удачи». Олег Видов искренне обрадовался, увидев Савелия. Во-первых, как старого знако-

мого из России, честнейшего человека, далекого от киноинтриг и кинопарткомов, а во-вторых — актера, чья судьба походила на его собственную и не случайно привела его в Голливуд. Американцы дружелюбны к эмигрантам, даже талантливым, зависть редка у них, ведь талант не купишь, бесталанного человека ни за какие деньги не раскрутишь на телевидении, тем более — в кино, где на одну роль претендуют десятки отличных артистов. Но американцы предпочитают отсиживаться на своих виллах и если дружат, то, как правило, между собою. Олег и Савелий обретают друг друга. В Голливуде образуется крошечная, но теперь не разлей вода компания русских друзей-артистов. Блестящим кинооператором проявил себя здесь Михаил Суслов, снимавший еще в России фильм «Шестое июля». Но он в Голливуде уже давно, обзавелся своей компанией, тяготеет к родному брату Илье — в прошлом знаменитому основателю «Клуба 12 стульев» «Литературной газеты». Илья женился на американке, работает в офисе, связанном с подбором русской прессы для администрации Клинтонна. У них своя компания, у Олега и Савелия — своя. Белой завистью позавидовал Савелий Олегу лишь в одном — его прекрасному знанию английского языка. Савелию поможет еще один русский артист — Илья Баскин, а также главный редактор популярной в Америке русской газеты «Панорама» Саша Половец. Эмигрантские судьбы сближают людей самых разных профессий. По русскому кабельному телевидению программу «Вести» ведут один из наших лучших дикторов Владимир Ростов, Марина Бурцева, Наум Демарский, воскресную «Панораму событий» представляет бывший крокодиловец и известинец жур-

налист Владимир Надеин, которому часто помогает Давид Гай, знакомый москвичам по своим публикациям в «Вечерке». Успевает, и при этом еженедельно, выступить в развлекательной программе «Канотье» танцующая и поющая там Елена Ханга, ведущая у нас непривычную передачу эротического направления «Про это». К выпускнику Московской консерватории и дирижеру симфонического оркестра в Сан-Хосе Леониду Грину ежегодно приезжает выступать его друг Владимир Спиваков — художественный руководитель всемирно известного ансамбля «Виртуозы Москвы». Привозит свои новые фильмы Эльдар Рязанов. Не уступают заокеанским хоккеистам десятки их русских коллег из НХЛ. Появились первые советские литовского происхождения в баскетбольной профессиональной лиге: Сабонис, Марчюленис, Карнишовас...

Среди развлечений американцев спорт занимает заметное положение, но с ним, выражаясь языком спорта, с большим отрывом в очках конкурирует кино. Единственная Академия кино существует в Америке, и фильмы, получившие «Оскара» — ежегодную премию Академии, — являются эталонными в мире, не обязательно по сделанным ими сборам, а по художественности, гуманности замысла и мастерству его воплощения. Отмечаются успехи в нескольких десятках номинаций — от лучших первых и вторых актерских ролей (мужских и женских) до работ по звуку, свету, монтажу и т. п. И если у нас число кинотеатров постоянно уменьшается, то в Штатах даже в маленьких городах работает несколько кинотеатров, и они полны начиная со второй половины дня, когда кончаются занятия в колледжах и университетах,

работа на фирмах и предприятиях. Кино – художественный и моральный идол Америки. Порнофильмы можно посмотреть только по кабельному каналу (за отдельную плату), с определенными ограничениями показа интимных отношений. Если закрыть порноканал, то начнет действовать подпольная киноиндустрия, без запретов на что-либо, и нанесет намного больше нравственного и морального вреда зрителям, чем нынешнее кабельное телевидение. Обжегшись в двадцатых годах на введении сухого закона и памятуя, что запретный плод сладок, американцы пошли по иному, более разумному пути.

«Мне нечего делать в Голливуде, – сказал в одном телеинтервью Никита Михалков, – там все уже придумано». Можно взять под сомнение высказывание нынешнего мэтра режиссуры, так как кино и любой вид искусства не имеет пределов совершенства. Я уже говорил о русских продюсерах начала века – Голдвине и Мейере, создавших одноименную киностудию, снявшую ряд великих фильмов. Не обладая историческими материалами о развитии киноискусства в Америке, не сомневаюсь, что русские занимают там достойное место. И вполне удачной можно считать снятую в Америке кинокартину Андрея Кончаловского «Женихи для Марии» (по рассказу Андрея Платонова). А первопроходцами среди русских киноактеров последней волны, безусловно, являются Олег Видов и Савелий Крамаров. И не случайно схожи их судьбы, не случаен выезд за океан – в Мекку киноискусства, где, как сказал Олег Видов, можно проверить, что ты стоишь как артист на самом деле, как предан кино, каковы твои человеческие качества – талант, выдержка, трудолюбие... Ведь Дастин Хофман ждал своего дебюта

в Голливуде целых восемнадцать лет, репетируя самостоятельно и не теряя актерской формы.

Детство Олега Видова, как и Савелия, выдалось нелегким. Мать — учительница — работала в Монголии. Тяжелые природные условия, перебои со снабжением. Будучи пятилетним ребенком, видел, как капитулировала японская Квантунская армия. Потом перебрался с матерью в Германию и, можно сказать, жил в двух мирах.

В Казахстане, вдалеке от центров культуры, его воспитывала тетушка. Там же он смотрел послевоенные трофейные американские фильмы, где, в отличие от социалистического реализма, увидел реальную жизнь людей, с добротой и ложью, смелостью и трусостью, обывательщиной и романтикой. Его привлекали герои добрые и романтичные, и он мечтал сыграть их в кино, а начал с роли в кинокартине «Джентльмены удачи», где и познакомился с Савелием еще до съемочной площадки. Ну а первым фильмом, где был занят Олег Видов, являлся «Друг мой, Колька!». Только Савелий играл в нем роль, а Олег был занят в кинообслуге. Затем трудился слесарем-электриком на строительстве Останкинской телебашни. В 1961 году — счастливейшем в его жизни — Олег принят во ВГИК. На третьем курсе его пригласил сниматься в своем фильме режиссер Басов. Руководство ВГИКа было против, сказали: или учеба, или съемки. Олег не принижал для себя значение учебы, но решил, что съемки будут лучшим познанием киножизни, чем лекции в институте. В результате Олега выгнали из ВГИКа с треском, с проработкой на комсомольском собрании. Но его не сломили никакие угрозы, он считал, что пришел

в кино сниматься, и наградой за целеустремленность послужило приглашение Эраста Гарина в фильм «Обыкновенное чудо» на роль медведя. Эраст Гарин оказался добрым покровителем Олега — и учил его играть, и поддерживал в жизненных перипетиях. Тут спохватились во ВГИКе, увидев, какого студента теряют, и взяли сразу на четвертый курс. В год окончания ВГИКа сыграл в «Сказке о царе Салтане». И был сразу замечен многими режиссерами. Но, видимо, соперники по ролям романтических героев посчитали, что юного артиста снимают слишком много. Предложений сниматься в России больше не было. Но неожиданно Олег потребовался для съемок кинематографистам Швеции и Дании. Госкино нужна была валюта, и его отпустили, точнее, продали за приличную сумму, установив ему оплату наподобие суточных. В Каннах фильм с его участием увидела знаменитая Ширли Маклайн и похвалила игру Олега. Ее оценка и приглашение из других стран укрепили его веру в себя, в выбранный путь артиста кино. А роль в фильме «Всадник без головы» вселила в него надежду на успех, где он сыграл одухотворенно и без дублера лихо скакал на коне. Вскоре на Олега Видова пришел в Госкино новый контракт из-за рубежа, но начальство, вероятно, посчитало, что это может привести к появлению в стране кинозвезды международного масштаба. «Играйте здесь!» — сказали ему, но ролей не предлагали. Находился в простое годами. Не понимал, почему не пускают играть за рубеж, когда не снимают на родине. Завидовал иностранным артистам, которые сами выбирают свою судьбу, а наши вынуждены играть в кинокартинах слабых и конъюнктурных, лишь бы сниматься. Не отпустили даже на

роль Есенина, о которой он мечтал. Как спасение от уныния и разочарования пришла любовь. Женился на югославке, приятной и доброй девушке. Остался в Югославии, но по условиям советского гражданства должен был вернуться на родину через восемнадцать месяцев. За этим следили не столько в Югославии, сколько чекисты в СССР. На выезд дали семьдесят два часа. Друзья посоветовали ему перебраться через границу в Австрию. Ночь для перехода границы оказалась на редкость удачной. Где-то и кем-то другим была нарушена граница. Пограничников бросили на поиски перебежчика, и, кажется, он даже сильно пострадал. Остальные пограничники, оставшиеся на заставе, смотрели по телевизору футбол. Находясь в ажиотаже от интереснейшего матча, они не проверили у Олега документы и даже подняли шлагбаум, тут же снова бросившись к телевизору. В Голливуде судьба сложилась удачно, но не сразу. Одержимо учил английский язык. Только через полтора года среди шестидесяти конкурентов был отобран по кинопробе на большую роль разведчика из Союза. Играл ее на английском языке. Без акцента. И даже на чисто русского похож не был. Прошел, как говорят коллеги, чисто. Играл с Шварценеггером. Профессия киноактера в США во всех отношениях элитная, не говоря уже об оплате. Фильм «Дикая орхидея», где Олег играл одну из главных ролей, прошла в Штатах с огромным успехом. Партнеры по фильму Арнольд Шварценеггер и Микки Рурк относились к Олегу тепло, с участием, понимая, какой путь он прошел к своей роли, так как на своей шкуре испытали, сколь он труден и тяжел, особенно когда начинаешь с нуля. Американцы полюбили Олега Видова, а мы только

через десять лет после его эмиграции начинаем понимать, какого большого актера потеряли.

В телеинтервью советскому телевидению Олег сказал, что часто в его зарубежной жизни были и бывают минуты отчаяния, сомнений, но не в избранной кинокарьере, а в правильности и точности сыгранной роли. Иногда томит душу тоска по родине. Тогда он подходит в своем доме к окну, выходящему в дремучий лес. Глядя на эти своеобразные причудливые джунгли местного значения, забываешь о черных моментах жизни, хочется писать стихи, читать классическую поэзию. Она много раз спасала и спасает его в черные моменты жизни. И еще помогают звонки Савелия Крамарова. Встречи с ним — всегда радость. Как бы ни складывалась его жизнь, он всегда найдет силы для улыбки другу. От него исходит тепло, надежда, как от родного человека, как от родины. Он для Видова — представитель родины, но честной, доброй, справедливой, цивилизованной во всех отношениях, о какой он мечтает.

Олег знал, что Савелию труднее устроиться в Голливуде, чем ему. Для русского комика, говорящего по-английски с акцентом, роли в Голливуде единичны, возникают скорее случайно, чем закономерно.

До меня доходят слухи, что Савелий учит в синагоге молиться приезжих евреев. Он сокрушается, что они в большинстве оторваны от религии, не знают, что всеми нашими помыслами управляет Бог, который дает жизнь и ведет по истинному пути. Для него самого этот путь оказался труднейшим. Были нервные срывы. В минуту отчаяния звонит в Москву Марку Розовскому. Среди ночи. Три часа. Самый крепкий сон. Марк, уставший за день, с трудом поднимает трубку.

— Я слушаю.

— Здорово, Марк! — раздается звонкий голос Савелия и звучит громко и четко, как будто раздается из соседней комнаты. «Кто это?!» — испуганно поднимает голову жена.

— Савелий. Я слушаю, Савелий, что стряслось?

— Все в порядке! — кричит Савелий. — Я хотел узнать, какой у тебя номер джинсов? Или советский, или американский. Я сориентируюсь!

Марк в растерянности. У него неприятности с выходом за границей сборника «Метрополь». На Марка давит первый секретарь Московского отделения Союза писателей Феликс Кузнецов, пытается выяснить, кто организатор крамольного сборника. Марк посылает телеграмму Кузнецову, в которой разрешает Союзу писателей снять из сборника свою статью о театральные российские дела, если она не нравится руководству. Нужного Кузнецову ответа не дает, и давление на Марка продолжается — закрываются постановки, запрещено печатать его произведения. А тут звонит Савелий Крамаров. Из Америки. Телефон явно прослушивается. Радисты точно фиксируют текст, возможно, принимая его за кодовое сообщение. «Черт с ними, — думает Марк, — дружба важнее».

— Как у тебя дела? — спрашивает Марк у Савелия.

— Нормально. Но ты не назвал номер джинсов. Подвертывается оказия. Я смогу переслать.

Марк наконец называет Савелию размер своих джинсов.

— За все спасибо! — заканчивает разговор Савелий, в голосе которого звучат и радость от услышанного голоса друга, и тоска, и грусть, и все-таки неиссякаемая крамаровская надежда, иногда на грани отчаяния.

Один из столпов русской литературы писатель Василий Аксенов, работающий профессором славистики в Вашингтонском университете, приезжая в Москву на каникулы, рассказывал, что в Америке он радовался, если ему звонили один-два раза в неделю. А в Москве его телефон работает не остывая. То же происходило в Штатах и с другими эмигрантами. В результате у русских эмигрантов, не живущих компактно, создается впечатление, что они никому не нужны и о них забыли. Наверное, исключением может служить только Александр Солженицын, избегавший в Вермонте встреч с земляками и журналистами. В ближайшем с его домом кафе висело объявление: «Дорогу к Солженицыну не показываем». Кроме Виктора Шульмана, Александра Лифшица, бывшего в России популярным эстрадным артистом и ставшего в Америке программистом, актера Ильи Баскина, позднее — Олега Видова, редактора газеты «Панорама» Александра Половца, поддерживавшего творчески не очень удачные первые выступления Савелия, ему даже побеседовать, посоветоваться, порою и перемолвиться словом было не с кем. Иное дело — гигант поэзии и духа нобелевский лауреат поэт Иосиф Бродский. Его мнение очень высоко ценили американские писатели, и рецензия Бродского в специальном литературном журнале открыла дорогу в Штатах многим русским, совершенно неизвестным здесь литераторам.

У Савелия Крамарова не было своего Бродского в кино. В Нью-Йорке он встретил уже популярного в Штатах художника и скульптора Михаила Шемякина. В Москве они не были знакомы, а здесь Михаил сразу узнал Савелия и по-дружески улыбнулся ему.

Шемякин, прошедший суровую школу жизни, почувствовал, что перед ним находится человек, никому не сделавший зла.

— Как дела, Савелий? — первым подошел и доброжелательно обратился он к Савелию, грустный, растерянный вид которого говорил о том, что дела его идут неважно.

— Обживаюсь, — вздохнул Савелий.

— Акклиматизируешься, — иронически, из-под очков, улыбнулся Шемякин. — Даже мне, чьи картины пришлось по вкусу американцам, поначалу было тяжело в Америке. Страна, в которой действуют законы, суды с присяжными заседателями, страна изобилия, — а русской радости я здесь не ощутил. Наверное, русская радость — понятие своеобразное и заключается в том, когда что-либо новое приходится пробивать и достигать невероятным трудом, через партийные дубовые инстанции, через унижения, через взятки — финансовые и духовные, а точнее, через уступки и компромиссы, бывающие гадливее денежных подкупов, — сверкнул зрачками Шемякин. — Зато я познал там омерзительнейших людей, точнее — разглядел их маски...

Савелий покраснел, сморщился и стыдливо прикрыл лицо рукой, словно находился в тайге и закрылся от налетевшей мошкары.

— Мне присвоили звание заслуженного артиста... остались формальности — несколько начальственных подписей. Что интересно, те люди, что должны поставить свои подписи, в первую очередь поздравляют меня со званием, хлопают по плечу, моргают глазами, мол, с меня причитается, а указ не визируют. Месяц, второй, третий... И тут я понял, что с меня действи-

тельно причитается, по их неписаным законам, и отнюдь не бутылка коньяка. Я сперва возмутился, мол, на каком основании, я снялся в стольких фильмах, конечно, и не в количестве дело, но все-таки... Не бывает дыма без огня. И тут мне один словоохотливый чиновник объяснил, что если бы я сыграл секретаря парткома, председателя колхоза из «Кубанских казаков», на худой конец сталевара, то получил бы звание без промедления. Я вспомнил, какие роли играл, и... сломался. Денег, конечно, не дал, не мог, хоть тресни, но подарки приволок.

Шемякин рассмеялся от души.

— Ты так смешно рассказываешь. Я вижу все твои сомнения, страхи и как ты оставляешь подарки в кабинетах начальства, осторожно, даже незаметно, вроде мины замедленного действия. Теперь тебе было бы легче, — усмехнулся Шемякин, — особенно на телевидении.

— Почему? — вздрогнул Савелий.

— На все выступления там установлена такса. В зависимости от популярности передачи, времени пребывания на экране... Вот где назревает темка для отличного русского боевика — борьба за передел власти на телевидении. С крутейшей интригой, перестрелками, убийствами главарей или, как их называют, заведующих отделами. Я даже предвижу заголовки: «Кровавая реклама», «Убийство в музыкальной редакции», «Драма в отделе литературной драмы». Я знал в этой редакции одну супервзятчицу. Она вызывала зависть даже самых красивых теледикторш. Носила пальто, сумку и перчатки из крокодиловой кожи. Я думал, что ее прикончат первой, а ее, как рассказывают, наградили орденом Дружбы... С кем? С валютой?!

— Мне повезло, — улыбнулся Савелий, — я проскочил в то время, когда на телевидении произрастали девственные леса, а не джунгли.

— Ты прав, — согласился Шемякин, — звери вырастают в джунглях, где небо застилают зеленые облака.

— Из долларов, — догадался Савелий, и они оба рассмеялись, а потом Савелий нахмурился: — Я не гоняюсь за зелеными облаками, но в рекламных роликах сниматься приходится. Для вида долго и с неохотой думаю — дать согласие или нет. Самому противно. Но жить надо. Соглашаюсь...

— И правильно делаешь, что не скрываешь это от меня, — улыбнулся Шемякин, — ты — человек, а не маска! Таких не много на свете... Поверь мне... ты еще станешь звездой в Америке. Хватило бы на это здоровья...

— Хватит! — уверенно заявил Крамаров. — Одно боюсь, что не смогу говорить по-английски без акцента. Хорошо, что американцы в акцентах не разбираются! Я проверял! — радостно воскликнул Савелий. — Для них акцент одинаков — что русский, что немецкий, что польский... Смогу играть все роли иностранцев... Но хотелось бы не дурачиться на сцене, а играть... Надоело идиотничать дома. Мне иногда казалось, что меня перебрасывают из фильма в фильм, как подкидного дурака. Мало кто понимал меня: Евстигнеев, Вицин, Леонов... Но здесь с чего-то начинать надо, Миша?

Шемякин посуровел и надвинул защитного цвета шапочку на лоб:

— Мои картины привез в Америку деляга и здорово нажился на них. Уже вслед за картинами явился я...

Бывает, я проклинаю этого человека, бывает, благодарю... Не в нем дело, а в стране, откуда мы прибыли, в нашей ситуации здесь. С чего-то начинать надо. Но так, чтобы не было стыдно за свою работу. Я иногда делаю набросок картины и по желанию заказчика дорисовываю ее.

Савелий задумался, а потом рассказал Шемякину о сюжете фильма, где есть шанс отсняться. Шемякин просил дважды рассказать о роли, которую предлагают Савелию, и сдвинул брови:

— Не стыдно, Савелий. Не Гамлет, но и далеко не Чапаев. Соглашайся, Савелий!

Они расстались, не зная, что судьба еще сведет их серьезно и соединит их имена навечно.

Я не знаю, кто проложил путь Савелию в первый его американский фильм «Москва на Гудзоне». Что, какие его качества — знаю. Искрометный, неповторимый крамаровский юмор. Но талант иногда нужно показать, помочь ему проявить себя.

Одна версия говорит, что в Голливуде существует просмотровый зал, где в течение шести минут каждый желающий может показать, на что он способен в искусстве. После этого ему дадут ответ, характеристику его способностей, если их заметят, и рекомендацию, где и как их применить в творчестве. Из этого зала вышел и вскоре завоевал Америку одессит Яков Смирнов, переделавший одесские анекдоты на английский лад. Будем откровенны: покорила он отнюдь не университетскую Америку, а простой люд, принимавший на ура грубоватые одесские анекдоты. Но вечно это своеобразное надувательство продолжаться не могло, и имя Якова Смирнова мало кто теперь помнит в Штатах. Кстати, великий одессит Леонид Осипович

Утесов обожал свой город как город, но любил Одессу Веры Инбер, Катаева, Ильфа и Петрова, Ойстраха, Багрицкого и не любил Одессу артельную — жуликоватую и хамскую, в которой еще до сих пор кое-что осталось от бандитских замашек Мишки Япончика и юмора старого Привоза — центрального рынка. И если эта Одесса в своей массе ныне переместилась на Брайтон-Бич и нашла своего актерского героя в лице Бориса Сичкина, которому в интервью нашему телевидению ничего не стоило обругать Шварценегера, как плохого актера, «блеснуть» шутками типа «Я живу в престижном районе — ни одного белого», утверждающего, что в «юморе немножко грязно должно быть», то она не смогла «прописать» там Савелия Крамарова. Он давно вырос из юмора советских комедий, и если Борис Сичкин для омоложения покрасил свои волосы в черный цвет, забыв французскую поговорку о том, что «крашеным мужчинам верить нельзя», то Савелий Крамаров, вообще уважительно относящийся к профессии актера, все мысли направил на то, чтобы прорваться в американское кино. Возможно, он показал свой ролик в просмотровом зале Голливуда и оттуда проник на съемки фильма, где требовался актер русского типа на роль кагэбэшника, сопровождающего в Штатах гастролирующих там советских музыкантов. По другой версии, его рекомендовал на съемки фильма один из его участников и друг Савелия актер Илья Баскин. Я все-таки склоняюсь ко второй версии и считаю, что поклонники нашего кино должны быть благодарны Илье Баскину. Сюжет фильма незатейлив, но современен. Советский саксофонист просит политического убежища в Штатах. Но стать музыкантом в американском джазе, даже

весьма среднем, довольно трудно. По этому поводу существует забавный и взятый из жизни анекдот. Солист-саксофонист нашего эстрадного оркестра Всесоюзного радио и телевидения остался в Штатах, но на работу его никуда не брали. Тогда он в сердцах сказал директору одного из ресторанов о том, что его не берут в оркестр, потому что он русский. «Подождите меня несколько минут», — сказал директор ресторана, вышел на улицу и вернулся с негром, который сыграл на трубе небольшую импровизацию. Пораженный его блестящей игрой, наш бывший солист от удивления выпучил глаза. «Это — не музыкант, — объяснил ему директор. — Я просто попросил негра с улицы сыграть нам небольшую вещь».

В фильме герой много репетирует и совершенствует свою игру, наконец добивается успеха, к тому же влюбляется. Фильм идет по проторенному пути, но в памяти остаются не его довольно примитивные коллизии, а три сцены с участием Савелия Крамарова. Первая — с его вылезавшими из орбит глазами, при обозрении массы невиданных продуктов в обычном супермаркете. Далее — он же при исполнении служебных обязанностей героя на коленях ползет за музыкантом, попросившим политического убежища, и умоляет его остаться. Карьера кагэбэшника под угрозой, но он, забыв о своей тайной миссии, выдает себя, слезы застилают его глаза. Фигура его смешна и трагична. «Останься! Что ты делаешь со мной?!» — вырывается крик из его души. И наконец блестящая точка фильма: герой идет по улице, и камера наплывает на лоточника, торгующего хот-догами. Мы видим помолодевшее, озаренное человеческой радостью лицо Савелия. Это бывший «сопровождающий» артиста.

— Куда я мог уехать без тебя?! — восклицает и улыбается он.

Зал аплодирует. И не только неожиданной развязке сюжета. Я заметил, что у каждого выдающегося комика своя улыбка: недоуменная от превратностей жизни у Фернанделя; несколько глуповатая и нервная до гротеска у Луи де Фюнеса, отражающая в комической форме зачастую далекий от здравого смысла мир; у Пьера Ришара — умная и грустноватая, идущая от души, ищущей выхода из трудных ситуаций, а наша российская жизнь, где элементарные человеческие понятия перевернуты с ног на голову, оказалось, заставляла глаза Никулина от удивления происходящим буквально лезть на лоб. У Савелия Крамарова улыбка ближе к никулинской, тоже порою с оттенком изумления, но в большей части искрящаяся оптимизмом, животворной силой, заставляющей зрителя смеяться раскованно, как и сам артист. Еще раз повторяю: юмор — обратная сторона трагедии, и советское бытие так зарядило Савелия иронией, радостью жизни как таковой, что он не только выжил в ней, но и стал популярным и любимым артистом, не позволил растоптать себя, свое достоинство и снова родился как артист в другой стране, где киноискусствоне только любят, но и боготворят его. Будет возможность — еще раз посмотрите его заразительную, потрясающего воздействия улыбку в конце фильма «Москва на Гудзоне». Артист не только играет совершенно новую для себя роль, о которой даже не мог мечтать в России, где она вообще не могла возникнуть, поскольку чекисты в советских фильмах подавались только как суперпатриоты и самоотверженные герои, хотя, как ныне показывает едва открытая стати-

стика, немало их оставалось за рубежом и предавало родину.

Я улыбаюсь, душа моя переполняется радостью за Савелия. К этому времени более десятка советских резидентов изменили родине. Удар Крамарова в эту болевую для чекистов точку был настолько силен и ярк, что иностранный корреспондент «Литературной газеты», наверное, как и большинство наших разведчиков, работавший под журналистской «крышей», раздражается на страницах газеты пасквилем на Савелия, совершенно бездоказательным, грубым, и предрекает артисту судьбу продавца сосисок. Заметьте, что сосисок, а не хот-догов, поскольку еда эта советскому читателю неизвестна и в лучшую сторону отличается от той, что ему предлагают.

Душа моя радуется: «Браво, Савелий!»

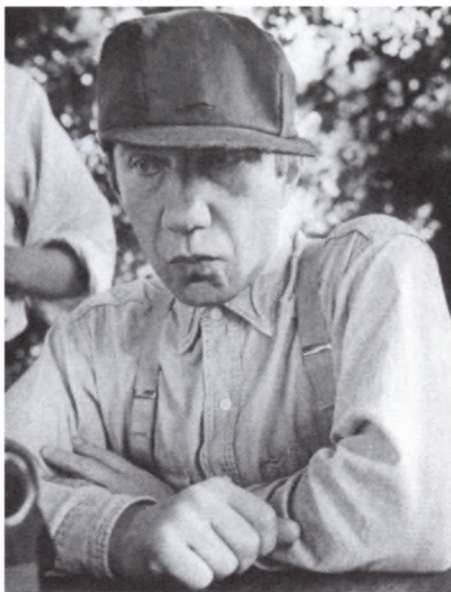
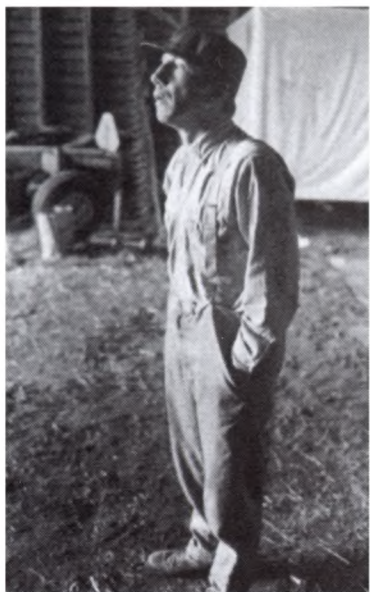
На волнах заокеанской жизни

Дефицит человеческой радости на нашей планете ощущается явно, если мы даже сравним объем драматического творчества на земле с юмористическим. Это легко объяснимо и нелегкой жизнью большинства людей, и тем, что они смертны, и, как остроумно заметил один из врачей, — смертны даже не на девяносто девять и девяносто девять сотых процента, а на все сто. Поэтому люди во всех странах мира ценят и почитают комиков, я подчеркиваю — люди, а не власти. Не будем вторгаться в тему отношений властей с творцами. Мы о ней уже немного рассказали в этой книге, тем более у творцов не всегда хватало сил и мужества сопротивляться властям, и, как заметил еще средневековый философ Эразм Роттердамский: «Иногда побеждает не лучшая часть человечества, а бóльшая». Вспомним и еще одно мудрое высказывание, слова Антона Павловича Чехова о том, что к сорока годам человек сам делает свое лицо, разумеется, не лепит его заново или изменяет при помощи хирургического

вмешательства, а отражает на нем пережитое им, даже черты уже устоявшегося характера. И не слишком много на земле людей, сохранивших до конца своих дней в душе, следовательно и на лице, доброту, честность, принципиальность... Савелий, конечно, был актером и, как вы узнаете дальше, мог сыграть даже злодея, но в обиходе сохранил свою неповторимую улыбку, идущую от доброты души. К сожалению, наша киноиндустрия почти не работала на великих комиков и, как справедливо заметил режиссер Марк Розовский, обошла она и Савелия Крамарова. Но не стоит преуменьшать значение его ролей, сыгранных в России. Ведь такие человеческие качества, отображенные им в фильмах, как жадность, трусость, глупость, раболепие перед сильными мира сего, на мой взгляд, извечны и некоторые роли Савелия могут существовать отдельно от фильмов и из них можно собрать отличный киносборник его творчества. Савелий создал себя как личность, впрочем, и прежде он не мог обмануть или предать человека и жил по гуманным религиозным заповедям, даже еще не будучи серьезно знаком с ними. И он не остановился в своем развитии, тем более находясь в свободной стране, где действуют гуманные законы, где люди живут раскованно и тяга к новизне, к эксперименту генетически заложена в них. Савелий был на концерте симфонической музыки любимца американской публики и друга Рональда Рейгана пианиста Либераче, кстати, самого высокооплачиваемого музыканта в Штатах, и поначалу был поражен его одеянием. На сцену вышел высокий обаятельный человек в немыслимой для пианиста парчовой накидке, усыпанной бриллиантами, стоимостью около миллиона, и... заиграл

Его называли «печальным шутом»

*Непросто складывалась актерская судьба Крамарова в Америке. Звездой Голливуда он не стал. Но тем не менее Савелий запомнился в эпизодах фильмов «Москва на Гудзоне», «2010», «Красная жара», «Вооружен и опасен»
На снимке внизу: в Голливуде с американскими актерами и другом Ильей Баскиным (крайний справа)*

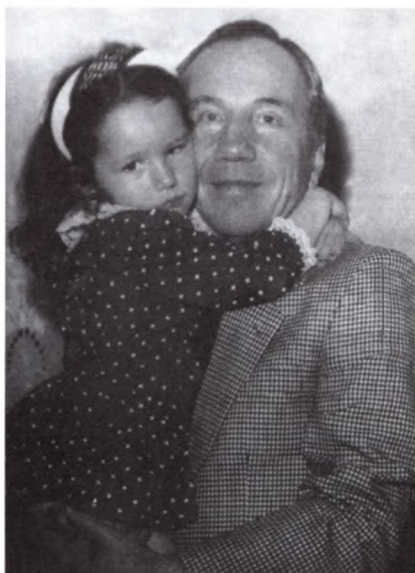
За океаном он нашел свою любовь. Его избранницей стала Марина – тоже эмигрантка, – приехавшая в США из Одессы. Свадьбу сыграли по еврейскому религиозному обряду

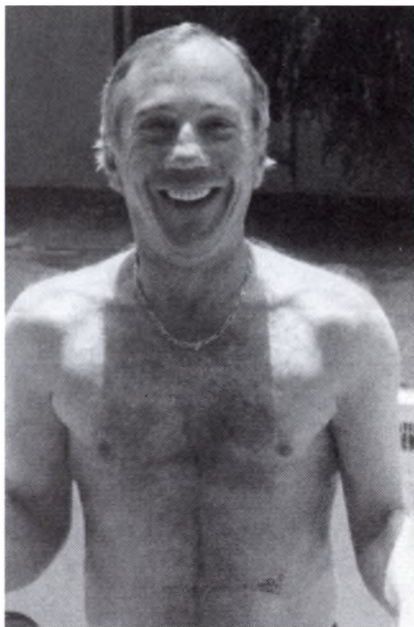
Молодожены обмениваются кольцами

Таким счастливым Савелия никто еще не видел

*В 53 года Крамаров стал отцом.
Марина подарила ему прелестную дочку Басю, которую он просто боготворил*

Савелий любил русскую парную и плавание

В Америке Савелий осуществил свою давнишнюю мечту: купил дом в лесу недалеко от океана

Он был прекрасным спортсменом. Каждое утро начинал с пробежки и физических упражнений

В баре с другом Ильей Баскиным

С любимой дочкой

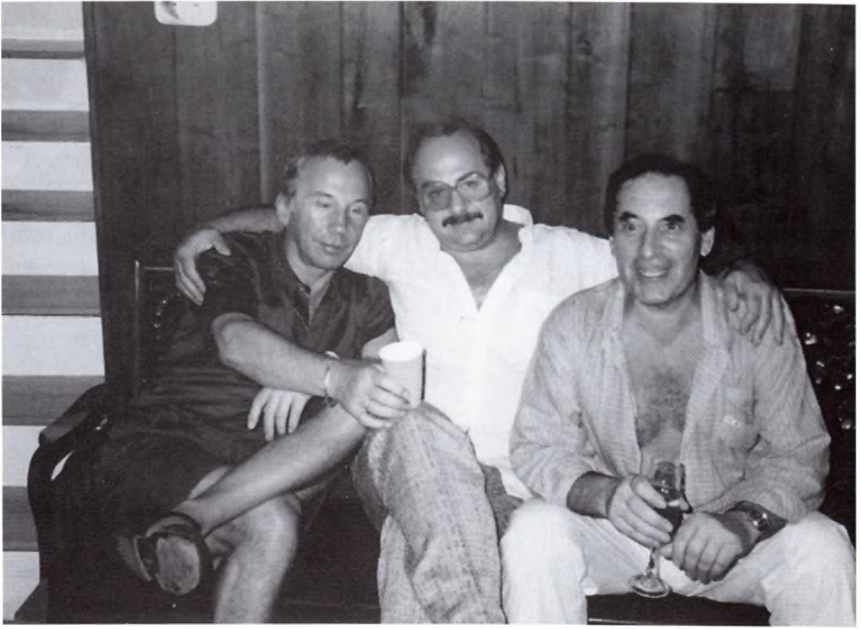

С Василием Аксёновым

С Булатом Окуджавой

С американскими друзьями

*С новой женой
Натальей*

*С обожаемой
Басей*

*С Михаилом Кошкиновым на съемках
фильма «Русский бизнес» во время
приезда в Москву в 1994 году*

Уже обреченный, тяжелобольной, он старался шутить и улыбаться

Одно из последних свиданий с дочерью

Надгробие на могиле Савелия Крамарова в «городе мертвых» (Жолма)

Друг актера, автор надгробия – скульптор Михаил Шемякин

Автор книги у надгробия актера

Вдова Наталья

Первую симфонию Чайковского. Савелий заерзал на стуле, оглядываясь по сторонам, шокированный и накидкой пианиста, и тем, что пальцы его рук были унизаны драгоценными перстнями. Но не заметив на лицах зрителей удивления, а, наоборот, явное расположение к исполнителю, задумался над тем, что видит. Менялись номера, исполняемые пианистом, его накидки, а успех его у зрителей нарастал буквально с каждой минутой. Мало того — пианист позволял себе шутить между номерами, правда, шутил чаще над собой и своими одежаниями, но играл прекрасно, соблюдая чувство меры, играл популярные, доступные широкому зрителю симфонические произведения в сопровождении прекрасного симфонического оркестра. И тут Савелий понял, что Либераче решился, и удачно, на рискованнейший эксперимент: он нарушил традиционный образ классического пианиста, выходящего на сцену в строгом черном фраке, долго настраивающегося на игру с миной задумчивости и проникновения в суть исполняемого произведения, как правило, выученного наизусть и много раз отрепетированного. Он отнюдь не пародировал коллег. Он просто говорил зрителю о том, что искусство, тем более классическое, должно нести радость людям, не смотрите на меня с полными грусти или скорби лицами, сопереживайте — серьезному улыбайтесь, а иногда и радуйтесь вместе со мною, если есть чему. А мои дорогие накидки — это не похвальба богатством, а ирония над ним, я не трачу деньги на шикарные машины и виллы, а вынес их вам в виде одежаний на обозрение и для развлечения, зная, что вы интересуетесь, в какой необыкновенной накидке я появлюсь на сцене в следующем блоке номеров.

Играл Либераче замечательно и задорно и, как говорят артисты, завел до предела зал, обрушивший на него волны оваций. Захваченный непривычным для себя действием, искренне бушевал вместе с залом Савелий и уже не удивился, когда в конце представления Либераче спел нехитрую, но трогательную песенку о том, что душою он всегда вместе со зрителями, мысленно видит лицо каждого из них и будет видеть с любой высоты, даже с небес. К сожалению, Либераче через несколько лет умер от болезни, прозванной чумой двадцатого века. Савелий горевал о его гибели вместе с другими американцами.

Им понравился музыкальный эксперимент Либераче, но они буквально кричали от радости, выражая восхищение игрой традиционного классического скрипача Владимира Спивакова, на концерте которого Савелий побывал в городе Сан-Хосе. Пяти-тысячный зал был забит до отказа. А неподалеку, в Сан-Франциско, находился единственный в Америке театр с постоянной оперной и балетной труппой. Туда Савелий попасть не смог. Билеты были раскуплены на все спектакли сезона еще задолго до его начала.

Советский пианист Евгений Кисин, ныне пребывающий в Штатах, справедливо заметил, что в этой стране есть культура и бескультурие, но на симфонических концертах никогда не бывает пустых мест. И когда мне во время авторского вечера в Сан-Франциско один из русских эмигрантов сказал, что, по его мнению, американская доброжелательность, улыбки прохожих, неизменные благодарности за покупку и приглашение прийти еще, наигранны и неискренни, то я ответил ему, что даже если так, то мне приятнее

встречать неискреннюю доброжелательность, чем искреннее хамство.

Савелия, уже после первой роли, заметили многие американские режиссеры и сетовали на его английский с европейским акцентом, на то, что не могут поэтому снимать его в своих фильмах.

Позднее, при встрече в Москве, Савелий рассказал мне, что у него свой импресарио в Голливуде, но часто, даже без его участия, он получает приглашения играть роли немцев, чехов, поляков, всех, кто говорит с европейским акцентом.

Савелий продолжал, как губка, впитывать в себя все лучшее, что видел в Америке. Но ему «опять чего-то не хватало», наверное, той популярности, что была на родине, и не массовой, а тех людей, которых он любил, к примеру, художников, по воскресеньям выставляющих свои картины в Измайловском парке. Эти в основном талантливые ребята, далекие от официального творчества, отторгнутые Союзом художников, любили Савелия. Стоило ему появиться среди деревьев парка, с прислоненными к ним картинами, как их авторы окружали его, интересовались его мнением о своих произведениях и в конце встречи фотографировались с ним на память. И это независимо от того, покупал ли он у них картины или просто смотрел их, что было чаще. Художники любили его не только за популярность, и он не был правозащитником или новатором в искусстве, что могло привлекать их в нем, а, наверное, единственным творческим человеком, который постоянно и искренне интересовался их работой. И они, сами люди ранимые и раненные тяжелой судьбой, видели в нем доброго и близкого им по духу человека. Савелий среди них чувствовал себя

естественно и комфортно, не боялся высказаться откровенно, даже ошибиться в их искусстве или чего-то сразу не понять. Зато кругозор его расширялся. Он постоянно создавал себя как личность, становился увереннее в своих силах. Иначе не решился бы на поступок, круто изменивший его жизнь, не уехал бы от невероятной популярности, притягивающей к себе цепями многих коллег и ныне готовых ради нее тусоваться где и с кем попало, лишь бы мелькнуть на телеэкране и попасть под милостивый взгляд начальства и, если сильно повезет, задружить с ним. Один из его коллег развлекал семью министра внутренних дел Щелокова, другой — внуков Брежнева, третий — министра культуры Демичева, а четвертый, несмотря на проходимость танка, все-таки выдворенный с многочисленных телепередач из-за вопиющей бездарности и пошлости, вновь возник на телеэкранах, найдя подход к прокурорскому начальнику. Савелий даже не думал о подобных делах, он был артистом кино и желал добиться успехов на своем любимом поприще, и, конечно, без какой-либо начальственной помощи. Не достигнув чего-то сам, он никогда не получил бы радости от успеха и, наверно, кем-то продвинутый и пробитый на удачную роль, сыграл бы ее без вдохновения, и мы не увидели бы на экране чудодейственной его улыбки.

Савелий стал человеком сильным, но не был, как говорят, сотворен из камня или железа. Я не уверен, что будучи, к примеру, писателем, он смог бы долгие годы, стиснув зубы и бедствуя, работать в стол, как наш великий писатель Фазиль Искандер.

Савелий, в промежутках между фильмами, снимался в рекламных роликах. Впрочем, это тоже работа.

На Западе не презирается никакая работа. Возможно, такому артисту, как Савелий Крамаров, не столь престижно сниматься в рекламе, как поначалу ездить в машине старой марки или одеваться в дешевых магазинах. Но Савелий продолжал совершенствовать свой английский. Он не отбросил цель — стать полноценным актером американского кино. А пока...

Рассказывает его брат, инженер-строитель Виктор Волчек — сын дяди Лео, о том, как случайно, находясь в гостях в Нью-Йорке, встретил в центре города, на Бродвее, Савелия, наряженного в форму полицейского. Он рекламировал какую-то кредитную карточку.

— Почему ты снимаешься так поздно? — удивился Виктор.

— Подумай! — улыбается Савелий.

— Вероятно, требуется затемнение? — предполагает Виктор.

— Сразу видно, что ты не американец, — улыбается Савелий, — ты не знаешь, что за съемки в ночное время муниципалитет берет с продюсера вдвое меньше денег, чем в дневное... трудность только для меня.

— Не любишь сниматься поздно? — говорит Виктор.

— Сниматься, да еще в хорошем фильме, могу круглые сутки, — говорит Савелий, поправляя фуражку, — даже в рекламе, пока не могу обойтись без нее. Трудность в том, что ночевать негде.

— А в гостинице? — удивляется Виктор.

Савелий мнется, но тут его зовет режиссер. Нужно отснять заключительный кадр. Савелий задирает подбородок и несет кредитную карточку, как флаг. «Смешно было очень, — вспоминает Виктор, — даже режиссер рассмеялся. Отсняли кадр и тут же стали

убирать аппаратуру. Спешно. Стоящий рядом полицейский хронометрирует пребывание кинематографистов на Бродвее».

— В чем же все-таки твоя трудность? — продолжает разговор Виктор.

— Снимать дешевый номер — негде. Рядом только дорогие гостиницы. А я присмотрел себе уникальный итальянский столик. Работа мастера восемнадцатого века. Американцы любят пышную и современную мебель, а я — старую, но сделанную от души, с выдумкой, вроде как для себя творил мастер, чтобы доказать себе, что он действительно способен создать что-то необычное и приятно удивить этим людей. Все, что собрал в Москве, отдал Маше. Сейчас собираю новую коллекцию. Лишних денег нет. Экономлю на чем могу.

— Можешь переночевать у меня в номере, — нерешительно произносит Виктор, боясь обидеть брата.

— Прекрасно! — восклицает Савелий.

— Но в номере одна кровать. Я с женою, — объясняет Виктор.

— А пол?! — делая вид, что его не страшит даже асфальт, громко говорит Савелий и так беспечно улыбается, что у Виктора исчезает стеснение. — Здесь в гостиницах пол покрыт кардитом. Он не жестче матрасов на русских железных дорогах! — успокаивает Виктора Савелий. — Если вы с женой выделите мне подушку, то я тут же усну, весь день был на ногах.

«Дали мы ему подушку, и он действительно тут же уснул как убитый, — вспоминает Виктор, — а рано утром поехал в Лос-Анджелес. Сниматься в «Красной жаре» со Шварценеггером. Об этом я узнал позднее. Савелий не любил говорить о том, что пока не сделал.

И встал с пола, разминаясь, довольный, словно выспался на мягком ложе. Играл удовольствие, чтобы не огорчать нас с женою.

— До встречи, Виктор! — вдруг сказал он.

— Собираешься в Москву? — спросил я.

— Или ты ко мне приедешь, или я к тебе прилечу. Времена меняются. А вернуться в Москву я собирался еще тогда, когда садился в самолет, чтобы уехать навсегда. Мне так приветливо улыбались стюардессы, что я подумал, что вернусь. Не могут без меня долго жить люди, которые так улыбаются мне. Не я сам прилечу, так фильмы с моим участием. Я и в это тогда верил. Сизов, Ермаш — это киновласть, но еще далеко не вся страна. До встречи, Виктор!»

Времена вскоре действительно стали изменяться. Холодная война измотала Россию и, несмотря на различные политические системы, сближение двух великих держав, хотя бы внешне, стало неизбежным и началось с культурного обмена. В 1986 году в Америку приехал Камерный еврейский ансамбль Шерлинга, затем — музыкальный ансамбль «Тумбалалайка» во главе с композитором Михаилом Глузом. В концертах принимал участие нынешний художественный руководитель еврейского театра «Шолом» Александр Семенович Левенбук, в прошлом, да и сейчас, отличный эстрадный актер. Он рассказывает, что три дня, пока ансамбль выступал в Лос-Анджелесе, Савелий буквально не отходил от артистов и раз за разом повторял одну и ту же фразу: «Этого не может быть!» Ему не верилось, что в России возникли еврейские театральные коллективы и их даже пускают на гастроли в Америку. Через год Александр Левенбук вместе с блестящим автором эстрады Александром Хайтом

привезли в Штаты программу «Еврейский анекдот». И снова Савелий не покидал их. Однажды они зашли в магазин, где продавались щенки. Савелий тут же изобразил на лице гримасу, после чего стал похож на одну из собачек. Левенбук стал фотографировать Савелия рядом со щенком, и тут в магазин зашли несколько девочек. Увидев происходящее, они громко рассмеялись. Александр Хайт, хорошо знающий английский, тактично поинтересовался у девочек, чему они смеются — наверное, сходству дяди с собачкой? «Нет, — ответили они, — мы узнали артиста по фильму «Москва на Гудзоне», мы тогда смеялись и сейчас видим, что он очень смешной».

Александр Левенбук склоняет голову:

— Савелия никогда не называли талантливым. Увы, нет пророков в своем отечестве, особенно в нашем, но, что бы ни говорили о Крамарове, его место в российском киноискусстве до сих пор вакантно. Его не отличали, наверное, и потому, что он был скромным, интеллигентным человеком. За многие годы знакомства я не слышал от него ни одного грубого слова, ни одного скверного слова о коллегах. И тогда, и в Америке он никогда не говорил плохо о народе в стране, где прошли его лучшие творческие годы. Принимал нас с Хайтом в скромной квартирке и кормил лососиной и другими яствами, которые сам, наверное, покупал только в праздники. Приезд коллег из России был для него тоже настоящим праздником. Он этого не скрывал. Однажды мы с Хайтом перебрали и в шутках о хозяине переступили меру приличия. Поняли это, только отрезвев. Но Савелий не только не сделал нам замечания, даже сделал вид, что не было с нашей стороны сказано ничего предосудительного о

нем. Подперев подбородок, смотрел на нас, захмелевших, и улыбался. Религия сделала его выдержанным и терпимым к слабостям других людей. Не кичился, даже словом не обмолвился, что объездил мир, что начинал в Америке с нуля и поначалу приходилось туго. А в конце встречи спросил у нас, какие подарки мы хотели бы привезти из Америки родным. Хайт сказал Савелию, что пусть, если возможно, вместо подарков он даст им деньги, сколько сможет, а сувениры для дома они выберут сами. На следующий день Савелий принес нам тысячу долларов. Мы были потрясены его щедростью, тем более знали, что он пока снялся только в одном фильме. И мало того, перенес съемки, приходившиеся на еврейский праздник Йом Кипур, и кинопромышленникам пришлось менять сетку занятости своих рабочих, около сотни человек, что тоже отразилось на гонораре артиста. Встречи с Савелием в Штатах забыть невозможно, потому что люди такого качества единичны в нашей стране, а может, и не только в нашей.

А между тем в личной жизни Савелия произошло огромное событие, и несложно догадаться какое. Любовь, свадьба, рождение дочери... Сын дяди Лео Виктор сказал мне, что большой любви у Савелия к своей невесте не было, сказывалось различие характеров, целей жизни, поэтому в дальнейшем и последовал развод. Но заглянуть в глубину души человека, особенно в такое сложное и сугубо личное чувство, как любовь, вряд ли вообще возможно. Наверное, чувство Савелия было сильным, особенно в первое время совместной жизни, пока не проявились истинные интересы каждого из супругов. Виктор предполагает, что Савелий знал о спокойном отношении

Марины к искусству, но не думал об этом, был уверен, что, как бы ни сложилось их супружество, за будущее ребенка, если он появится, с такой матерью можно не беспокоиться.

Я обладаю только одним фактом, рассказанным мне Савелием при первом приезде в Москву, что его личная жизнь в Америке не сложилась. И предоставляю слово его супруге Марине (Фаине), написавшей свои воспоминания о Савелии искренне и неравнодушно: «Писали, что первые годы жизни в США Савелий бедствовал, голодал. Это — неправда. В 1983 году он снялся в фильме «Москва на Гудзоне». Эти съемки дали ему возможность жить вполне безбедно. Однажды, в мае 1985 года, Ребе Зальцман встретил меня и, предложив познакомиться со своим другом Савелием Крамаровым, попросил мой телефон. Встретились мы с ним только год спустя. И через месяц поженились. Гражданский брак, то есть обыкновенная роспись, Савелия не устраивала, и мы сочетались также религиозным браком. Савелий считал, что Бог услышит его молитвы и просьбы и пошлет ему дочь, в которой возродятся душа и образ не забываемой им матери, а соблюдение всех еврейских ритуалов и законов поможет ему в этом. И вот, когда Савелию было уже 53 года, произошло то, на что он почти уже не надеялся. У нас родилась дочь, которую мы, конечно же, назвали именем его матери — Бася. И действительно, Басенька поразительно похожа на Саву и его маму. То же лицо, та же фигура, те же манеры, тот же вкус (вкус у Савелия был изысканным). Даже левый глазик, как у Савы, слегка затянут и слегка смотрит влево. Я вижу перед собой Саву в образе дочери. Она так же артистична, так же эксцентрична. Но Басенька пока хочет

стать ветеринаром. Она очень любит свою собаку Санни и переживает, что о животных мало заботятся. Басенька всегда чувствовала и понимала, что папа ее любит необыкновенной, болезненной любовью. Когда они шли рядом, его гордости не было предела. И эта любовь была взаимной. Она часто приезжала к нему в Лос-Анджелес. И хотя сильно привязана ко мне, они были вместе бесконечно счастливы. Наша с Савелием семейная жизнь продолжалась с 1986 года по 1990 год. И после развода мы не стали чужими. Нас связывала наша дочь. И когда Савелий пригласил в гости своего брата Витю, он тотчас же позвонил мне. Мы тогда уже жили с Басей не в Лос-Анджелесе, а в Лас-Вегасе. Сава был слегка растерян. Он очень хотел принять Витю как можно лучше, но не знал, как это сделать. Я поняла его положение и пригласила Витю в Лас-Вегас. Витя с Савелием гостили у нас примерно неделю. Эта неделя была для всех нас прекрасным временем и осталась в памяти навсегда».

Читая эти и другие воспоминания Марины, я не сомневаюсь в чистоте и душевности ее отношения к Савелию. Но позволю себе сделать некоторые разъяснения, не совсем понятные нашему читателю, даже странные для него, и вполне реальные для большинства американцев. Марина с мамой приехала в США из Одессы, они, как и Савелий, начали жизнь с нуля, но, не имея непосредственного отношения к искусству, занялись бизнесом. Это в Штатах обыкновенная работа. Они открыли рыбный магазин, но, как говорят американцы, у них легче открыть магазин, получив ссуду в банке, чем при необходимости, при неудаче, закрыть. Не из чего отдать банку долг с процентами. Марина и ее мама приложили невероятные усилия,

чтобы утвердиться в бизнесе. Около десяти лет они не могли позволить себе даже несколько дней для отдыха. И когда дела пошли успешно, открыли второй магазин в Лас-Вегасе. Это обычное для американцев расширение бизнеса и увеличение прибылей. И они, прошедшие тяжелейший путь к становлению финансового успеха, следуя законам бизнеса, продолжали, на наш взгляд, каторжный труд. И когда Марина и Савелий вырвались в туристическую поездку в Париж, то в первый день у Марины даже не было сил поехать на экскурсию, и она осталась в номере гостиницы.

Савелий, всю жизнь, как и многие из нас, мечтавший увидеть Париж, готов был даже при полном изнеможении сил начать его осмотр. Он прошел свой трудный путь в жизни, но по другой стезе, основой которой было искусство. В Штатах он постоянно проходил кинопробы, изучал американское кино, в Лос-Анджелесе не раз появлялся на студии «Юниверсал», где для зрителей демонстрировались феноменальные кинотрюки, где можно было любоваться богиней американского кино Мэрилин Монро, в виде изящно выполненной и упрятанной под стекло гипсовой фигурки, постоять у экстравагантных автографов корифеев киноискусства, оставленных на асфальте, и вспомнить их великое актерское мастерство, даже встретиться с их двойниками и поболтать с ними, даже с двойником самого Чарли Чаплина.

Савелий не лодырничал ни дня. Он вращался в американскую жизнь, ее историю, мечтая играть американцев в их фильмах.

Он любил выбраться на природу, погулять по лесу, поразмышлять о своей жизни и планах на будущее. Марина пишет: «В феврале 1993 года Савелий покупает

под Сан-Франциско свой первый дом. Лес он страстно любил с детства и еще с первых дней приезда в Лос-Анджелес мечтал жить в лесу». Я представляю его идущим между деревьями, которые в Калифорнии несомненно пышнее, чем в России, он размышляет о том, что он потерял в России, что приобрел в Америке.

Он счастлив, он благодарен Марине, родившей ему чудесную дочь, он хочет быть достойной ее, стать артистом, отцом, которым она могла бы гордиться. Но расстроен, что теща не понимает творческой жизни артиста. Она считает, что если возникает перерыв в съемках, то он должен искать на это время другую работу. Он хорошо водит машину и может, даже должен, работать таксистом, а не шляться по лесам и киношкам, бросать тревожный, полный надежды взгляд на телефон, ожидая звонка импресарио из Голливуда и приглашения на киносъемку.

Он русский, неважно знает английский язык и должен заниматься тем, чем большинство эмигрантов. Она забывает и просто не понимает, что он артист, до мозга костей, и приехал в Америку не для того, чтобы возить на такси пассажиров. Он — не тунеядец. Не живет за счет их семьи. Даже во время простоя он получает достаточное для нормальной жизни пособие от Гильдии артистов американского кино. Его приняли в Гильдию сразу же после первого фильма, признали актером. Но как убедить в этом тещу? Да и важно ли для нее это? А для него — жизнь. Теща, как говорят в Одессе, откуда она родом, при любом споре «заводится с пол-оборота», давит на Марину. Жена не соглашается, спорит с мамой, но капля точит камень. Жизнь их постепенно разлаживается. Редьярд Киплинг однажды заметил: «Мужчина может простить

женщине измену, но не простит, если она заставит его изменить своему делу». Для Савелия это слишком суровая формулировка. Он давно простил жену и даже тещу, не понимавших его. Но жить с человеком, который считает малоприбыльным то, что составляет его жизнь, трудно... говорят, чтобы хорошо узнать человека, с ним надо съесть пуд соли. Но, как подумал Савелий, в случае с его женой их отношения можно было бы предугадать заранее, будь он более опытным американцем. В нем еще сидели советские корни, он еще считал, что «поэт в России больше, чем поэт», переносил это понятие на американскую почву и потерпел фиаско, но относительное. Брак с Мариной принес ему чудо — Басю. Иногда ему казалось, что открывается дверь, и в комнату войдет бабушка, и внучка бросится к ней, повиснет на ее шее. Проходили мгновение за мгновением, но этого не происходило. Слезы выступали на ресницы Савелия, но он улыбался, чтобы на них не обратила внимания Бася. Однажды она все-таки заметила его грусть.

— Папа, я что-нибудь делаю не так? — спросила она.

— Все так! Ты очень хорошая, умная девочка! — через силу радостно вымолвил Савелий. — Бабушка была бы счастлива увидеть тебя!

— А где бабушка Бася? — наивно вымолвила девочка.

— Осталась в России, — хрипло произнес Савелий, не скрывая слез.

— Почему же она не приезжает к нам? Она что, умерла?

— Нет, — помотал головой Савелий и, преодолевая спазмы, сдавившие горло, тихо, но уверенно произнес: — Пока мы с тобою вместе, Басенька, бабушка

думает о нас. Она сейчас рядом с Богом и молит его, чтобы он уберег нас от всяких бед.

— Он может вылечить даже Санни? — поинтересовалась дочь о своей любимой собачке.

— Может. И вылечит, — уверенно произнес Савелий.

— А почему ты мне не рассказываешь о дедушке? — серьезно спросила дочка. — Его что, не было?

— Был! — серьезно и твердым голосом произнес Савелий. — Он любил бы тебя не меньше бабушки. Но... но нашего дедушку погубил дьявол.

— Страшный?

— Очень страшный. Но ты его не пугайся. Он уже не может причинить никому вреда.

— Его что, посадили в клетку?

— Да, — кивнул Савелий, довольный тем, что ему не придется выдумывать дочке сказку об исчезновении дедушки.

— А какой он был, мой дедушка? Ты мне когда-нибудь расскажешь о нем? — улыбнулась Бася. — Все дедушки очень добрые. Они любят гулять с внучками, водят их в Диснейленд.

— И твой дедушка был добрый, — сказал Савелий, — и умный, он был адвокатом.

— Лаером? — по-английски сказала Бася. — Он помогал людям. Теперь я понимаю, почему он не понравился дьяволу.

Савелий вспомнил отца, по рассказам мамы, очень обаятельным, таким, как представляла Бася, ведь мама говорила Савелию, что до лагеря отец был улыбчивым и общительным человеком.

— Поедем сегодня в Диснейленд! — неожиданно предложил Савелий.

— Но на улице идет дождик, — заметила Бася, — мама не отпустит.

Марина удивилась настойчивой просьбе мужа прокатить дочку в Диснейленд, в такую ненастную погоду, но почувствовала по одержимости, с которой умолял ее Савелий, по боли, сочившейся из его глаз, что своим отказом сильно огорчит мужа.

— Поезжайте, — пожалала она плечами, — только по-теплее одень Басеньку.

Савелий с дочкой спешили в парк детских чудес, чтобы успеть к самой кульминации зрелища — парад Микки-Мауса, но парад отменили из-за усилившегося дождя. Савелий с дочкой сели в лодку и прокатились мимо действующих аттракционов. Когда они проезжали возле острова чудищ, Бася повернулась к отцу:

— Такое чудище погубило дедушку?

— Хуже, — сдвинул брови Савелий.

— Еще хуже? Разве бывает? — испуганно удивилась дочка.

— Теперь оно нам не страшно! Каким бы ни было! — сыграл в смелость и уверенность в своих словах Савелий. Потом они сидели в китайском ресторанчике, и Бася ела спагетти сколько хотела. Мама в мучном ограничивала дочку, а сегодня Савелий разрешал ей все, даже заказал две порции мороженого, правда размягченного, и пепси без льда. А на выходе он сфотографировал дочку у скульптуры Уолта Диснея.

— Дедушка был похож на него, — сказал он Басе и снова загрустил, — не вылитый Уолт Дисней, но такой же умный и добрый.

— Понимаю, — сказала девочка, — но почему, папа, ты сегодня то улыбаешься, то плачешь?

— Слезы мои от дождя, от скверного дождя, — крепче обхватил руками руль Савелий, — а улыбаюсь я оттого, что мы вместе, дочка!

Бася положила головку свою на его плечо, и Савелий неожиданно для себя затормозил машину — ему показалось, почудилось, что сейчас из-за угла медленно выйдет мама. Он даже прождал ее несколько минут, настолько сильным было предчувствие.

— Почему мы остановились? — сонно произнесла Бася.

Савелий не ответил ей и тронул машину с места.

Борьба с недугом. Прыжок выше головы

Импресарио Савелия в Голливуде вылавливал фильмы, в которых можно было занять Савелия. Делал он это с не меньшим усердием и вниманием, чем для других артистов, на контрактах которых он зарабатывал больше. Он говорил только по-английски и в разговорах с Савелием следил за его произношением, и если он делал явный ляп, то тут же следовал вопрос:

— Не понимаю?

Савелий тушевался, доставал словарь, рылся в нем, проверяя себя, но если его снова подводило произношение, то импресарио был непреклонен:

— Не понимаю?

Однажды он объяснил свою строгость:

— Я впервые работаю с эмигрантом, к тому же неважно знающим английский. Вы знаете, почему я пошел на это?

Савелий покраснел.

— Вы хорошо относитесь ко мне. Наверно, потому, что я — эмигрант...

Борьба с недугом. Прыжок выше головы

— Дело не в этом, — поморщился импресарио, — я не глава благотворительной организации. Для меня не играет роли, откуда вы приехали. Я чувствую в человеке артиста. И я понимаю, что вы прибыли из страны, где люди вообще скованны. Вы очень свободно играли в последнем фильме чеха. Значит, можете регулировать свое состояние. Неужели вы не понимаете, каким артистом стали бы, если бы чисто говорили по-английски? Вы — скромный человек. Вы не гонитесь за высокими гонорарами. Ни разу даже не поспорили со мной. Вы скромнее девочки в колледже. Это очень плохо. Я не призываю вас вести себя как девчонка, при каждом удобном случае задирающая юбку, чтобы показать свои прелести. Но вы, черт возьми, забываете, сколько вам лет. Чтобы быть любимым артистом в восемьдесят лет, шестьдесят из них нужно работать в кино или на сцене как мул. Вы ленитесь и медленно овладеваете тем английским, на котором говорят даже средние артисты. У меня болит сердце, когда я заключаю контракт с одним из них на роль, которую вы могли бы сыграть блестяще. Вы знаете, что о вас сказал один из создателей «Человека дождя»? Я специально не называю его фамилию, чтобы вы не загордились. Он сказал о вас, что в этом русском сидит дикий нерв, а этот режиссер работает с самыми лучшими американскими артистами, он понимает толк в таланте. Он сказал, что вы могли бы ошеломить зрителей. Ведь вы, как мне известно, делали это в России даже на пустячных ролях.

— Были и неплохие роли, и хорошие режиссеры, — возразил Савелий, — и фильмы — тоже.

— Не дурите мне голову! — неожиданно вспыхнул импресарио. — Все лучшее — в Голливуде. И если где-

нибудь появляется талантливый актер, или режиссер, или оператор, то его немедленно поглощает Голливуд, как любого приличного игрока национальная хоккейная или баскетбольная лига. Здесь платят больше, чем где-либо. И люди стремятся заработать хорошие деньги; мне кажется, что они вам не нужны, что вас устраивает «мерседес», хотя вы могли бы разъезжать на «порше» или «кадиллаке», иметь виллу на Гавайях, в Швейцарии и где вам захочется. Я прав. И не спорьте со мной.

— Не собираюсь спорить, — сказал Савелий, — не хочу раздражать вас своим произношением. Скажу лишь о том, что мечтаю купить домик в Ялте. Приезжать туда в сентябре. Но пока это невозможно.

— Где эта Ялта? — удивился импресарио. — Ни один американец не стремится туда, по крайней мере, из моих знакомых.

— Ялта в России, — вздохнул Савелий, — я и Олег Видов не можем приехать туда. Там мы — предатели.

— Что?! — выпучил глаза импресарио. — Вы что, выдали нам какие-нибудь секреты? В России должны гордиться, что их артисты играют в Голливуде! Мы не сразу разобрались со своеобразной игрой Депардье, но французы доказали нам, что он прекрасный артист. Они хотели этого. А вас, как мне рассказывали, вообще перестали снимать на родине. Почему? Я ломал голову, но мое сознание, наверное, очень слабое, чтобы понять это. На вас можно было заработать громадные деньги! Или вы чем-нибудь обидели режиссеров, и они перестали работать с вами?! Или вы, извините, наркоман или уголовник, с которым не хотят иметь дело продюсеры? Но вы — скромнейший, законопослушный гражданин!

Борьба с недугом. Прыжок выше головы

— Режиссеров я всегда боготворил, — улыбнулся Савелий, — судьбами актеров у нас ведают совсем другие люди. А продюсеров у нас пока нет. Их заменяет государство.

— Коммунисты! — догадался импресарио. — Вы не нравились коммунистам!

— Нравился зрителям, — сказал Савелий.

Импресарио нервно заходил по комнате, держа руки в карманах, что он делал редко, когда волновался.

— Я представляю, что будет твориться в наших кинотеатрах, когда вы станете играть главные роли! Мы перебьем по сборам даже «Унесенных ветром»! Я замечтался. Не перебьем. Вы не знаете американскую жизнь, так как не впитали ее с детства. И вы не столь красивы, как Гейбл. Но почему вам так медленно поддается наше произношение? Я думаю, что и в России вы учились неважно. Почти уверен...

— Неважно занимался, — согласился Савелий, — делал много ошибок в диктантах.

— О боже! — взмолился импресарио. — И по-английски пишете плохо, это можно простить, вы не клерк, но научитесь правильно разговаривать! Прошу вас! Мы теряем время, которое можно не вернуть! — вдруг грустно вымолвил импресарио, а Савелий вздрогнул, словно импресарио проник в его тайну, которая была и о которой Савелий не поведал никому, даже самым близким друзьям, даже самую малую толику. Он на самом деле никогда не стремился к богатству. Мечты его еще в России не поднимались выше собственного бассейна и дома в лесу. Не дачи, а именно дома, где он мог бы жить постоянно. Его не прельщала светская жизнь голливудских звезд, их оригинальные

виллы, налезавшие одна на другую. Он усердно занимался английским произношением, но еще больше — своим здоровьем. А тайна его заключалась в том, что здоровье было его ахиллесовой пятой, и он об этом знал. Мама умерла от инфаркта, от сердечного расстройства, но подстегнули его, помимо катастрофы с мужем, метастазы рака. И бабушка умерла от рака, и ее сестры. Савелий выглядел спортивно, много плавал, развивал легкие, потому что именно рак легких преследовал его родных по женской линии. Он помнил о туберкулезе, подточившем его легкие в детстве. Он интуитивно чувствовал, что неизлечимая болезнь может неожиданно поразить его, и сражался с нею как мог. Об этом не знал никто. Родные и даже самые близкие друзья считали это его странностью, иногда доходящей до мании или абсурда. А он искал любую возможность, чтобы дать еще один бой невидимой, но смертельной болезни.

Теперь я понимаю, почему он, освободившись на несколько дней от съемок, приехал ко мне зимой в подмосковный пансионат «Березки», чтобы показаться на лыжах, вдохнуть в легкие согретый первым весенним солнцем бодрящий воздух. Он никогда не был лентяем, и ему, как уже ярко мелькнувшему на экранах артисту, наверное, было неудобно крутить баранку такси, но другую для себя работу он нашел бы, даже взялся бы помогать работникам жены таскать рыбу из холодильников и в довольно большие промежутки между съемками нашел бы себе дело и не раздражал бы жену и тещу, помог бы их бизнесу. И нельзя осуждать Марину, втянувшуюся в американский образ жизни бизнесменов. Она не знала скорбную тайну Савелия и, наверное, поэтому подробно

Борьба с недугом. Прыжок выше головы описывает чересчур странную для нее его заботу о своем здоровье.

«На протяжении многих лет Савелий строго, даже фанатично заботился о своем здоровье. Он тщательно, можно сказать, скрупулезно изучал все предписания и рекомендации диетологов и основы восточной медицины. В кухонных ящиках и на стенах были развешаны многочисленные «рецепты здоровья». Он делал абсолютно все возможное, чтобы дожить до глубокой старости, не болея (не умереть рано. — В.С.). Он шутил: «Это первый эксперимент, как дожить до 140 лет здоровым». Проснувшись утром, он пил чай из целебных трав. После этого помолится Богу и бежит к океану (он жил в нескольких кварталах от океана). Большую часть жизни он плавал. Пробежка, зарядка на свежем воздухе, после чего первый завтрак — разнообразные фрукты. Затем гигиенические процедуры и второй завтрак — салат из свежих овощей. Обед был простой и разнообразный. В термос Савелий засыпал крупу, заливал ее крутым кипятком, и через несколько часов обед был готов. В кашу добавлял очищенное оливковое масло, мед, иногда семечки и изюм. Ужин — опять сырые овощи, каша соевая, тафа. Все это покупалось в магазинах «Здоровье», то есть было натуральным на сто процентов. По пятницам Савелий ел рыбу, которую недолго варил на пару. Пил соки». Забегая вперед повествования, я вспоминаю встречу с Савелием в первый после эмиграции приезд в Москву. Он произошел летом. Савелий сидел за столом в ресторане ЦДЛ с Марком Розовским. Я подсел за столик к ним. Марк вскоре ушел. О разговоре с Савелием я расскажу позже. Но теперь хочу сказать о том, что

ел он рыбу — судака по-польски, приготовленного на пару. Вспоминаю, что Савелий приезжал к режиссеру Данелии на съемки фильма «Настя», по разным моментам высчитываю день встречи, и выходит, что это было в пятницу (!). Совершенно точно Марина описывает его систему питания, и поражает его пунктуальное следование графику приема пищи. Этот на первый взгляд маловажный факт свидетельствует об удивительной обязательности Савелия — качестве, по которому лучше и легче всего проверить порядочность человека. Он давно не был в российских ресторанах и спросил у меня, сколько нужно дать официанту на чай. Нас обслуживал официант Саша, скромный, интеллигентный парень, с которым у меня были хорошие отношения. Он был холост, жил, как и я, с больной мамой, очень серьезно относился к браку, и это по-человечески сближало нас.

— Официант — замечательный парень, — сказал я Савелию, — дай ему на чай рубль. Он уже счастлив, что обслуживает тебя.

— Нет, — неожиданно для меня серьезно произнес Савелий. — Я могу обидеть его.

— Дай два рубля, — безразлично заметил я. Савелию не понравилось мое легкомысленное отношение к этому, и он дал Саше на чай три рубля. Мы уговорились с Савелием, что будем перезваниваться, и он всегда звонил мне в точно обусловленное время.

Марина не случайно подробно описывает рацион Савелия, считая, что он может дать основания для размышления медикам и геронтологам, особенно тем, кто давал советы бывшему мужу, тем, кто излагал свои предложения в книгах о том, как продлить жизнь при помощи правильного питания.

Борьба с недугом. Прыжок выше головы

Савелий не употреблял ни соли, ни сахара, ни хлеба и других мучных изделий, ни молочных продуктов, ни яиц, не говоря уже о мясе. Лишь изредка, на торжествах, он позволял себе съесть что-нибудь вкусненькое. Время от времени очищал организм методом голодания. И тут у Марины, на мой взгляд, пусть мельком, но проскальзывает правильная мысль, когда она говорит об опасной для жизни Савелия наследственности, а дальше следуют не претензии, а обращение к медикам и геронтологам проверить состоятельность их практических советов.

Тут я хочу перенести читателя к судьбе другого, безумно талантливого артиста, выросшего в обеспеченной театральной семье, но, по всей вероятности, с юных лет страдающего недугом, о котором он знал. Недуг выдавала болезненность его лица, которую он скрывал гримом. Я говорю об Андрее Миронове. В отличие от Савелия, он избрал другой метод борьбы с болезнью — наступление на нее творчеством, постоянной работой, которая, по его мнению, давая ему удовлетворение, должна была победить заболевание или, по крайней мере, отдалить ее победу над ним.

У Ивана Алексеевича Бунина есть удивительный рассказ — «Легкое дыхание», рассказ о красивой, чувственной и трепетной гимназистке, жизнь которой оборвалась внезапно. Но еще до трагической развязки жизни Андрея при встрече с ним этот рассказ невольно возникал в моем сознании.

Мы с Андреем были знакомы, но не более, хотя симпатизировали друг другу, и когда здоровались, лицо его округлялось в доброжелательной улыбке.

Встречались не часто. В ЦДЛ и на концертах. Запомнился его провал на сцене ЦДЛ, на моей памяти единственный, а с кем из артистов подобное не случалось. Думаю, что бывало с каждым.

Шел вечер, посвященный шестидесятилетию известного в стране, а еще более — за рубежом, в странах народной демократии — писателя-сатирика Владимира Соломоновича Полякова, автора многих программ Аркадия Райкина, Мироновой и Менакера — родителей Андрея, автора сценария суперфильма «Карнавальная ночь», автора и художественного руководителя Московского театра миниатюр. С театрализованными поздравлениями к писателю обращались Игорь Владимирович Ильинский, Аркадий Исаакович Райкин, Леонид Осипович Утесов... И вдруг после этих асов искусства на сцену выпорхнул молодой, красивый, обаятельный Андрей Миронов и начал исполнять пародию на куплетиста, не имеющую никакого отношения к юбиляру. Он тщательно подготовил номер, жесты его были отточены, танец безупречен, но они не были обращены ни к творчеству, ни даже к пристрастиям Полякова. На фоне великих артистов Андрей смотрелся неплохо, но полностью уступал им в точности и выборе репертуара для этого вечера и ушел со сцены, как говорят артисты, под стук собственных каблучков. Он протиснулся к выходу среди людей, заполнивших фойе ЦДЛ, надвинув на глаза кепку, бледный, осунувшийся, с потухшим от переживаний лицом.

Иные артисты после такого провала сникают, иные, словно воспарив над неудачей и предварительно разобравшись в ней, начинают диковинный творческий полет, который не в состоянии остано-

Борьба с недугом. Прыжок выше головы
вить никакая преграда, в случае с Мироновым — даже запрет на телепоказ Андрея в концертах самого шефа «Останкина». Андрей прорвался на телеэкран в фильмах, где играл главные роли. Играл без всякого напряжения, непринужденно, весело и, танцуя, парил над сценой, словно приподнятый над ней энергией души и сердца. Вот тогда я опять вспомнил бунинский рассказ, и Андрей показался мне человеком с легким дыханием, хотя при близких встречах сквозь грим просвечивала бледность, болезненность его лица и умело скрываемая, но при внимательном рассмотрении зримая грусть в глазах.

Однажды в крупном НИИ я выступал в концерте с дуэтом Андрей Миронов — Александр Ширвиндт. Работали по отделению. Они — первое, я — второе, что позволило мне из-за кулис следить за их действием. Меня поразила актерская и душевная отдача Андрея. В каждом номере. Он читал лирико-сатирический монолог, и перед зрителями калейдоскопически менялось его лицо — то было беспечным, то ироничным, то грустным и даже сердитым, то беспомощным, растерянным, но всегда мыслящим. Он заставлял зал сопереживать каждому своему слову, каждому проявлению своих чувств, и не десять-пятнадцать минут, а более часа. Сколько длилось его с Ширвиндтом отделение. Иногда они вступали в диалог, иногда играли сценки из спектаклей, но каждый раз, когда Андрей возвращался за кулисы, лицо его было покрыто потом, а дыхание было учащенным, но по-прежнему легким. Утихали аплодисменты, и он снова, не успев передохнуть, рвался на сцену, как в бой, бодрый, на хорошем актерском нерве, и зрителям даже не могло прийти в голову, что еще минуту назад усталость обволакивала

его тело, слепил глаза пот. А в конце отделения Андрей и Александр играли длинную и довольно традиционную для эстрады пародию на чрезмерное и приводящее к халтуре увлечение некоторыми артистами количеством концертов, сыгранных за один день. Сценка состояла из нескольких выходов: артисты после первого концерта, после пятого, десятого и пятнадцатого. Ширвиндт с каждым выходом становился усталее, анемичнее, глупее, сутулился, туповато смотрел на зрителей, а Андрей играл ту же, по существу, роль, но с умноженной отдачей: говорил невпопад, пугал реквизит, падал на сцене, поднимался и снова падал, шел не в те кулисы, осатанело таща за собой обалдевшего партнера и доводя номер до абсурда, до клоунской эксцентрики, едва ли доступной по мастерству и пластике другим драматическим актерам.

Я и раньше знал, как тяжело достигается Андреем легкость на сцене, после скольких изнурительных репетиций. Он иногда бравировал своей воздушностью, мол, посмотрите, как легко, свободно и непринужденно я танцую. Каскад самых сложных движений не прерывался ни на секунду, и чтобы показать зрителю, насколько просто это ему удастся, он еще подпевал себе, не чурался высоких прыжков в танцах, даже, кажется, умышленно совмещал самые сложные па, трюки и пение, паря над сценой, занимая каждый метр ее своеобразным моноспектаклем.

У него было легкое дыхание. Он и трагические роли играл без искусственного напряжения, органично и жизненно, словно не было рядом кулис, задника, а шла жизнь.

Он играл в театре, снимался в кино, выступал с сольными концертами... Сегодня, завтра, каждый

Борьба с недугом. Прыжок выше головы день, иногда по нескольку раз в день. Я не знаю, спешил ли он сотворить на сцене больше, чувствуя развитие недуга, и старался, получая заряды тепла от зрителей, побороть болезнь, остановить ее наступление. А может, и не думал о болезни, интуитивно чувствуя, что ему необходима работа, и никто не мог даже притормозить его феноменальный и высококлассный артистический перпетуум-мобиле. Даже он сам. Я думаю, что, наверное, у Андрея Миронова было легкое дыхание, которое могло прерваться только один раз. Но уже навсегда. Савелий Крамаров выбрал комбинированную защиту от своего недуга: творчество, диету и спорт.

Я могу лишь констатировать, что во время приездов в Москву (1992 г. и 1994 г.) он в пятьдесят шесть и пятьдесят восемь лет выглядел отлично — молодо и бодро. У него был здоровый цвет лица, подвижность, гибкость в движениях, он лихо водил машину. Значит, своеобразная диета продлевала его молодость и, вероятно, до тех пор, пока была в силах совершать это. Ведь один из его самых близких друзей, в свое время ведущий кинооператор нашей страны Александр Кольцатый перешагнул девяностолетний юбилей, хотя его жизнь тоже складывалась не гладко. Савелий жаждал работы в кино. Предложения сниматься в рекламе раздражали его, но он не обижался на своего импресарио. В Америке Савелий был своего рода начинающим артистом, к тому же в пятьдесят лет, и терпеливо сносил травмирующее его душу предложение рекламировать колбасы.

Он спорил с режиссером в трактовке роли русского космонавта в фильме «2010».

Режиссер обладал незаурядной фантазией и требовал от Савелия большей шаржированности образа:

— Вздрагивайте, Крамаров, когда кто-нибудь из космонавтов-иностранцев предлагает вам что-нибудь такое, о чем вы не были проинструктированы на родине. Это будет очень смешно! Или у вас это не получается?

Савелий опускал голову, не зная, что ответить.

— Пусть у вас в глазах маячит Золотая Звезда Героя России, которую вы получите после полета на родине. Еще двухкомнатная, максимум трехкомнатная квартира в городке космонавтов. Машина «Жигули» последней модели. И самое главное — 500 долларов, которые вы получите из фонда Сороса! Сумма в четыре раза меньше, чем вы здесь получаете за съемочный день! Это очень рассмешит зрителей! Почему вы молчите?!

— Я играю русского космонавта осторожным, когда заходит разговор о политике. Этого достаточно. Но делать из него идиота я не могу. В России, как и в Америке, космонавты проходят тщательный отбор. В экипаж космического корабля попадают только отважные и образованные люди, тем более в международный экипаж. А нищета... Она существует. И смеяться над ней грешно. У русских людей есть единственное, чем они могут гордиться, хотя и меньше, чем прежде. Это — космонавтика. Я — американец, но родом из России, и даже если бы был пуэрториканцем и знал жизнь России, то сказал бы вам то же самое. Извините меня.

Режиссер задумался, пытливо глядя в глаза Савелия, но через минуту рассмеялся:

— Вы — американец! И какое вам дело до русских, которые почти целый век мечтают и пытаются всюду

Борьба с недугом. Прыжок выше головы внедрить свой коммунизм. Искусство не требует скрупулезности материала. Играйте русского космонавта человеком из империи зла. Поверьте мне, он достоин осмеяния. И вы после этой роли получите оглушительный успех! Я не сомневаюсь в этом! Хватит валять дурака, Крамаров!

Теперь задумался Савелий. Может, действительно плюнуть на условности и приличия? Его, по сути дела, изгнали из России. Кто там правит страной? Что за чиновники сидят в Комитете по кинематографии? Но тут он вспомнил слова Ильи Суслова, одного, если не главного организатора «Клуба 12 стульев» «Литературной газеты». Он, ироничный от природы, шутил зло, но оригинально, когда пришел в Нью-Йорке на выступления Савелия и зашел к нему за кулисы.

— Дуришь эмигрантов, — сквозь очки улыбнулся он. — А я задурил голову одной из коренных американок, да так, что у нас родился ребенок.

Стали вспоминать общих знакомых, и тут Суслов сказал слова, которые поначалу резанули слух и душу Савелия.

— Ты знаешь, Сава, я бросил бы на эту чертову страну атомную бомбу, но товарищей жалко.

Потом Савелий понял, что Илья, отдавший становлению «Литературки» свой удивительный редакторский талант и воспитавший целую плеяду отличных писателей, грустил, потеряв общение с ними, и даже тепло принимал у себя дома в Штатах Арканова, которого не любил за высокомерие, Лиона Измайлова, вечно пишущего со скрытыми соавторами и появившегося на шестнадцатой полосе под псевдонимом «Измайловы», за которым скрывалось три автора из самодеятельности МАИ, зная, что у Лиона в инсти-

тутском театре была некрасивая история, связанная с финансами.

— Ты не встречал Владина? — спросил Илья Савеллия.

— Нет. Не до встреч было. Виделся с людьми только при большой необходимости. Ведь за мною следили. Не хотел бросать на них тень.

— А Володьку Владина жалко, — вздохнул Илья, — хорошо начинал. Но потом я почувствовал, что он больше ничего стоящего не напишет. Он был дико ленив и представил, что «Клуб 12 стульев» — это не полоса, на которой нужно печататься, а клуб, просто клуб, где можно поболтать и выпить принесенную автором бутылку. Я тоже выпивал, ведь автор приносил спиртное не как взятку, а для того, чтобы разделить с нами радость от выхода на полосу своего произведения. Счастливые были времена. Я простил авторов, когда они предали меня в Новосибирске. Я их иногда правил. Вынужденно. И для проходимости рассказов. И когда они не умещались на полосу. Ленился вызывать ребят из-за изменения десятка их строчек. Наверное, был не прав. Но в Новосибирске, после гастролей, мой шеф Виктор Веселовский обвинил в этом меня, в самых грубых выражениях, и мои авторы, мои, как я думал, его поддержали. Теперь полоса существует, но не более. И знаешь почему, Сава, у Вити недостаточно хорошо идут дела? У него нет определенной гражданской позиции. Не ясно, с чем он, как сатирик, борется, что отстаивает. Я слушал твой концерт, Сава, и, извини, цельного представления у тебя не получилось. Смешить людей — хорошо, но мысли не хватает. Артисты, приезжающие из Союза сюда на гастроли, рассчитывают на эмигрантов из Бердичева. Но есть

Борьба с недугом. Прыжок выше головы и другие, и их немало. Математики, программисты, художники... тебе нечего им сказать. Подумай об этом, Сава. Я давно уехал, давно гражданин Америки, могу по турпутевке махнуть домой, в любое время. Но не хочу быть гостем там, где родился, где приносил радость самым интеллигентным людям. Наверное, уже умер Артур Сергеевич...

— Кто это? — поинтересовался Савелий.

— Тертерян. Член редколлегии «Литературки». Он курировал мой отдел. И часто шел мне навстречу. Подписывал острейшие рассказы. И когда, после выхода газеты, от куратора отдела печати ЦК приходил нагоняй главному редактору, мы с Артуром Сергеевичем внутренне радовались. Значит, попали в десятку. И еще я не уверен, что мои бывшие друзья захотят меня увидеть. Шатько, Горин, Стронгин, Климович, Генин... Это — люди. А в остальных я не уверен. Теперь я для них никто. Ничем помочь не могу. Но когда-нибудь литературоведы раскопают, какое мы с Витей благородное дело сотворили в замшелые времена. Витя был талантливым журналистом. Понимал меня и поддерживал, но слава и водка... Чего вспоминать. Не он один не смог пережить медные трубы. А ты, Сава, подумай, о чем я тебе говорил.

— Спасибо! — воскликнул Савелий, в голове которого уже крутились мысли о необычной роли, к исполнению которой он готовился.

— Я тебя уважаю за талант, — прямо глядя Савелию в глаза, произнес Илья.

— Ты перехваливаешь меня, — смутился Савелий.

— Нисколько, — возразил Суслов, — в России тебе об этом не говорили. А знаешь, почему? Ты никогда не восхвалял советскую власть, не кричал «ура»

КПСС. А я тебя за это уважаю. Тем не менее, скажу, что в Америке со старым багажом не проживешь. Ищи новые краски в творчестве. И запомни, уж я-то знаю, испытал на собственной шкуре, что Америка — это страна, где надо вкалывать. Иногда через силу. Вкалывать на полную катушку. Чтобы изучить английский в совершенстве, я работал продавцом часов в крупном магазине, где приходилось часто общаться с покупателями. Специально заводил с ними разговоры. Учился у них произношению. Обогащал свой словарный запас. И порою работал две смены подряд. Не присаживаюсь. Чтобы быстрее овладеть языком. И меня взяли на работу в журнал «Америка». Пригодился там, где не родился. А из «Литературки» меня вытаскивали. Я сказал в глаза одному из писателей, что он — стукач. И не жалею об этом, горжусь, что хватило духа.

Савелий оживился, стал улыбаться, поскольку слова Суслова приоткрывали ему подтекст новой роли.

— Чего стоишь, то здесь и получишь, — на прощанье сказал ему Илья, — всякое бывает, люди и тут далеко не совершенны. Но деловых, трудолюбивых людей в Америке ценят. Мой родной брат Миша не сразу стал здесь кинооператором. Пришлось доучиваться. Самому. Мысленно проникая в тайны ремесла местных мастеров. А в России снимал лучшие фильмы. К примеру, «Шестое июля». Теперь считается профессиональным кинооператором, но сколько намучился, чтобы овладеть мастерством голливудского уровня... Но труды не пропали даром. Еще раз желаю тебе удачи, Сава.

Встреча с Ильей Сусловым возбудила в голове Савелия рой мыслей. Он совершенно не обиделся на Илью за то, что тот не предложил ему помощь брата,

Борьба с недугом. Прыжок выше головы

который вроде мог бы замолвить за него слово перед режиссером. Тут это не принято. Режиссер, как правило, знает профессиональных киноактеров, хотя их очень много. Предлагать своих клиентов может импресарио. Это — его бизнес. К тому же роли, которые способен играть Савелий, ограничены из-за недостаточного знания английского. Жаль, что разговор с Ильей состоялся сегодня, а не лет на двадцать раньше. Савелий серьезно и внимательно относился к текстам, которые исполнял с эстрады. Он точно «ложил» их на себя, на задуманный образ, но стремился к тому, чтобы они были в первую очередь смешными и не пошлыми. Наверное, потому удачным вышел телебенефис, что тексты были не вычурными, не чересчур смешными, а достаточно интеллигентными и ироничными. Спасибо редактору Боре Пургалину. Савелий хотел работать с Михаилом Жванецким. Он очень уважал этого автора, но тот был увлечен Райкиным, Карцевым и Ильченко... Ему было не до Крамарова, хотя он симпатизировал ему и улыбался при встрече, даже сказал как-то, что в этом кино артисте заложен далеко не израсходованный заряд юмора, чем очень польстил Савелию. Несколько раз Савелий пробовал исполнять уже известные ему тексты Жванецкого, но ничего толкового не получалось. Некоторые его фразы он даже не мог связно и осмысленно произнести. Корил себя за бездарность, пока не услышал от еще молодого и талантливого Геннадия Хазанова, что он тоже не может исполнять тексты Миши, поскольку они написаны в одесской манере. Боря Сичкин, наверное, способен был бы их освоить, но почему-то не хотел. И вообще в Москве рассказывал всем о том, что он родом из Киева. Только перебравшись в Аме-

рику, на Брайтон-Бич, весьма часто стал упоминать о своих одесских корнях. И репризы в одесском стиле органично сливались с его образом. «Многие из вас живут за чертой бедности, — обращался он к зрителям — бывшим одесситам, — я живу — на черте».

Приезд Миши в Америку ошеломил Савелия. Своим фактом. Сатирика пустили в Америку. В тридцатых годах направили сюда Ильфа и Петрова, но, разумеется, с явной целью — разоблачить американский образ жизни. Писатели показали одноэтажную обывательскую Америку несколько тенденциозно, но, как подумалось Савелию, далеко не полностью выполнили социальный заказ. И видимо, «исправляясь», написали рассказ о молодой женщине — жене сотрудника советского посольства в Америке, живущей очень бедно и даже голодно и с невероятным трудом раздобывшей деньги на оплату ухода за ней в родильном доме, забыв упомянуть, что американцы имеют медицинскую страховку — медикаль — и за услуги врача платит государство.

Но еще больше Савелия удивила статья Жванецкого в газете «Известия», в которой после посещения Америки он писал, что там «хорошие товары, а у нас — хорошие люди». И получалось, что плохие люди производят хорошие товары, а хорошие люди — плохие товары. А в конце статьи Миша издевательски писал о своем земляке — одессите Яше, который подарил ему безвкусный с блестками костюм, подарил с условием, что он расскажет об этом в России. Не нравится — хотя не брал бы костюм. Утесову не нравилась артельная малокультурная Одесса, и он тридцать лет не приезжал туда на гастроли, но нигде публично не говорил плохо о родном городе. Лишь в концерте рассказывал

Борьба с недугом. Прыжок выше головы
шутку о том, как после концерта садился в машину и
вдруг его остановила неизвестная женщина. «Лева!
Лева! — вдруг закричала она. — Иди сюда! Посмотри
на Утесова, пока он живой!»

Савелий улыбнулся, вспомнив эту шутку, вспо-
нив многочисленных друзей в России. Он всегда
мог позвонить Марку Розовскому, равнодушному к
человеческим бедам человеку, который мог помочь
ему советом, просто по-дружески, и не формально, а
с полной отдачей мыслей и чувств. Как не хватало его
сейчас, когда Савелию впервые в жизни предложили
роль, которую он мог сыграть не комически. Но по
телефону Марку все не объяснишь, и вообще бес-
покоить его неудобно после злополучного ночного
звонка. Савелий переживал, что в минуты отчаяния
занервничал, засуетился и, придумав пустячную при-
чину, разбудил ночью усталого друга. Обещанные в
этом разговоре джинсы он, конечно, переслал Марку,
но смущение и даже боль в душе от своей невыдер-
жанности не проходили. Он не раз говорил об этом
Марине.

— Может, написать письмо Марку? Извиниться
перед ним? — побледнев, сказал он однажды.

— Письмо из Америки. Тем более после фельетона
«Савелий в джинсах».

— Он был напечатан в «Литературке» год назад, —
сказал Савелий.

— Ты думаешь, в Москве что-нибудь изменилось с
тех пор? — убедительно заметила Марина. — За Марка
взялся сам Ягодкин — бывший секретарь парткома
МГУ. Ты же сам мне рассказывал об этом. Как закрыли
студию Марка в Доме культуры МГУ. Как Ягодкин по-
шел в гору, сделал партийную карьеру. И вдруг письмо

из Америки! От тебя! Ты уверен, что оно не усугубит положение Марка?

Савелий обреченно опустил голову. Но свой ночной звонок, свою ошибку он не забывал и при первой встрече в Москве объяснил ее Розовскому и сердечно извинился перед ним. Марк улыбнулся и сказал, что это пустяки, что давно забыл о звонке и мало того — потом с гордостью рассказывал близким друзьям, что ему звонили из самого Лос-Анджелеса. Звонил Савелий Крамаров. Марк, видя переживания Савелия, как мог, смягчил их.

Друзья из России далеко за океаном, за вроде бы опущенным, но незримо еще существующим железным занавесом. Позвонить в Нью-Йорк Боре Сичкину? Он, конечно, откликнется, но станет предлагать одесские штучки, чтобы усмешнить образ. А когда узнает, что Савелию предложили роль работника советского посольства, то предложит сделать его украинцем, перемешивающим русские фразы с украинской «мовой», и в конце, если можно, хотя бы уход его изобразить в виде подтанцовки, что-то вроде смеси гопака и одесского «семь-сорок». Илья Баскин — отличный актер и настоящий, друг, но он сейчас улетел в Европу. В Нью-Йорке живет Саша Кольцатый — живая история советского кино. Был кинооператором лучших довоенных, военных и послевоенных фильмов. Снимал комедию «Поезд идет на Восток». Но Саше уже за восемьдесят. Удивительный человек — в такие годы сохранил светлый ум. Но придешь к нему — станет рассказывать байки из своей долгой киножизни. Снимать роль просто. Крупным планом идет монолог Савелия. Немногим больше минуты. Режиссер ждет от Савелия образ тупого, злого и

Борьба с недугом. Прыжок выше головы от этого комичного работника советского посольства. Он даже сказал Савелию: «Ты лучше меня знаешь этих типов. Играй, как считаешь нужным. В случае чего — я подкорректирую».

Режиссер был прав. Савелий не раз видел чекистов в штатском. И у подъездов домов, где играл Театр отказников, и в виде хвостов, прыгающих за ним даже в городской транспорт. Одного из них зацепили двери метро, но он, несмотря на свой внешне щуплый вид, одним непринужденным движением плеч освободился от довольно крепких тисков. Савелий встречал особистов и в ОВИРах, и в министерствах, и даже в облике праздно шатающихся по улицам людей, прозванных в народе топтунами.

Савелий решил не шаржировать своего героя. Это стоило ему громадных волевых усилий. Трудно, невысказанно трудно, даже страшно отказаться от того, к чему привык, с чем сросся на деле, хотя мысленно мечтал о другом. Совсем недавно пришлось играть эмигрантов в двух фильмах — немца и чеха, людей суетливых, эксцентричных, проходящих адаптацию в непривычной для них американской жизни. Роли эти дались Савелию легко. Американцы, как он знал давно, не разбирались в акцентах и даже характерах европейцев, тем более из стран социализма. Савелий уже совершил небольшой для себя подвиг — освоил миниатюры раннего Жванецкого, немного «перевел» их на русский язык, поставил подлежащие и сказуемые на обычные места, убрал придыхания, скороговорку и жесты Миши, оставил главное — его мысль. И уже проверил эти миниатюры на публике. Принимались хорошо. На интеллигентном зрителе, когда Савелий выступал в аудитории русских программистов и

математиков. Собрать их помог программист Саша Лифшиц, бывший напарник Александра Левенбука по эстраднему дуэту в России. Савелий поделился своим решением с Олегом Видовым. Олег странно, но дружелюбно посмотрел на Савелия.

— Я знал, что ты смелый человек, Сава. Но не до такой степени. Я горжусь тобой. Покажи своего кагэбэшника таким, как он есть.

— Мало времени. Мой монолог занимает одну минуту.

— Да, времени тебе отвели маловато, — согласился Олег. — Но вид... Тебе может помочь то, каким ты покажешь своего героя. Только убери обиды, нанесенные тебе органами. Личные обиды и злость могут помешать создать точный и обобщенный образ. Если бы тебе удалось выразить его внутренний мир, его сущность, выразить их на лице... Это было бы замечательно, Сава. Не комикуй. Попробуй себя в другом жанре. Удача откроет тебе такие широкие возможности, о которых ты даже не мечтаешь. Режиссеры видят тебя только в узком амплу комедийного актера, а ты можешь то, я уверен, что недоступно мне. Играть трагикомедию. Это — наша жизнь, Сава, общечеловеческое явление. Смешное и грустное издавна переплетаются друг с другом. Мы привыкли их отображать отдельно. Жанр трагикомедии редкий в мировом искусстве, но, возможно, самый жизненный. За ним — будущее. Я много думал об этом... дерзай, Сава. Не проиграешь. Я читал рекламу этого фильма. В нем играет Шварценеггер. Значит, будет кассовый фильм.

— «Красная жара» — весьма дорогой фильм, — кивнул Савелий. — Пойдет широко. Я очень постараюсь

Борьба с недугом. Прыжок выше головы сыграть так, как ты советуешь, Олег, — сказал Сава и подумал, что жизнь прекрасна, когда в ней есть настоящие друзья, добрые и талантливые, как Олег Видов.

— Бог не покидает меня, — благодарно улыбнулся Видову Савелий, — он послал мне тебя. Я буду молиться еще больше... Спасибо, Олег. Вечное тебе спасибо!

Когда Савелий увидел себя на экране в роли работника советского посольства, говорящего зло и раздраженно, не привыкшего к тому, что жизнь складывается не по укладам бериевских времен, то замер от удивления. Его герой выглядел в цивилизованной действительности тупым и, кроме омерзительных амбиций, не выражал ничего. У Савелия даже защемило сердце, увидев, до какой нищеты духа может довести тоталитарная система человека. Но постепенно радость вселялась в его сердце. Ему показалось, что он прыгнул выше своей головы.

Зовет родина

Неожиданно раздался звонок из Москвы. Савелий услышал в трубке голос Оскара Волина и понял, что случилось что-то невероятное и хорошее, иначе скромно зарабатывающий друг не решился бы на дорогостоящий разговор с Америкой.

— Как дела, Савелий? — спросил Оскар, и его было так прекрасно слышно, как будто он звонил из соседнего дома.

— Нормально! — бодро ответил Савелий, чтобы не сглазить, хотя дела у него шли намного лучше, чем раньше, если не считать одиночества, наступившего в его жизни после развода с Мариной. Роль в «Красной жаре» со Шварценеггером привлекла внимание многих режиссеров кино и телевидения. Савелия стали приглашать в различные телешоу, он снялся в двух фильмах: «Вооружен и очень опасен», «Морган Стюард идет домой». Один из них принес ему большие деньги, о чем я расскажу позднее.

— Слушай, Сава, — сказал Оскар, — я приглашаю тебя на кинофестиваль в Сочи. Как почетного гостя. Возможно, устрою тебе несколько творческих вечеров в санаториях. Нужно прилететь к двенадцатому мая. Ты меня понял?

— Ты приглашаешь? — удивился Савелий.

— Я, — уверенно произнес Оскар, — я — главный режиссер фестиваля. Вопрос о твоём приезде я согласовал с начальством. Решай. Я перезвоню тебе ровно через неделю. У тебя в мае нет съёмок?

— Нет, — растерянно вымолвил Савелий, нескладно обрадованный приглашением, но опасливо отнесшийся к нему, зная, что власти в России считают его едва ли не предателем. Но с другой стороны, Оскар не мог подвести его. Значит, его приглашают на самом деле, без всяких подвохов. Но осторожность взяла верх над этими мыслями.

— Это не ловушка, Оскар? — откровенно высказался Савелий.

— Ты с ума сошел, Сава! У нас в стране идет перестройка!

— А продуктов стало меньше, как едят у нас. Это правда?

— Правда. Но тебя прокормим, Сава. Не беспокойся.

Савелий подумал, что Оскар говорит за государственный счет, и не спешил закончить разговор с другом.

— А кто еще будет на фестивале?

— Лучшие артисты и режиссеры. Но из юмористов — ты один. Не волнуйся, перелет туда и обратно мы тебе оплатим. Я гарантирую.

— В Сочи — хорошо, — сказал Савелий, — наверное, в мае там все расцветает...

— Все, даже искусство! — пошутил Оскар.

— Наверно, приеду, — сказал Савелий. — Но почему не проводят фестиваль в Ялте? Ты знаешь, как я люблю этот курорт. Он — лучший в России!

— Теперь уже — на Украине, Сава. Приедешь — объясню. Сочи давно обогнал Ялту. И по сервису, и по экологическим условиям. В Ялте летом, в разгар сезона не всегда безопасно даже входить в воду.

— Не может быть, — огорчился Савелий и поймал себя на мысли о том, что до сих пор его искренне волнует все, что происходит на родине. — Я приеду, Оскар. Что привезти тебе с Нелей?

— Автоответчик, — без раздумий ответил Оскар.

— Нет проблем! — радостно произнес Савелий, понимая, что мечта посетить родные места оборачивается явью.

— Решили, Сава! Не подведи меня. Тебя очень ждут на фестивале!

«Наверно, преувеличивает», — подумал Савелий, но уже через минуту позвонил в билетное агентство. Оскар не обманывал Савелия. По расчетам хозяина фестиваля Марка Рудинштейна, Крамаров должен был стать звездой кинопраздника, витиевато названного «Кинотавром», и предложение Оскара Волина пригласить его из Штатов пришлось очень кстати. Первые два «Кинотавтра», по существу, походили не на кинофестивали, а на южное сборище артистов, днем загорающих на пляже «Жемчужина», а вечерами гуляющих в барах. Киноиндустрия в России почти что заглохла, и несколько фильмов, привезенных в Сочи, даже бесплатно не посещались зрителями. Лучший местный кинотеатр «Спутник» пустовал даже вечером. И потому, что фильмы были

весьма средние, и потому, что отдыхающих в мае бывает мало. Днем по набережной прогуливался известный кинорежиссер, наверное, изнывающий от безделья. Обнаженный по пояс, он обнимал двух девиц, шагал с гордо поднятой головой, но с хмурым видом. Вероятно, он ожидал от кинофестиваля именно кинофестиваля, а не праздного пребывания артистов на курорте.

До Марка Рудинштейна доходили сведения, в том числе от милиции, о некоторых пьяных киноартистах, обнаруженных ночью спящими на пляжных лежаках и на скамейках в парке имени Фрунзе. Из уважения к кинофестивалю, призванному, по мнению отцов города, привлечь в мае сюда побольше отдыхающих, на пьяных в стельку артистов не заводили дела и даже еле стоящих на ногах, с перекошенными от выпитого лицами популярных и прочих кинозвезд пропускали в отлетающие из Адлерского аэропорта самолеты. Марк Рудинштейн понял, что все это не доведет до добра, рано или поздно станет достоянием прессы, и пригласил в качестве режиссера конференсье Оскара Волина, человека способного, но покладистого, не требующего из «Кинотавра» сделать фестиваль международных стандартов, для чего понадобилась бы такая куча денег, которая могла бы привлечь внимание к их происхождению специальных органов.

Оскар Волин для начала решил устроить парад участников фестиваля, для чего проложил ковровую дорожку к входу в Зимний театр, где открывался фестиваль. Появление на этой дорожке Савелия Крамарова, о жизни которого в Америке, кроме пасквильного материала в «Литературке», умалчивала пресса, должно было ошеломить зрителей и произвести сен-

сацию, привлекающую внимание общественности к кинофестивалю, независимо от качества показанных на нем фильмов. Савелий ничего не знал об этом, а то бы мог и запросить немалую сумму за свое участие в этом кинодействе. В Америке он столкнулся со многими показавшимися ему странными моментами при заключении договора со своим импресарио. В договоре стоял пункт о съемках по одному дублю. Савелий удивился:

— А если с первого раза не получится так, как надо? Ведь придется снимать второй дубль, а то и третий и четвертый... У нас в России есть артисты, которые на первых дублях только разминаются.

Импресарио широко открыл глаза:

— Кто у вас оплачивает пленку, работу кинооператора, помощников режиссера, осветителей?..

— Государство, — нерешительно произнес Савелий, догадываясь о смысле пункта в договоре, смутившего его.

Импресарио, обычно деловой и сосредоточенный на работе, вдруг откинулся на спинку кресла и расхохотался:

— Такое государство никогда не будет богатым!

Савелий по времени не успевал задержаться в Москве и перебрался из Шереметьева во Внуково, откуда первым рейсом улетел в Сочи. Там в аэропорту его встретил Оскар. Они обнялись. Мельком бросили взгляд на поседевшие виски, побеленные годами разлуки, и отправились в гостиницу. На заднее сиденье микроавтобуса неожиданно для Савелия уселись двое здоровых парней с туповатыми лицами. Савелий тревожно посмотрел на Оскара:

— Кто это?

— Твои телохранители.

— Зачем они?

— Чтобы к тебе не приставали зрители и всякая пьянь. Ведь ты не любил этого, — сказал Оскар.

— Да, — согласился Савелий, — но сколько это будет стоить?

— Тебе — ничего, — улыбнулся Оскар, — к тому же телохранители придадут тебе вес и солидность в глазах зрителей. А вдруг тебя похитят и попросят огромных денег за выкуп? Не волнуйся. У нас еще до этого дело не доходит. Я познакомлю тебя с хозяином фестиваля Марком Рудинштейном. Очень милый человек. Ранее владел фирмой «Подмосковье». Кстати, у вас ничего не писали о Рудинштейне?

— Не читал. Первый раз слышу о нем. А почему должны были писать?

— Иногда в ваших русских газетах пишут о том, что не сообщают у нас. Не волнуйся, Сава. Все в порядке. Я никогда не забывал о тебе. В восемьдесят девятом был на гастролях в Японии. С Валентиной Толкуновой.

— Да, ты звонил мне оттуда. Я помню, — сказал Савелий.

— Извини, Сава, что звонил за твой счет и спасибо, что ты разрешил это телефонистке. Поверь, что мне платили гроши.

— Звонок твой помню. Ты о чем-то рассказывал. Я забыл.

— Как? — удивился Оскар. — В городе Акита мы жили в гостинице «Парк-отель». В вестибюле установлен компьютер, по которому можно узнать все про Японию. Я задаю компьютеру вопрос: «Идут ли в Японии фильмы с участием артиста Савелия

Крамарова?» Компьютер отвечает: «В таком-то году, в таком-то месяце шел фильм “Джентльмены удачи”. В настоящее время фильмы с этим артистом не демонстрируются, но если вы пожелаете, то мы можем их для вас заказать». Неужели забыл этот разговор?

— Что-то вспоминаю, — ответил Савелий, — вспоминаю, что был очень занят. Учил и репетировал новую роль. Разумеется, на английском языке. Ты знаешь, что память у меня неважная. К тому же изо всех сил убирал русский акцент. Адов труд. На съемках не должно быть ни одного сбоя. Все сцены снимаются с одного дубля. Поэтому и на съемки американских фильмов уходит намного меньше времени, чем на наши. Но точно помню, что я тебе перезвонил, когда ты вернулся из Японии. Ты тогда спросил, почему я не приезжаю. И я тебе честно ответил, что боюсь, что мне будет неприятно, если кто-нибудь на улице цыкнет на меня, что я предатель, уехал за длинным долларом...

— Я тебе сказал, что ничего такого не будет, хотя, признаюсь, ходили слухи, что ты уехал получать наследство богатого дяди.

— Богатство? — усмехнулся Савелий. — У израильского пенсионера не хватает денег на оплату жилья. Отрывает от пенсии. Я, приехав, помог дяде!

— Не удивляйся, Савелий. У нас частенько выпускали грязные слухи о знаменитых, но неугодных властям людях. Даже о маршале Жукове. А о Райкине... Наверное, не знаешь. О нем говорили, что он регулярно передает большие суммы государству Израиль. И это при его ставке сорок пять рублей за представление. При семи-десяти концертах в месяц.

— Зато я знаю, почему запел Райкин. В программе «Времена года». Помнишь: «Ты ласточка моя, ты зорька ясная...»

— «Ты, в общем, самая огнеопасная!» — допел Волин. — Помню. Пел в пожарной маске. Эту и еще три песни, посвященные каждому времени года. Песни украшали программу и вливались в нее очень органично. Вероятно, это была задумка режиссера или самого Аркадия Исааковича.

— А вот и нет, — улыбнулся Савелий, — предложила ему петь Екатерина Алексеевна Фурцева.

— Министр культуры! Не может быть! — поразился Оскар.

— В ней иногда просыпалась человечность. Все-таки женщина, хоть и высокопартийная, но не железная. Она пришла на премьеру новой программы Райкина, увидела, что он три часа работает на сцене. С огромной отдачей. Узнала его ставку и предложила: «Запойте, Аркадий Исаакович. Ведь вы все умеете. Включите в свой репертуар хотя бы одну песню, и тогда мы сможем доплачивать вам четверть ставки за совмещение жанров». А он включил сразу четыре песни, и не столько ради ничтожного повышения ставки, сколько для разнообразия программы. Я всегда боялся за него, когда он выходил на сцену. Иногда из зала ему кричали гадости. Редко, но бывало такое. Он делал вид, что не замечает оскорбления, но я чувствовал, что он переживает и с трудом ведет программу дальше. Боюсь, что и мне выскажут что-либо подобное.

— Исключено, — твердо произнес Оскар, — а для твоего спокойствия мы наняли двух телохранителей. Посмотри, какие здоровые ребята! Сомнут кого угодно, если к тебе начнут приставать.

— Видел, крепкие парни, — сказал Савелий, — а если на меня нападут с оружием? Я в это не верю, но все-таки интересно, ребята, что вы будете делать? — обратился Савелий к телохранителям.

Парни замялись:

— Конечно, защитим.

— Как? — продолжал своеобразный допрос Савелий.

— Выбьем у нападающего оружие. Закрутим руки и прижмем к земле, — уверенно сказал один из телохранителей.

— Можете не успеть, — сказал Савелий, — идущий впереди меня должен раздвинуть ноги, протолкнуть меня между ними и защитить своим телом.

— Мы обычно идем по бокам клиента, — сказал телохранитель и удивленно посмотрел на напарника.

В разговор вмешался Оскар:

— Сава, хватит заниматься ерундистикой. Тебя ждут в оргкомитете фестиваля. Если узнают о твоём приезде сочинцы и отдыхающие, то будет дикая толчея. Все не уместятся на площадке у театра. Тебе просила передать привет Неля. Очень ждет тебя.

— Спасибо, — тепло произнес Савелий, — объездил почти весь мир, но как кормили на Беговой, вспоминал не раз!

Встреча со зрителями превзошла все ожидания Савелия. Когда он появился на парадном ковре, то люди буквально взвыли от восторга. Некоторые даже кричали «ура!». Так встречают только очень близкого человека, которого не видели очень давно и ждали, надеялись на встречу с ним, хотя и не верили в ее возможность. Савелий ликовал, но в первые мгновения был удивлен столь теплым и восторженным приемом. Не

ожидал его. Потом заулыбался и приветливо помахал рукой людям, бурно приветствующим его на всем пути по дорожке, ведущей к Зимнему театру. В театре, где в основном собиралось городское и приехавшее на отдых начальство, его появление не вызвало фурора, но аплодисментов было много. Даже начальству было приятно и лестно, что на открытие кинофестиваля прибыл сам Савелий Крамаров из Соединенных Штатов Америки. Через день Савелий освоился с обстановкой. Когда он зашел в подогретую морскую воду бассейна при гостинице «Жемчужина», то ему показалось, что он был здесь совсем недавно, ну, год назад, не более, и почувствовал себя не менее комфортно, чем в океане у Гавайских островов. «Там больше экзотики и красоты, — подумал он, — а здесь — душевной теплоты. Впрочем, человеку нужно и то и другое».

Дни, проведенные на кинофестивале, были для него настоящим праздником. Он попросил телохранителей не мешать ему общаться с друзьями. Артисты, с которыми он играл в фильмах, обнимали и целовали его. Не формально, как это свойственно некоторым богемным людям, а искренне, от души. Несмотря на уверения Оскара, что с питанием у него не будет проблем, он привез с собою чемодан продуктов: орехи, каши с фруктами, мед, даже яблоки. Оскар попытался пошутить над этим, когда он разбирал чемодан.

— Да, с продуктами у нас сейчас дела обстоят неважно, но везти орехи и яблоки в Сочи?! Не сердись, Савелий, но это, мягко говоря, непонятно. У тебя что, совсем плохо стало с памятью?

— Я не сержусь, — неожиданно обидчиво вымолвил Савелий, — но мне лучше знать, какие продукты нужны моему организму.

— У тебя что, думающий организм?— продолжал шутить Оскар.

— Не столько думающий, сколько требовательный, — грустно произнес Савелий, и Оскар почувствовал, что разговор о продуктах неприятен другу.

В Москве, в аэропорту его встречали журналисты. Трещали телекамеры. На следующий день «Московский комсомолец» сообщил о его приезде и о том, что он остановился у артиста и режиссера Оскара Волина. На следующий день утром Савелий навестил своего старого подопечного — Додика, болезнь которого прогрессировала. Савелий не подал виду, что заметил это, улыбался, шутил. Вспоминал их прежние встречи, маму Додика и так тактично оставил ему деньги, что тот не мог отказаться от них. Вечером Савелий поехал в Крылатское, к старому другу Ахмеду Маликову. Они обнялись, и оба были счастливы встрече.

— Мне все эти годы казалось, что чего-то важного не хватает в моей жизни. Вскоре я догадался, что тебя, Сава. Ведь мы столько переговорили с тобой о самом сокровенном, а без тебя я ощутил пустоту. Вокруг много людей, а поговорить по душам не с кем.

Савелий слушал его молча, опустив голову, словно был виноват перед старым и преданным другом.

Через день Савелий изъявил желание пройтись по Старому Арбату, съездить на вернисаж художников в Измайлово.

— Там, наверное, узнают меня, начнут вспоминать прошлые встречи, заставят выпить, а мне нельзя, — вздохнул Сава и надел очки, нацепил на голову простую шапку-ушанку, чтобы его не узнали. Но маскировка не помогла. Слух о том, что на Арбат, а потом в Измайлово, приехал Савелий Крамаров, мгновенно

собирал вокруг него толпы людей. Люди бросали киоски, лавки с картинами. Ему дарили сувениры, даже картины, а кое-кто протягивал деньги, желая за них получить у него автограф. Бесконечно кричали приветствия. И Савелий не выдержал, заплакал. Он понял, что люди не забыли его и любят по-прежнему. Потом ему предложили сниматься в фильмах «Русский бизнес» и «Русское чудо». Он согласился с радостью, и каждый день съемок был для него праздничным. Он понимал, что играет в проходных фильмах, которые ничего не прибавят к его кинокарьере, но в это время для него было важнее другое — что его снова признали на родине и ценят более чем прежде. Пригласили на телевидение, но он поставил условие, что будет давать интервью на фоне американского флага.

— Зачем вам это? — наивно заметил ему режиссер телепередачи.

— Америка приютила меня и главное — не дала заглухнуть творчеству. Я там снимался значительно меньше, чем здесь, но значительно больше, чем в последние годы пребывания на родине. Оставьте флаг. Это будет моей вечной и благодарной памятью об Америке.

Приглашениям сниматься не было конца. Савелий направился в Моссовет и, рассказав об этом, попросил выделить ему хотя бы небольшую квартиру, где он мог бы останавливаться во время приездов для съемок.

— Оставайтесь у нас, — сказали ему, — смените подданство и тогда получите квартиру.

— Подданствами не бросаются, — сказал он, — я это сделал один раз и больше не собираюсь.

Работник Моссовета развел руками:

— Тогда извините.

— Не за что, — вежливо попрощался Савелий.

Он успел заехать в театр «Шолом», к Александру Левенбуку, на спектакль «Поезд за счастьем». Сделал это в первый же свободный вечер, хотя съемки отнимали весь день и часто затягивались до полуночи. Режиссеры, зная о его скором отъезде, спешили закончить фильм и успеть озвучить. Несмотря на сверхзанятость, Савелий выискивает время для встреч с двоюродным братом Виктором. Они любили друг друга, и, кроме того, Савелий считал, что Виктор — это своеобразный мостик к памяти о матери. Виктор рассказывал ему о ней, чего не знал Савелий. Вместе поехали на Востряково, где была похоронена мама. Оскар вспоминает, что иногда Савелий вставал в шесть утра и тихо покидал их дом, накануне предупреждал, что у него ранние съемки, а сам, наверное, ездил на кладбище, чтобы посидеть у могилы мамы. Виктор рассказывал, что при посещении Вострякова уста Савелия что-то шептали. По всей вероятности, он разговаривал с мамой, рассказывал о своей жизни, о том, что исполнил ее мечту — стал артистом.

Однажды после съемок Савелий заглянул в ЦДРИ, где заканчивался вечер. Тихо вошел в зал и стал у стенки, и тут же пронеслось по рядам: «Крамаров! Крамаров!» После окончания вечера его окружили артисты, виднейшие драматические артисты страны. Олег Табаков обнял его. Коллеги понимали незаурядность его таланта, ощущали в нем сильный актерский нерв, который магически захватывает внимание зрителей. Разыскали фотографа и сфотографировались на память. После этой встречи Савелий долго не мог уснуть. О чем думал он? Какие мысли развея-

ли сон? Может, он переживал о том, что неуклюже сложилась его судьба на родине, что заштамповали его однотипными малоинтересными образами, не дали даже прикоснуться к высокой сатире, к истинной драме, а в Штатах этому мешал недостаточно хорошо освоенный английский язык. Может, думал, что если бы остался с Машей, умной и тактичной женщиной, то иначе и более творчески сложилась его жизнь? Может, не стоило до этого расходиться с Людой. Она работала в авиаконструкторском бюро Туполева, была для своих юных лет весьма разумна и со временем вникла бы в его работу, помогла бы ему. Все это — мои домыслы, но ясно одно, что признание, теплота, с которой его встретили лучшие артисты в ЦДРИ, заставили его задуматься о многом и важном, отгоняя усталость и сон.

Савелий привез Виктору несколько фотокарточек дочери, в том числе снятую вместе с братом, когда он приезжал к нему в гости. Он часто вспоминал о Басе и в «Детском мире» подыскивал ей обувь, заказал для нее связать из шерсти носки и варежки.

— Неужели их нет в Америке? — поинтересовался Виктор. — Наши вещи — это зачастую плоды самодеятельности, а не профессионализма.

Савелий растерялся, не зная, что возразить брату, но всего на несколько мгновений.

— Наши вещи теплее. И детская обувь стоит намного дешевле, — сказал Савелий таким непререкаемым тоном, что Виктор прекратил спор. Он понял, что брат желает что-нибудь привезти дочке именно из России, что тоскует без Баси и просто не может не заботиться о ней, в какой бы точке земли ни находился.

Вскоре мы с Савелием встречаемся. Случайно. Днем. В ресторане ЦДЛ. Он сидит за столиком с Марком Розовским. Я подсаживаюсь за их столик в тот момент, когда Марк встает из-за него. Савелий улыбается, но в первые минуты я чувствую в его словах настороженность. Не виделись и не переписывались десятком лет. К тому же у меня много врагов, способных рассказать ему любые гадости обо мне, тем более зная наши близкие дружеские и творческие отношения. К счастью, настороженность быстро исчезает и объясняется. Савелия смущает, что я дважды не приходил на его отвальную. Он вспоминает, как я подозрительно смотрел на телефон во время нашего прощального разговора.

— Боишься, что подслушивают? — иронически заметил он тогда.

— Боюсь, — признался я.

— Совершенно зря комплексуешь, — улыбнулся он, — на всех пленки не хватит!

Мы вспомнили этот случай и засмеялись.

— Меня тогда предупредил один редактор из «Советской культуры», кстати органа ЦК, чтобы я не общался с иностранцами и уезжающими за кордон. Иначе перестанут печатать. И я, честно признаюсь, испугался прийти на твои проводы. Извини.

— Я понимал это, — сказал Савелий, — и поэтому сам приходил прощаться с тобою. И не звонил, когда организовал Театр отказников. Тогда мой телефон прослушивался. Я знал об этом и не хотел подводить друзей.

Савелию приносят судака по-польски. Была, как я потом выяснил, пятница, его рыбный день. Савелий рассказывает мне о своей киножизни и о невероятном сюрпризе, который поджидал его.

— Перед съемками «Москвы на Гудзоне» меня попросили вступить в профсоюз. В Америке он называется Гильдией артистов кино. Я заупрямился, памятуя наши профсоюзы, защищавшие, как правило, интересы начальства. Но мой импресарио настаивал на вступлении, и очень упрямо. Чтобы не ссориться с ним из-за пустяков, я оформил все требующиеся для этого документы и забыл о своем членстве. Проходит несколько лет. Я снимался в одном из фильмов, ты его не видел, он и в Америке шел недолго. Сыграл одну из главных ролей, но во время монтажа фильма режиссер сократил ее. Помнишь, как получилось с написанною тобою ролью в «Трембите». Моя комическая роль по успеху перекрывала роли влюбленных героев. Моя фамилия была обозначена в титрах мелким шрифтом. С моей точки зрения, вполне логично, так как роль стала второстепенной. Но в контракте было обусловлено, что она должна стоять в ряду главных исполнителей фильма. Юрист американского профсоюза заметил это несоответствие, и вдруг я получаю письмо из Гильдии артистов. В конверт вложено извинительное письмо от продюсера и режиссера фильма и, не поверишь, чек на весьма приличную сумму.

— Ну, какую, хотя бы приблизительно? — не сдерживаю я любопытства и задаю типичный совковый вопрос, хотя знаю, что за границей не принято интересоваться тем, кто и сколько зарабатывает.

Савелий понимает меня, и иронические складки вырисовываются на его лице.

— На полученные деньги в Штатах можно прожить несколько лет. Но я купил на них дом в лесу, в районе Лесных Холмиков. Это под Сан-Франциско.

И кое-что из итальянского антиквариата. Кстати, старинная тумбочка, которую ты отказался уступить мне, не развалилась?

— Стоит, — говорю я, — не обижайся, я ее не уступлю никому. Память о родителях.

Савелий догадывается, что за прошедшие годы я потерял маму, и грустнеет.

— Ты женат? — спрашиваю я.

— Вроде, — уклончиво отвечает он, — родилась чудесная малютка, но жизнь с женою не складывается. А ты как?

— Был влюблен. Без памяти. Первый раз в жизни влюбился по-настоящему.

— Это как? — улыбочиво замечает Савелий.

— Постараюсь объяснить, — говорю я. — Перед отъездом на гастроли в Кисловодск ссорюсь с невестой. Из-за какой-то мелочи. И не могу работать. Не могу жить без нее. Выступаю нервно и через силу. Вызываю невесту по телефону на телефонный разговор. Жду ее звонка несколько часов на почте в Центральном парке. Но она не звонит. Выхожу из парка обескураженный, и мимо моего носа, почти вплотную со мною, проезжает машина. Из кабины выпрыгивает шофер и обливает меня матом. А я не реагирую на его ругань, мне безразлично — задавил бы он меня или покалечил. Не позволила любимая, и мне без нее не нужна была жизнь.

Савелий внимательно смотрит на меня:

— Так влюбиться... Тебе можно позавидовать. Кстати, еще Зоценко писал, что неудачная любовь в позднем возрасте переносится очень тяжело, особенно мужчинами. А потом вы помирились?

— Сначала помирились. Я сократил гастроли на пять дней. Придумал какую-то причину. Купил самые

крупные кисловодские розы. Подарил... Жили хорошо три года, а потом я сам порушил свое счастье. По глупости. Не защитил любимую от нападков родственников. Она мало помогала мне по домашнему хозяйству. В чем-то они были правы, но им было плевать на мою любовь. Долго рассказывать не буду, но говорю кратко, я чувствовал, что рушится большой дом моей любви, кренятся стены, трещит потолок... Чувствовал, но не остановил разрушение.

— Я тоже прошел через это. В другом варианте, но, по сути, тоже сам прощляпил свою любовь. У тебя нет никого на примете для меня?

— Есть, — вспомнил я одну из своих знакомых, — очень приличная женщина, грузинка. С ребенком лет восьми-девяти. Запиши телефон. Я предупрежу ее о твоём звонке.

Савелий через несколько дней позвонил мне и сказал, что встречался с моей знакомой. Очень обаятельная женщина. Готова поехать с ним в Америку.

— Так в чем же дело? — спросил я.

— Чересчур молодая для меня. Ей двадцать девять лет. А мне, как ты знаешь, за пятьдесят пять. И ребенок не знает английского языка. С этим возникнут немалые проблемы. Я не решился. А за знакомство спасибо.

Савелий звонил мне еще несколько раз, но больше мы не виделись. Он приезжал в Москву через год, но тогда, когда меня не было в столице. Не знаю — звонил ли он мне.

Во время нашей встречи он выглядел молодо, деловито, держал себя независимо и свободно. Не думаю, что это объяснялось его финансовым благополучием. Он впитал в себя дух свободной страны, где действуют

гуманные законы, они не только записаны в конституции, а строго соблюдаются обществом.

Потом, спустя двенадцать лет после нашей встречи в ЦДЛ, я, находясь в Штатах, познакомился с его последней женой — обаятельной грузинкой Наташей — и подумал, не идет ли их знакомство от той женщины, с которой я познакомил его в Москве. Хотелось, чтобы было так, как я думал, и если произошло, то значит, помог ему хоть в чем-то.

Любовь по имени Наташа. Юбилей с грустинкой

Калифорнийская осень похожа на ленинградское лето, даже бывает теплее. Утро разносит по заливу бодрящую прохладу, а днем воздух прогревается за двадцать градусов. Заливом американцы считают Сан-Франциско и прилегающие к океану территории. Савелий в общеамериканской форме — майке, шортах и кроссовках — садится за руль «мерседеса». Он уезжает на съемки фильма «Любовная афера». Лицо его на редкость спокойно, и вдруг радостная улыбка расплывается по нему. На крыльцо вышла Наташа, чтобы попрощаться с ним. Он посылает ей воздушный поцелуй и нехотя трогает машину с места. Еще никогда он не снимался с таким вдохновением и уверенностью, как в этом фильме. Его герой — телеграфист, скромный и добрый человек, желающий счастья людям.

— Старайтесь сыграть человека обаятельного, наделенного чувством доброты, — напутствует Савелия режиссер, но его совет излишен. Савелий находится

в таком счастливом состоянии, что готов обнять весь мир, но прежде всего — свою новую жену Наташу. Он думает, что, терпеливо выдержав муки и боль, искренне веря в Бога и верно служа Ему, он заслужил от Него великую награду — божественную и вместе обольстительно земную жену.

Находясь рядом с нею, он всегда ощущает спокойствие и радость. Среднего роста, стройная, красивая брюнетка с веселыми глазами, она ворвалась в его жизнь, как озаряющая ее загадочная комета из неизвестной, но доброжелательной к людям галактики. Иногда Наташа грустит и кажется сошедшей к Савелию Мадонной с фрески храма. Первый брак ее был неудачен, она, как и Савелий, немало пережила в жизни и поэтому понимает его, даже его суетливость и ошибки, и старается в трудные минуты утешить его. Он чувствует, что с приходом в его жизнь Наташи и просчетов он совершает меньше, чем прежде, и все реже и реже нервничает, а то, от чего он раньше страдал, старается превратить в шутку.

— Знаешь, Наташа, однажды меня шесть часов продержали в ОВИРе. Специально не принимали, надеялись, что я не выдержу унижения и уйду. А я терпеливо стоял у входа в приемную начальника. Отошел лишь на несколько минут. Спросил у дежурного, где расположен туалет.

— Не могу сказать, не положено, — грозно произнес дежурный.

— Что не положено? — удивился я.

— Не положено, — повторил дежурный.

— Это тайна? Расположение туалета? — улыбнулся я, но, признаюсь, через силу, кончалось терпение, даже заболел пах.

Любовь по имени Наташа. Юбилей с грустинкой

— Для вас — тайна. Туалет предназначен только для работников ОВИРа, — объяснил он.

— А для людей, для посетителей ОВИРа? — стоял я на своем. — Для них что-нибудь подобное в этом здании предусмотрено?

— Ничего. И вообще это меня не касается, — отвернулся в сторону дежурный.

Тогда я быстро добежал до приемной, где меня подждал брат, быстро переговорил с ним, и Виктор, выйдя в коридор, зычным голосом выкрикнул: «Дежурного срочно вызывает начальник ОВИРа!» Дежурный замешкался, почесал затылок, но все-таки направился к приемной, а я проскочил на второй этаж, нашел туалет и потом спокойно спустился вниз. Дежурный, увидев меня, напряг от злости скулы, сжал кулаки и смотрел на меня как на преступника, к сожалению не схваченного на месте преступления. Ты посмотрела бы на него в тот момент! Не надо никакого кино! Но как ни странно, он помог мне. Я вспоминал его физиономию, когда готовил роль в «Красной жаре».

— Наверное, поэтому ты купил дом, где на каждом этаже по два туалета? — улыбнулась Наташа.

— Точно! — рассмеялся Савелий.

Они сыграли скромную свадьбу. Пригласили только самых близких друзей. Савелий считал, что чем пышнее свадьба, тем менее удачная потом будет жизнь. Мать Наташи была грузинской еврейкой, отец происходил из известной грузинской семьи — Сирадзе. Поэтому Наташа взяла фамилию Крамарова-Сирадзе. Савелий не возражал. Ему нравилось, что Наташа любит цветы, и он дарил их ей при каждом удобном случае. В свободные от съемок дни они решили прокатиться в город Рино, славящийся своими казино.

— Ты что, любишь азартные игры? — удивилась Наташа.

— Я люблю тебя, — улыбнулся Савелий, — и хочу проверить, что мне действительно повезло в любви. Должен проиграться в пух и прах. Душа чувствует.

— Тогда не поедем, — сказала Наташа, — ты и без проигрыша знаешь, что я люблю тебя.

— Нет, — настоял Савелий, — жить от Рино в трех часах езды и не побывать там ни разу — даже стыдно перед Америкой. В городе есть аэропорт. Туристы специально прилетают туда. Красивый городок, а по дороге к нему... — загадочно вымолвил Савелий. — Сама увидишь...

Они выехали в Рино после завтрака.

— Смотри направо, — сказал Савелий, — проезжаем Скво-Вэлли. Здесь проходили зимние Олимпийские игры, а сейчас находится горнолыжный курорт.

Наташа увидела лыжников, метеорами летящих по трассе скоростного спуска.

— Моя мечта — освоить горные лыжи, — сказал Савелий, — думал, что уже поздно, по возрасту, но с тобою настолько помолодел, что, наверное, решусь. Если ты будешь рядом со мною, то уверен, что ни за что не упаду, даже при первом спуске. Не могу же я подкачать у тебя на глазах!

Неожиданно Савелий остановил машину, когда они проехали уже более половины пути, и припарковал ее на стоянке.

— Озеро Тахо, — многозначительно сказал он и открыл дверцы машины. Они спустились к бескрайнему озеру, похожему на море. Мягкое солнце подкрашивало его легкие волны в светлые тона. Две юные американки зашли по колено в холодную воду и визжали от

Любовь по имени Наташа. Юбилей с грустинкой необыкновенного ощущения обжигающих ноги волн и своей смелости.

Савелий устремил взгляд к горизонту, где казалось, что озеро смыкается с небом.

— Очень красиво, — прикрывая глаза от солнца, сказала Наташа, чтобы увидеть то место, куда смотрел Савелий.

— Большое озеро, но меньше, чем Байкал, — вдруг грустно произнес Савелий. — Я выступал в Иркутске, и меня возили в Листвянку, ближайший к городу поселок на Байкале. Было начало августа, и вода прогрелась до максимальной температуры, которая бывает в озере, до пятнадцати градусов. Я окунулся в воду и проплыл десяток метров. Чтобы отметить в священном озере. На берегу быстро согрелся. И тело приятно закололо, как от насыщения кислородом. Может, действительно озеро было священным. Сейчас говорят, что его чистейшую экологию загубили грязными отходами заводов.

Девчонки вылезли из озера и устали на Савелия, а потом засмеялись.

— Тебя узнают, — улыбнулась Наташа.

— Иногда, — заметил Савелий. — Жванецкий был не прав, когда говорил в Москве, что Крамаров тоскует в Америке оттого, что его не узнают на улицах. Ну и что? Ведь я не родился в Америке, всего десять лет здесь. Но когда я говорю, в каких фильмах снимался, то люди вспоминают мои роли. Скоро выйдет «Телеграфист». Первый фильм, где моей музой была ты. Не знаю, как получится кинокартина, но поверь, что я отснялся удачно. Я сам нравился себе. Я впервые был таким счастливым, и роль была созвучной моему настроению.

Савелий не хотел уходить от озера, щурился от солнца, подставив ему лицо, и Наташа подумала, что он стремился не столько в Рино, сколько к этому озеру, напоминающему ему Байкал.

— Ну, поедем, — наконец решился он, в последний раз окинув взглядом необъятную водную гладь. По дороге к озеру он собирал огромные сосновые шишки, необычайно красивые, с острыми концами иголок, впивающихся в руки. Он терпел боль, но донес несколько шишек до машины и сказал, что положит их на специальную полку, что шишки будут напоминать им о чудесном озере Тахо, об этой поездке.

— А почему город с казино построили в горах, да еще в таких дальних, как Сьерра-Невада? — удивилась Наташа.

— Когда-то тут были многочисленные рудники. Там добывали серебро. Но ценности, если их интенсивно брать, быстро кончаются. Люди стали покидать рудники, но, чтобы им дать рабочие места и оставить здесь, конгресс, в виде исключения, разрешил открыть в Рино игорный бизнес.

Савелий играл азартно и по-крупному, словно старался испытать судьбу, поверить, что ему повезло в любви, но автоматы не знали об этом и звенели, выбрасывая из своих заделов горсти монет. Однажды на окошке, где показывался выигрыш, зажглась цифра «80». Восемьдесят монет вместе с предыдущими, от данными другими автоматами, еле уместились в специальной чаше. Савелий упорно старался проиграть и подошел к автомату, где путь к выигрышу, довольно большому, был особенно сложен. На экранчиках в случае успеха должны были появиться пять попугаев, три из которых могли полететь, и взлет одного из

Любовь по имени Наташа. Юбилей с грустинкой
них давал крупный выигрыш. Уже четвертый доллар,
брошенный Савелием в чрево автомата, заставил вы-
прыгнуть на окошки всю пятерку попугаев. Савелий
тут же нажал кнопку, и крайний попугай мгновенно
улетел. На экране зажегся выигрыш: одна тысяча
двести долларов. И тут же зал взорвался аплодис-
ментами.

Американцы — очень доброжелательные люди и
радуются чужому выигрышу, как своему. К Савелию
подошли русские американцы, оказавшиеся в зале.
Лица их сияли от радости, причиной которой была,
в первую очередь, неожиданная встреча с любимым
артистом. Савелий обрадовался им не меньше, чем
они ему, и пригласил в ресторан. Русские оказались
программистами из Пало-Альто, были среди них и
пенсионеры — тоже бывшие ученые из Ленинграда.
Пили водку «Абсолют». Савелий поднимал бокал с
минеральной водой, и никто не сделал ему замечания,
что он не поддерживает компанию, не пьет вместе с
ними водку. «Обамериканились», — довольно подумал
он о них. А потом все вместе пели песни и любимую
песню Савелия: «А нам опять чего-то не хватает,
зимою — лета, зимою — лета, зимою — лета, осенью —
весны!» Но пели по-русски громко и размашисто, с
особенной удалью и при этом раскованно, ничего и
никого не боясь. Долго прощались, обменивались с
Савелием телефонами, с самым серьезным видом,
хотя знали, что никогда не позвонят ему, не позволят
себе отрывать его от работы или отдыха. Просто
хотели продлить встречу с ним, проявить к нему
уважение. Кто-то из них преподнес Наташе букет
цветов, и все захлопали, а когда Наташа и Савелий
стали рядом, защелкали фотоаппаратами. «Не зря

мы поехали в Рино», — подумал Савелий, и Наташа прочитала его мысли.

— Какая была хорошая встреча! — сказала Наташа.

Они допоздна бродили по ночному Рино, залито-му огнем иллюминаций и реклам, и им казалось, что они находятся в сказке, и они шли молча, страшась спугнуть ее очарование. Наташа выглядела настоящей феей, доброй и красивой, которую, придя в номер, Савелий осторожно взял на руки, и она прижалась головой к его плечу.

Утром из Рино двинулся поток машин, Савелий и Наташа пристегнули ремни, сказка стала постепенно переходить в обыденную жизнь.

— Ты знаешь, почему я выиграл? — сказал Савелий.

— Не знаю. Я люблю тебя, — ответила Наташа.

— В моей жизни началась счастливая полоса. Бог посчитал, что пора и мне выделить толику счастья. Он внял моим молитвам. Я буду молиться еще больше, чтобы Он продлил наше счастье. Одно меня заботит — юбилей. Шестьдесят лет — круглая дата, не отвертись, нельзя обижать друзей, я знаю, что они готовят специальное представление для меня, а была бы моя воля... — Савелий задумался и потом изрек: — Я не чувствую особой радости от этого праздника. Придут прекрасные люди. Я, наверное, услышу немало приятных слов. Я никому в жизни не делал зло. Но чувствую, что мне будет грустновато.

— Почему? — удивилась Наташа.

— Я многим обязан Америке. Тем, что увидел мир. Тем, что остался в творческой жизни. Даже тем, что после отъезда в Штаты меня отсняли в трех российских фильмах, в том числе в кинокартине «Настя»

Любовь по имени Наташа. Юбилей с грустинкой отличного режиссера Данелии. Я обязан здесь Марине, которая родила мне чудесного ребенка, я навечно обязан тебе, подарившей мне счастье. Но с юбилеями мне не очень везет. Десять лет тому назад я был в отпуске и не мог пригласить на юбилей в ресторане «Националь» многих друзей, чтобы их не подвести. Я не удивлюсь, если тот мой юбилей снимался скрытой камерой и пленка где-то хранится в спецархиве КГБ. На этом юбилее, — тут Савелий сделал паузу, обходя внезапно остановившуюся машину, — может случиться так, что не будет моих родных. Не уверен, что сможет вырваться Витя. Не доберусь до израильских братьев, до сыновей дяди со стороны отца, до Коганов. Они стали известными скрипачами и кочуют по миру с гастролями. А для меня очень важно, чтобы они были, чтобы были все мои друзья и ты познакомилась с ними. Шестьдесят лет — это и много, и мало. Когда ты со мною, я молодею. Но моментами усталость охватывает меня, среди бела дня вдруг тянет ко сну, в темноту, в бездну. Я просыпаюсь и медленно выбираюсь из бездны. Меня спасают еще съемки. Загорается на площадке свет, и что-то вспыхивает во мне, вероятно душа... Придет на юбилей Олег Видов — мой лучший друг. Вряд ли полетит из Нью-Йорка Сичкин. Посерьезнел Боря. Предпочел эстраде кино. Не будет Евгения Александровича Евстигнеева. Я купил книгу о нем. Как освобожусь от съемок, сяду изучать. Его надо не только читать, но и изучать. Не будет Георгия Михайловича Вицина, Евгения Леонова — моих учителей... Жени Моргунова. На редкость убедительный артист. Нажил себе массу врагов, потому что любил резать правду-матку о тех, кого не любил. Меня он признавал. Как артиста и человека. Его тоже пере-

стали снимать, когда он стал очень популярным. После «Самогонщиков», «Операции «Ы» и «Кавказской пленницы». Он думал, что после этого на него хлынет поток ролей, а попал в длительную полосу забвения и безмолвия. Спасибо Мише Козакову. Он снял его в «Покровских воротах», в роли самовлюбленного автора эстрады. У Гайдая он снимался в маске Бывалого, а у Козакова без всяких юмористических ухищрений. Не комиковал, а смешно получилось. Я о таких ролях мечтаю. Сыграл эту роль Женя, и снова о нем ничего не слышно. Народного, как и мне, не дали. В поисках хлеба насущного стал колесить с концертами по стране. Хотя больной человек. Очень. Диабет его мучает. Но он не унывает. О нем киношники рассказывают легенды. А я могу рассказать о том, что знаю точно. Дело было летом. В Одессе. Концерты идут в городском Зеленем театре. Живем в гостинице «Интурист», где и обедают артисты, все, кроме меня, я держу свою диету. Пошли ребята в воскресенье в ресторан, а там обслуживают только иностранцев. Евгений Александрович подходит к метрдотелю и спокойно, уверенно говорит:

— Вы не могли бы обслужить меня?

Метрдотель узнает популярного артиста и расплывается в улыбке:

— Конечно, вас я обслужу!

— Но я не один, — таинственно шепчет ей Моргунов, — со мною группа американских безработных, — и тут он показывает на артистов, стоящих у входа в зал, — безработные. К тому же американские. Двое суток не ели. Пособие у них кончилось. Неудобно нам их не покормить. Я решил за свой счет, чтобы поддержать престиж страны!

Любовь по имени Наташа. Юбилей с грустинкой

— Обслужим! Непременно! — рапортует Моргунову метрдотель.

Артисты сдвигают пару столиков, вскоре метрдотель устанавливает на столах два флажка: наш и американский. Ее только удивляет, что американцы дружно заказывают украинские борщи с пампушками.

В другой раз мы с Женей выступаем на стадионе в Смоленске. Иду я к эстраде, установленной перед главной трибуной стадиона. Иду по специально проложенной для артистов резиновой дорожке. Оборачиваюсь и вижу, что за мною шествует Евгений Александрович и аккуратно сворачивает дорожку.

— Евгений Александрович! Для чего она вам? — удивляюсь я.

— Для дачи, — уверенно отвечает он, — не обеднеют. Они нам все равно недоплачивают. На трибуне аншлаг. Шесть тысяч человек, а нам платят лишь по две ставки. Используют нас за гроши!

Таким образом он выражал недовольство своей киножизнью и моей тоже. Придуривался, хотя был умнейший человек, прекрасно играл на рояле. Терпеть не мог ремесленников в искусстве. Впрочем, они его тоже недолюбливали, утверждали, что у него плохой характер. А он о своих товарищах говорил только доброе. Жаль, что его не будет на моем юбилее. А то бы отчудил что-нибудь этакое. Он мне сказал как-то перед отъездом:

— Поскорее загибайся, Крамаров. Тогда о тебе все заговорят! Вот тогда оценят! А когда я подохну, то, чего доброго, могут даже дать мне посмертно звание народного. Лучше бы при жизни дали... деньгами. Тогда я готов спокойно умереть заслуженным.

— Рано еще вам, Евгений Александрович, — говорил я, — еще не все концертные точки отработали!

— Ты прав, Крамаров, — говорит он мне, — и, как верующий, попроси своего Бога продлить мою жизнь. Ради этого я готов стать евреем! Ты только договорись. Чтобы без обмана. Попроси у Бога для меня еще пять годков жизни, и я тут же сделаю обрезание. Могу принародно, в эксклюзивной телепередаче, чтобы все видели, что я честный человек!

Жаль, Наташа, что Женя не приедет. Он рассмешил бы всю нашу компанию! Еще как! Не будет Михаила Ивановича Пуговкина. Тоже мой учитель. Мы с ним были близки, поскольку он тоже был верующим человеком, тоже прошел трудное детство. Говорят, что сейчас носит четки, перебирает их, и они его успокаивают, настраивают на раздумья о жизни. Он — своеобразный артист-рекордсмен. Снялся подряд в шести комедиях у Леонида Гайдая! Родился в Чухломе, в деревне Рамешки. Марк Бернес называл его крестьянином, не колхозником, а крестьянином, в лучшем трудовом смысле этого слова. Бабушка была церковной старостой, хотя это только мужская должность. Но она собрала деньги, открыла церковь и пригласила батюшку, а свечи во время богослужений зажигал ее внук — Миша. Он мне об этом рассказывал по секрету. Чтобы остаться в Москве у родственников, спал на полу, на подстилке, около батареи. После работы шел в клуб Каляева. Однокашники играли в очко и расшибалку, а он шел в клуб. Тут у нас много общего. И мне и ему помог случай. В театре заболел артист, и семнадцатилетнего Пуговкина выпустили на сцену. И он заболел театром. Три года занимался дикцией. По три часа в день. Как я здесь английским.

Любовь по имени Наташа. Юбилей с грустинкой

В театре вывесили фотографии артистов, и на Пуговкина обратил внимание кинорежиссер Григорий Осипович Рошаль. Взял его на роль купчика, который по сюжету фильма перетанцовывает соперника. И оказалось, что Михаил Иванович здорово танцует. Его взяли на роль. Он и меня учил: умей делать все — даже петь и танцевать. И я пробовал, и не раз, репетировал дома. Однажды пригодилось. На телебенефисе... Без элементов эксцентрики, которыми я владел, меня не пригласили бы. У каждого человека свой Бог. У Пуговкина — судьба. Он говорил, что всегда следует ей, судьба им руководит, и он ей не сопротивляется. И приводил мне высказывание Софокла: «Чем скорее человек уходит от судьбы, тем быстрее к ней идет».

Савелий задумчиво посмотрел вперед перед выездом на фривей, на скоростную трассу. Через час они были дома. Наташа вышла на кухню, а когда вернулась в гостиную, то увидела Савелия, спящего на диване, в дорожной одежде. Лицо его было бледнее обычного, щеки впали, и ей показалось, что кто-то неведомый сейчас втягивает его в бездну, о которой он говорил. Наташа испугалась и даже хотела разбудить его, но не решилась. Вечером, за ужином, она заметила ему, спокойно и без нажима, что, когда будет время, можно было бы показаться врачу. Ведь 60 лет — это и много, и мало, но все-таки...

— Цитируешь меня, как классика! — улыбнулся Савелий. — Сходим к врачу. Но после юбилея. Никуда от него не денешься!

Наташа целую неделю занималась составлением списка приглашенных. Меньше ста человек не получалось. Программу готовил специальный оргкомитет.

Юбиляр не волновался. Он даже не думал, о чем будет говорить. Был уверен, что в нужный момент Бог подскажет ему необходимые слова и они выльются из его души.

В день юбилея он почувствовал недомогание, подошел к окну и с трудом узнал себя — четче обозначились на лбу морщины, поблекли глаза и самое удивительное — припухли щеки.

— Я сегодня не нравлюсь себе, — сказал он Наташе.

— Это — от волнения, — заметила она, — выйдешь на сцену, и все пройдет.

Наташа оказалась права. Он появился в зале, встреченный овацией. Люди встали со своих мест и пять минут аплодировали ему. На ресницах Савелия блеснули слезы. Люди думали, что они от радости, от счастья, а он в это время думал о родителях, о том, видят ли они сейчас, как любят его люди, и мысленно попросил Бога, чтобы Он ниспослал ему эту благодать.

Фрагмент из юбилея Савелия Крамарова показали по Центральному российскому телевидению, в новостях. Я очень обрадовался за друга, хотя выглядел он хуже, чем во время нашей последней встречи. Я вспомнил, что тогда рассказал Савелию о том, что он может ознакомиться с делом своего отца.

— Как? — удивился он.

— Весьма просто, — сказал я, — идешь на Кузнецкий Мост, в приемную КГБ, и оставляешь там соответствующее заявление. Через месяц-полтора дело разыщут и позволят там, в специальной комнате при приемной, прочитать его, даже сделать выписки и заказать фото отца. Оно, конечно, будет своеобразным — в профиль и анфас... Но тоже память... Я в деле

Любовь по имени Наташа. Юбилей с грустинкой своего отца нашел много интересного для повести о нем и его времени.

— Я обязательно зайду туда, — серьезно произнес Савелий, — весь вопрос во времени — сколько пробуду в России...

Я знал, что во время второго приезда на родину он снова был на «Кинотавре», занят на съемках телеинтервью и вряд ли успел зайти на Кузнецкий Мост.

Теледиктор заканчивал сюжет о юбилее Савелия Крамарова, говорил, что друзья приготовили для него поздравительное шоу, юбилей прошел с большим успехом. На экране крупным планом показали Савелия. Он улыбался, и, как мне показалось, с усилием. Вспомнился рассказ его давней подруги Нели — жены Оскара Волина. В один из дней последнего приезда Савелия в Москву, на Пасху, она с мужем, с Ахмедом Маликовым и Савелием подъехали на машине к церкви Иоанна Предтечи на Красной Пресне. Савелий остался в машине. Через двадцать минут, не дождав-шись окончания службы, Неля вышла из церкви, увидела Савелия, внезапно постаревшего, одинокого, усталого, и у нее сжалось от боли сердце.

Играл ли он в тот приезд бодрого, спортивного вида мужчину? Не думаю. Вероятнее всего, встреча с родиной была для него и радостной, и грустной и наводила на серьезные раздумья о своей судьбе.

Его первая американская жена Марина вспоминает, что перед премьерой фильма «Красная жара» в зале появился Шварценеггер и взоры зрителей мгновенно скрестились на нем. Савелий грустно заметил: «То же самое было со мною в Москве, когда я входил в зал».

После юбилея он скажет Наташе, что счастливая полоса в его жизни продолжается. Ему звонил импресарио и поздравил с приглашением на значительную роль в новом фильме, и при этом без кинопробы, по одному ролику.

— Ты понимаешь, что это значит, Наташа?! В Голливуде без кинопробы берут на роль только самых профессиональных артистов! Импресарио выслал мне киносценарий! Значит, я не зря, как школьник, зубрил английский. Иногда до одурения. Может, поэтому от необычных нагрузок меня тянуло ко сну? Спасибо Михаилу Ивановичу Пуговкину! Это он внушал мне: «Будь, как и я, вечным студентом. Будь учеником всю жизнь! Творчество не имеет границ!»

Наташа обняла Савелия, и по-мальчишески радостные искорки сверкнули в его еще недавно потухших глазах.

Последняя молитва

В разгар юбилея Олег Видов произнес тост за родителей Савелия. Сказал о том, как сын любил маму, Бенедикту Соломоновну. Как она мечтала, чтобы Савелий стал артистом, и он стал им, любимым в России и набирающим популярность в Голливуде, в Америке, а значит, и во всем мире, что перед самым юбилеем он получил второе подряд предложение на съемки в серьезных ролях, что скоро фамилия Крамаров войдет в культуру Америки, как вошли другие русские и были здесь достойно оценены. Кто-то вспомнил о том, что композитору Стравинскому специальным решением президента и Конгресса Америки был снижен налог с доходов от его выступлений, чтобы больной восьмидесятилетний композитор смог пользоваться дорогостоящим тогда аппаратом для разжижения крови.

— За добрую память о маме Савелия Крамарова! Пусть ей земля будет пухом! — проникновенно сказал Олег Видов.

Потом пили за здоровье Савелия, за встречу на его столетнем юбилее. Никто не вспомнил отца

Савелия, и сам он промолчал о нем, поскольку знал очень мало. Брат Савелия – Виктор, родной брат матери Павел Соломонович, жена Савелия Наташа в общих чертах рассказали мне о судьбе его отца, но мне хотелось знать подробности его трагической жизни. Я был уверен, что он в 1937 году был назначен защитником отнюдь не рядового политического деятеля. Но кого? Зиновьева? Бухарина? Рыкова? Или другого героя революции и Гражданской войны, мною предполагаемого? Я уверен, что Виктор Савельевич Крамаров вел себя на следствии достойнейшим образом и, пройдя страшные пытки, в конце концов отверг протоколы, подготовленные следователем, не признал себя виновным ни в контрреволюции, ни в измене родине и поэтому не получил расстрельную статью, тем самым спас от лагеря жену и от детского дома сына. И если бы не его самоотверженность и выдержка, вряд ли возник бы славный комик и человек Савелий Крамаров, названный по имени своего деда. Я хотел знать подробности допросов, за скупыми строчками которых можно представить невидимую борьбу между следователем и заключенным. Хотелось узнать, кто писал на отца Савелия доносы. Под каким видом его арестовали второй раз? И действительно ли он покончил с собою или погиб от чьей-то злой руки? И судьба самого по себе Виктора Савельевича Крамарова интересовала меня, и то, как она повлияла на жизнь сына, который вопреки всем напастям стал Личностью, человеком, без всяких сомнений унаследовавшим от матери и отца их лучшие качества. По моей просьбе секретарь Союза писателей Москвы Валентин Дмитриевич Оскоцкий подписал мое заявление в архив ФСБ о разрешении мне ознакомиться с

делом отца популярного артиста Савелия Крамарова для написания книги о нем. Жена Савелия Наташа прислала мне из Америки доверенность на ознакомление с делом. Через полтора месяца в Союз писателей Москвы пришел ответ из Центрального архива:

«Направляем по принадлежности запрос Союза писателей Москвы в отношении ознакомления с архивным делом на Крамарова В.С.

По имеющимся у нас сведениям, архивное следственное дело № П-50828 в отношении Крамарова Виктора Савельевича, 1900 года рождения, уроженца г. Черкассы Киевской области, Управлением ФСБ РФ по городу Москве и Московской области передано на хранение в Государственный архив РФ.

Центральный архив ФСБ РФ документальными материалами об аресте и осуждении Крамарова В.С. не располагает.

Для сведения сообщаем, что по имеющимся у нас данным в Информационном центре УВД Красноярского края хранится дело на спецпоселенца Крамарова В.С.

О результатах рассмотрения просим сообщить инициатору запроса. (То есть мне. — В.С.)

Приложение: запрос с н. вх. № 11581, на 2 листах, только в 1 адрес.

Заместитель начальника архива
Н.П. Михайкин».

Работники архива ФСБ сделали все возможное для того, чтобы я разыскал нужное мне дело. Но на мою беду это письмо не дошло до Владимира Дмитриевича Оскоцкого, находящегося в отпуске, а попало к быв-

шему секретарю правления старого Союза, остроумно прозванного «писательским колхозом», писавшему произведения, полные любви к коммунистической партии, но сумевшего вовремя «перестроиться» и даже попасть на должность в Союзе демократических писателей. Этот человек явно не хотел, чтобы появилось на свет еще одно официальное доказательство дикого произвола сталинского тоталитарного режима, и как бы между прочим заметил мне, что приложение к письму утеряно, наверное, случайно выброшено в мусорное ведро вместе с ненужными бумагами.

Я не верил своим ушам.

— Документ ФСБ утерян?! В демократическом Союзе писателей?! — нервно выпалил я.

— Сейчас все перепутано, не разберешь — где, что и кто.

Я знал, что говоривший со мною человек в свое время написал грязный донос на Андрея Вознесенского, якобы получившего во Франции под видом гонорара деньги на антисоветскую деятельность. Я промолчал. Это удивило человека, к которому попало письмо из архива ФСБ. Он знал, что приложение возобновить невозможно, а без запроса ФСБ в УВД Красноярского края мне не добраться до дела отца Крамарова.

— Заранее извиняюсь за то, что утеряно приложение, — дважды сказал он мне, но с промелькнувшим в глазах испугом, видимо, где-то в глубине души почувствовал, что неудобно, стыдно дурить голову седому писателю, немало испытавшему на своем веку.

Любители сильной руки, при которой вольготно жилось творцам серости и раболепства, увы, еще остались даже среди писателей. И от этого грустного факта никуда не деться. Они будут еще огрызаться,

гадить честным людям, хотя и знают, что время культа личности больше не вернется. Я думал написать пьесу или сценарий, в котором Савелий мог бы сыграть роль своего отца, как сделал известный артист Театра сатиры, а затем Малого театра, Евгений Яковлевич Весник. Он для этого выезжал в город Кривой Рог, где в местном театре игрался спектакль о его отце, погубленном здесь в сталинские времена. Я не сомневаюсь, что Савелий сыграл бы трагическую роль своего отца. Он был творчески и граждански готов к этому.

Дорога в Голливуд стала шире и светлее для Савелия. На столе в его доме лежал сценарий с ролью для него, одной из основных в фильме. Где-то по почте продвигался к нему сценарий другого фильма.

Наташа настояла, чтобы они пошли к врачу-терапевту. Тот осмотрел Савелия и направил его к онкологу. Наташа, услышав это, побледнела, а Савелий улыбнулся:

— В России, при моей популярности, я достал бы себе анализы, самые лучшие. Как-то зашел к начальнику управления дипломатическим корпусом. Он распределял машины, оставшиеся после отъезда на родину иностранных дипломатов. Так вот, Наташа, он увидел меня и расплылся в улыбке до ушей.

— Берите любую машину. Вам я не могу отказать ни в чем!

— «Фольксваген» можно?

— Конечно! — продолжал улыбаться начальник управления.

Я был еще сравнительно молод, холост и, для того чтобы попижонить, выбрал белый аккуратный «фольксваген».

— И сейчас ты пижон, — попыталась поддержать его настроение Наташа, — купил белый «мерседес»!

— В черной машине пусть меня похоронят, — с обреченностью в голосе неожиданно вымолвил Савелий. Наверное, предчувствие неотвратимого конца овладело им, предчувствие беды, с которой он боролся, моля о помощи Бога, соблюдая строгую диету, занимаясь спортом, без малейших уступок, лености и усталости. Он не мог избежать нервных потрясений, способных стимулировать болезнь, но сражался с нею как мог. И возможно, на значительное время задержал ее развитие? И еще поборется с нею. Поэтому рано сетовать на судьбу, еще неизвестен приговор врача, и вообще он не собирается сдаваться никакой болезни.

Заключение опытного врача было однозначным — рак прямой кишки. Наташа пошатнулась, услышав об этом, а Савелий смутился:

— Значит, меня будут резать? Раньше резали мои тексты, выбрасывая сатиру. Впрочем, и по мне проходились тоже...

— У вас уже были операции? — не понял его врач.

— В русском понятии жизни, — попытался объяснить онкологу свои слова Савелий, — на английский язык это не переводится. Извините, доктор.

— Положение сложное, — серьезно произнес врач, — потребуется операция. Подумайте. Для операции нужно ваше согласие.

— Я поведу машину, — предложила Наташа, когда они вышли из больницы.

— Нет, — покачал головой Савелий и положил руки на руль.

Дома прилег на диван. Рука потянулась к газетному столику. Савелий разыскал «Панораму» с отчетом о его юбилее.

Наташа сделала вид, что не заметила то, что он о себе говорит в прошедшем времени, словно никогда больше не выйдет на сцену:

— Скажи, Наташа, только честно, не был ли я смешон в жизни, в быту? Не делал ли глупостей?

— Что ты, Савелий? — удивилась Наташа. — Все люди делают ошибки, но я не замечала за тобой ничего дурного! Ты всегда по-доброму расположен к людям!

— Не всегда. И бывал смешон, — серьезно вымолвил Савелий, — однажды, когда Левенбук и Хайт были у нас на гастролях, я назначил им встречу в ресторане «Черное море», но забыл, что на день встречи приходится суббота. Я, конечно, не пошел в ресторан, не отвечал на телефонные звонки, а друзей предупредить не успел. Левенбук заволновался, подумал, что со мною что-нибудь стряслось, и пришел ко мне домой. Застал меня с туфлями в руках и говорит: «Я понимаю, что сегодня шабат, что тебе работать запрещено, но если ты держишь в руках туфли, то почему не можешь взять телефонную трубку?» Еще они с Хайтом доставали меня насчет диеты, но тут совершенно зря, они не знали секрета моего здоровья, наследственности. Я их простил.

— Савелий, не вспоминай плохое, — сказала Наташа, — я до сих пор потрясена приездом в этот дом. Ты прекрасно обустроил его, учел все, до мелочей. Я сразу попала в рай. Мне нечего было доделывать или устанавливать. Я была поражена твоей хозяйственностью и вниманием ко мне.

— Жизнь научила, — улыбнулся Савелий, довольный похвалой супруги, — бывало, в России загонят киноэкспедицию в болото или пустыню, где рядом даже

нет сносного жилья, и только потом начинают думать о том, где можно накормить артистов. Строили прежде всего заводы и рудники, а потом уже дома для рабочих, магазины, бани... Я видел семьи, годами живущие в вагончиках, в дикой тесноте, без элементарных удобств... И при этом говорили, что самое ценное у них — люди. А платили им копейки. Я теперь уже вряд ли выберусь в Россию. Стронгин сказал мне, что можно ознакомиться с делом отца. Я очень мало знаю о нем...

— Не грусти, Сава, — попросила Наташа, — счастливая полоса в нашей жизни продолжается. Здесь отличные хирурги. Я верю в них. Почитай лучше сценарий.

— После операции, — сказал Савелий и взял в руки книгу о Евгении Евстигнееве. — Когда я снимался с ним, то чувствовал себя профнепригодным. Он меня многому научил, и другие артисты, в России и здесь. Я думаю, что он в какой-то мере был бы рад, увидев, что я чему-то научился.

Савелий углубился в книгу. Иногда он дважды или трижды перечитывал одну и ту же страницу, несколько раз звал Наташу, которая готовила ему еду.

— Послушай, Наташа, — увлеченно говорил он, — послушай, что написал Женя: «Доброта должна идти изнутри человека и общества. Приказать быть добрым нельзя. Доброта — нравственная категория души. Меня порою удивляют громкие призывы — быть добрыми, милосердными, человеколюбивыми. Все это игра слов. Разве может быть милосердным общество, где каждый, кто близок к распределению жизненных благ, пользуется ими прежде всего сам, где действует негласный призыв — больше отдай мне! Разве это нормально, когда и сегодня многие одаренные люди

покидают страну, где нет заботы о них, где для того, чтобы реализовать свой талант, надо пройти настоящие круги ада». Я думаю, Наташа, что, может быть, рождая эти строки, он среди других уехавших из России людей вспомнил меня. И все-таки здорово, что сейчас в России об этом можно говорить и оставаться на свободе. По крайней мере – пока...

В другой раз он позвал Наташу радостным голосом и сказал, что нашел у Евгения Александровича строчки о себе, не о Савелии Крамарове лично, а об актерах, находящихся в его положении.

– Слушай, Наташа, внимательно, – блеснул глазами Савелий. – «Человек другой профессии, если он заболел и у него в семье печальное событие, может не выйти на работу, взять, скажем, больничный лист и так далее. Актеру это сделать сложно: назначен спектакль, надо выйти на сцену и играть... И не может быть иначе, если ты настоящий актер. Андрей Миронов не пропустил ни одного из своих спектаклей в очень тяжелые дни: умер отец... Никто не заставлял Николая Афанасьевича Крючкова разрезать гипс на ноге и приехать на съемку картины “Суд”. Никто не заставлял тридцатичетырехлетнего умирающего режиссера Владимира Скүйбина руководить этой съемкой. Никто не заставлял Евгения Урбанского рисковать жизнью, погибнуть на съемках фильма “Директор”»... Я буду, Наташа, играть в новом фильме. Обязательно снимусь. Лишь бы хорошо прошла операция...

Как потом вспоминала Наташа, книга об Евстигнееве была последней из прочитанных им. Еще раньше он искал книгу об Иннокентии Смоктуновском, которого боготворил и считал великим актером.

Операцию провели, и она не предвещала выздоровления. Савелий почувствовал это и, вздохнув, сказал, что научился ценить жизнь, то, что окружает его, обожает жену, любит свой дом и главное — природу. Он заглядывался на рассветы и закаты солнца, на то, как распускаются цветы, как теплый калифорнийский воздух колышет листву. Даже редкий в этих местах дождик вызывал радость и умиление на его лице. Он понимал вечность природы и, наверное, хотел хотя бы в душе слиться с нею. Неожиданно становился серьезным. Прочитал сценарий и задумался.

— Я буду молить Бога, чтобы Он продлил мое счастье с тобою, — сказал он Наташе, — чтобы я успел отсняться в новой роли, где смог бы использовать многое, чему научился в творческой жизни. Большая роль с неоднозначным характером героя, к которой я стремился долгие годы. Я люблю комические роли, но мне уже за шестьдесят, я хочу играть роли, которые задела бы души людей и остались в их памяти.

Рядом с Савелием на столике стояла фотокарточка дочери. Он часто и с грустью смотрел на нее.

— Не говори импресарио, что я тяжело болен, — сказал он Наташе, — я молю Бога, и мне становится легче. Я постараюсь выкрутиться...

В дни, когда боли ослабевали, он включал видеомагнитофон, смотрел свои фильмы и телебенефис, смотрел внимательно, видимо где-то ощущая недочеты в игре, и переосмысливал ее. Лишь однажды похвалил себя: «Ну и лихо я сыграл, Наташа!» В этих словах было воспоминание о молодости и грусть об уходящих силах.

Его первая жена Марина писала: «В январе 1995 года у Савелия обнаружили рак прямой кишки. В начале

февраля прооперировали и назначили усиленный курс химиотерапии. В тот же период у него начался острый тромбоз в ногах. Позже тромбы разошлись по всему организму, включая мозг. Весь май, после двух инсультов, Савелий лежал в госпитале слепой, немой, парализованный. Только люди, близко знавшие его, понимали трагизм его положения. 15 мая мы с Басенькой приехали в Сан-Франциско прощаться с Савелием. Застали его уже в бессознательном состоянии. Бася горько плакала оттого, что папа на ее присутствие никак не реагирует. Басенька целовала папу в руки, в губы, прижималась к нему щечкой, долго убеждала его: «Папа, ты должен кушать. Ты выздоровеешь. Мы будем еще много радоваться». Но, увы, никакой реакции в ответ. Басенька очень тяжело переживала папину смерть. Спустя несколько дней проводился День отца. Все ее подруги писали папам открытки. Написала и Бася, но не знала, куда ее отправить, и плакала. Она никак не может освоиться с мыслью, что папы нет в живых. Я ей говорю, что папа сейчас с Богом и продолжает охранять ее и так же заботится о ней, как он это делал раньше. Она по-своему в это верит и говорит: «Мой папа такой хороший, что Бог захотел его иметь рядом с собой».

До последних дней рядом с Савелием была Наташа. Она — на пределе нервных и физических сил, но держится. Олег Видов передал в Москву, на телевидение, что Савелий Крамаров не может двигаться, видеть, только слышит. И Олег просит присылать Крамарову телеграммы. Через несколько часов пришли первые весточки с родины со словами любви и признания. Родина — не только родные, которых почти не осталось, но друзья и миллионы людей, любивших его игру. Олег Видов читал ему приходящие телеграммы.

Лицо Савелия ничего не выражало, но душа наверняка согревалась. Сколько могла...

Наверное, первыми откликнулись на его смерть русские американцы, его друзья — главный редактор «Панорамы» Александр Половец: «Актеры нередко признаются, что со временем начинают невольно повторять в себе какие-то черты сыгранных ими героев, сливаются с их амплуа. Не то — с Савелием: бесконечна была эта дистанция от кинематографического образа, созданного замечательным талантом актера Крамарова, — до Савы, каким мы его знали»; актер Илья Баскин: «Савелия все считали своим в доску парнем. Люди, никогда не знавшие его лично, случайно повстречав его на улице или в магазине, часто обращались к нему на «ты», как к старому корешу. Счастливчик! Ведь таких корешей у него было больше двухсот миллионов. Крамаров был воистину народным артистом».

Через четыре дня после смерти друга вышла в «Общей газете» моя статья: «Савелий Крамаров — странный странник», где говорилось с надеждой, что в конце концов «странность» его объяснится могучим, но не до конца раскрывшимся талантом, постоянным стремлением к совершенству и уникальной добротой к людям, и он когда-нибудь навсегда вернется к нам из своих долгих странствий.

Затем в «Литературной газете» появилась моя статья о нем — «Славный комик», и позже в воскресном «Московском комсомольце» вышел большой очерк — «Последняя молитва Савелия Крамарова, или Золотой билет до города Мертвых». И теперь, наконец, эта книга... Когда Савелий Крамаров жил рядом с нами, мы смеялись над его героями, но не

задумывались о его жизни, в которой ничто не проходило бесследно.

Наш общий с Савелием друг, режиссер, актер и писатель Марк Розовский, с болью в сердце сказал, что если бы жизнь в нашей стране была бы неидеологизированной и свободной, то Савелий Крамаров стал бы русским Луи де Фюнесом, известнейшим во всем мире комиком, поскольку дурак в России больше, чем дурак, он может быть философом, участником высокой комедии. Представляю Крамарова, блестяще и оригинально играющего Хлестакова. Если бы маска Савелия Крамарова не была бы предметом купли-продажи и, за редким исключением, не использовалась бы весьма примитивно, то при работе на него отечественной киноиндустрии мы бы стали свидетелями явления миру грандиозного комика.

Добавлю к словам Розовского лишь то, что даже при всех минусах развитого до потери смысла социализма Савелий своей игрой нес улыбки людям, скрашивая своим искусством их бедную на радости жизнь.

Савелий похоронен неподалеку от города Сан-Франциско на еврейском мемориальном кладбище в Колма — городе Мертвых. Памятник на могиле сооружен по макету его друга — всемирно известного художника и скульптора Михаила Шемякина.

Как позднее рассказывал приехавший в Россию Шемякин, они не были с Савелием близкими друзьями, но общались довольно часто и симпатизировали друг другу. Поначалу вдова Крамарова обратилась к скульптору Эрнсту Неизвестному, который запросил за работу 90 тысяч долларов и вместо памятника обещал поставить на могилу уже изготовленную им голову какого-то мальчика. Вдову это предложение

не устроило. Тогда она обратилась за помощью к Михаилу Шемякину, который отнесся к работе серьезно, трудился добросовестно и весьма изобретательно.

На большом высоком надгробии изображен гримерный актерский столик, на котором лежат маски не сыгранных Савелием ролей; маски совсем не смешные, а трагические, и маски людей-уродов, видимо, на мой взгляд, постепенно рушивших жизнь в России и Савелия Крамарова, и самого Шемякина. Слева расположен то ли занавес, то ли плащ странника, которым представлял себя Савелий; справа, над масками, изображен череп – вероятно, символ рутинности и тупости, убивающих настоящее творчество. В нижней левой части надгробия на мраморе высечены слова на иврите: «Последний дар – вечный покой душе твоей». В центре столика – раскрытая книга с названиями фильмов, наиболее любимых Савелием: «Друг мой, Колька!», «Приключения неуловимых», «Джентльмены удачи», «Двенадцать стульев», «Большая перемена»...

В правом углу столика, в оригинальной железной рамке, стоит его фотография, наверное, самая лучшая из его фотографий. На редкость доброе, обаятельное и улыбчивое лицо Савелия придает всему памятнику жизненность, уверенность в том, что его солнечное, светлое искусство не умрет никогда. И действительно, его фильмы неизменно приковывают нас к телеэкранам и наверняка будут дарить улыбки надежды нашим потомкам.

Савелий сыграл небольшие роли в Голливуде, но сыграл в Мекке киноискусства, где даже на крошечную роль претендуют десятки актеров. Он нашел свою нишу в Голливуде, потому что был талантлив и

Последняя молитва

трудолюбив. Об этом говорил Олег Видов, прощаясь с другом, о том, что он был русским актером, по воле судьбы работавшим в последние свои годы в Америке. И тот изумительный памятник, что возвели ему здесь русские американцы, говорит о том, что они гордятся своим соотечественником.

Наташа, добрая симпатичная женщина, старается сделать все возможное для сохранения памяти о Савелии. Михаил Шемякин передал ей несколько своих картин, чтобы она смогла расплатиться с рабочими за отливку деталей памятника и его установку. Она рассказывала мне, что на открытии памятника ленточку перерезал сам скульптор. Съехалось свыше двухсот человек. Все они подписались под письмом в Министерство культуры России о присвоении Савелию Крамарову звания народного артиста (посмертно). Пришел отказ. Но Наташа и друзья Савелия не опечалились этим фактом — Савелий был и остается одним из самых популярных артистов. И даже за океаном, в далеком от России Сан-Франциско, у могилы Савелия каждый день алеют свежие цветы, принесенные сюда русскими туристами, как благодарность родины, выраженная народом.

Официальное признание пришло через год после смерти. В Лас-Вегас, где живет его дочь, поступила российская награда Савелию Викторовичу Крамарову — «Золотой билет», оригинальная статуэтка, присужденная актеру руководством Всероссийского радио и телевидения.

Необходимое послесловие

Послесловие к этой книге действительно необходимо, поскольку хочется сохранить память об истинном Савелии Крамарове — артисте и человеке, о личности, которой может гордиться страна. Этой цели служит моя книга, увы, не способная в нужном объеме соревноваться со всемогущим в наше время телевидением. «Ящик» смотрят почти все, и он порою на самом деле является ящиком, из которого кое-кому удастся доставать события в подлакированном, а иногда и вообще ложном виде.

И не случайно еще в середине прошлого века восклицал Александр Федорович Керенский, первый демократ во главе России: «Ох, если бы в семнадцатом было телевидение, когда я был министром — председателем Временного правительства, то большевики никогда бы не пришли к власти!»

Нельзя сказать, что телевидение сильно искажает образ Крамарова, но тенденция поверхностного

подхода к нему налицо. Последним удачным документальным фильмом об артисте была работа режиссера и автора сценария Михаила Файнштейна, проживающего в Америке. Фильм назывался «Джентльмен удачи» и получил заслуженное признание телезрителей. Но уже в этой картине наличествовала совершенно лишняя драматизация жизни артиста. А именно — устройство новой личной жизни отца Савелия в лагерное время, что начисто опровергают документы, и перевоз сыном в авоське в Америку праха матери, предварительно выкраденного из колумбария Донского кладбища, что выглядит кощунственно по отношению к любому человеку, тем более к такому честному и религиозному, как Савелий Крамаров. И если бы все-таки он перевез прах матери, то непременно захоронил бы его на кладбище, а не под деревом на любимой им поляне, где, по мнению его жены, это могло состояться. Частности — но ненужные, неправдивые.

А в последней телепередаче о Савелии Крамарове «Браво, артист!» поражает состав ее участников, мало знающих или вообще лично не знакомых с ним. Отсюда и пустословный разговор об артисте, не об его таланте, смелых поступках, гражданской позиции, радостях и бедах, даже умалчивание его семейной трагедии, отразившейся на всей жизни, а лишь умиление его добротой, застенчивостью, скромностью, успехами у женщин, которые на самом деле не принесли ему желанного счастья... Да и от гостей передачи нельзя было ожидать ничего иного, кроме банального разговора об артисте. Не были приглашены те, кто мог серьезно и доказательно рассказать об этом незаурядном явлении в нашем искусстве, имя

которому – Савелий Крамаров. Будем считать это халатностью или нерасторопностью организаторов передачи, а не умышленным сокрытием от народа горькой судьбы талантливого и честного актера в тоталитарном обществе. И тем же объясним, что коронную песню Крамарова: «Меня судьба по всей стране мотает» доверили спеть на редкость благополучному певцу.

Многие участники передачи, особенно женщины, отмечали грустноватый характер актера, играющего смешные роли. Но объяснить этот кажущийся парадокс не захотел или не смог никто. А жаль. Но живы пока люди, хорошо знающие и помнящие актера. У меня, бывало, спрашивают, когда он умер. Я отвечаю, что он ушел от нас, да, ушел, но обладает удивительным чувством сопереживания человеческим жизням. Воспринимает каждое наше желание встретиться с ним, и он... возвращается! Как джентльмен и труженик киноэкрана!

Москва – Сан-Франциско – Москва

Содержание

Враг народа	5
О том, чего не знал Сава	25
Вокруг детской коляски	41
Жестокое прозрение	58
Сава взрослеет	89
Памятная встреча	110
Из лесотехнического в ГИТИС	123
Актерские маневры	137
Юмор – обратная сторона трагедии	152
Киножизнь	172
«Друг мой, Колька!»	189
Рецидивы звездной болезни	201
Прощай, Маша. На пути к Богу	211
Первые конфликты	228
Век живи, век учись	251
Савелий становится странником	276
На волнах заокеанской жизни	303
Борьба с недугом. Прыжок выше головы	322
Зовет родина	346
Любовь по имени Наташа. Юбилей с грустинкой	365
Последняя молитва	381
Необходимое послесловие	396

Литературно-художественное издание

Варлен Стронгин

**САВЕЛИЙ КРАМАРОВ:
СЫН ВРАГА НАРОДА**

Главный редактор *Владимир Вестерман*

Редактор *Кирилл Винокуров*

Оформление вклеек *Александр Шукин*

Компьютерная верстка *Виктория Челядинова*

Корректор *Наталья Семенова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская область, г. Шелково, ул. Заречная, д. 96

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Издательство Зебра Е»
121069, Москва, Скатертный пер., 28
тел.: (495) 202-38-88
E-mail: zebrae@rambler.ru

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.

Качество печати соответствует
качеству предоставленных диапозитивов

А

АКТЕРСКАЯ КНИГА

САВЕЛИЙ КРАМАРОВ СЫН ВРАГА НАРОДА

САВЕЛИЙ ВИКТОРОВИЧ КРАМАРОВ

Замечательный комический артист. Поистине всенародную любовь принесли ему роли в фильмах: «Друг мой, Колька!», «Неуловимые мстители», «Трембита», «Джентльмены удачи», «Большая перемена», «Иван Васильевич меняет профессию»... После отъезда Крамарова в Америку указ о присвоении ему звания Народного артиста РСФСР спешно аннулировали, а фильмы с его участием запретили к показу.

Савелий Крамаров только в зрелом возрасте узнал, что он сын врага народа. Его отец, известный московский адвокат, был арестован якобы за принадлежность к «эсеро-меньшевистской организации», когда Саве было четыре года. Мальчику сказали, что отец на фронте, и после войны он постоянно бегал на Белорусский вокзал, надеясь встретить его среди возвращающихся с войны солдат.

Не знал Савелий и того, что его мать вынудили развестись с «врагом народа», а иначе ее уволили бы с работы. Мама рано ушла из жизни, но, оставшись сиротой, Савелий проявил недюжинную силу воли, чтобы выжить и стать артистом. Крамарова легко утверждали на роли, пока он не стал всенародным любимцем. Тогда завистники, порывшись в его личном деле, обнаружили, кем был его отец, и началась травля. Недоброжелатели стали утверждать, что своими ролями он оглуляет образ советского человека и вообще в советском кино не место артисту с такой вздорной внешностью....

ISBN 978-5-17-055581-9

